

Основан
в 1967 году
Выходит
6 раз в год
Издательство
"Наука"
Москва

Научно-популярный журнал
Института русского языка
Академии наук СССР

Русская 1 речь

1988 ЯНВАРЬ · ФЕВРАЛЬ

- В НОМЕРЕ:** **РЕШЕНИЯ XXVII СЪЕЗДА КПСС — В ЖИЗНИ!**
- 3 *В. Н. Белоусов.* «Моя опора, гордость, радость...»
-
- ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**
- 8 *О. В. Шульская.* О некоторых образах в поэзии
 М. В. Ломоносова
- 13 *В. И. Порудоминский.* Даль и Пушкин (Окончание)
- 19 *А. И. Пауткин.* Две строки А. Блока
- 23 *С. Н. Березина.* «Добреньким быть уже не могу»
- 31 *В. И. Новиков.* Живая вода (Заметки о языке
 поэзии Владимира Высоцкого)
- 38 *Т. Н. Дорожкина.* Термин в художественном тексте
-
- КУЛЬТУРА РЕЧИ**
- 43 *Л. К. Граудина.* «Надо учить говорить весь народ...»
 (Об Институте живого слова)
- 48 *П. В. Веселов.* Как составить служебный документ?
-
- ЛЕКСИКОГРАФИЯ**
- 52 *Т. С. Коготкова.* Заметки о современной областной
 лексикографии
- 60 Из Нормативно-стилистического словаря русского
 языка
-
- ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЯЗЫКОВЕДЫ**
- 63 *С. В. Смирнов.* Учитель — имя твое (К 140-летию
 со дня рождения Ф. Ф. Фортунатова)
- 68 *Н. А. Кондрашов.* Н. С. Державин — ученый-сла-
 вист и педагог
- 73 *В. В. Розанова, В. Н. Сергеев.* А. М. Бабкин — лек-
 сикограф и фразеолог
-
- СЛОВО МОЛОДОМУ ЛИНГВИСТУ**
- 78 *Е. Е. Дмитриева.* Речь городских слоев у Н. В. Го-
 голя
- 83 *И. А. Блохина.* «Вот это да!» (Междометные вы-
 сказывания в речи)

-
- 87 *М. А. Булицина.* Термин «община»: история и современность
-
- СРЕДИ КНИГ**
- 91 *В. В. Иванов, Н. Г. Михайловская, В. М. Панькин.* Язык великого братства
- 93 *Е. А. Левашов.* Словарь прилагательных от географических названий
-
- РУССКИЙ ЯЗЫК В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ**
- 95 *Г. В. Хруслов.* Лермонтовская строка в Японии
-
- ИЗ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ И ПИСЬМЕННОСТИ**
- 99 *А. П. Качалкин.* Памятники деловой прозы в русских архивах
- 108 *Е. М. Верещагин.* «От Пушкина до наших дней»
-
- ЯЗЫК И ОБРАЗЫ ФОЛЬКЛОРА**
- 114 *С. Г. Николаев.* Считалки и считалочные слова
-
- ФОЛЬКЛОР И ЛИТЕРАТУРА**
- 119 *В. П. Владимиров.* «Зальюсь слезами горячими»
- 124 *Н. И. Неженец.* Певец Северного края
-
- ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ**
- 132 *В. Н. Вакуров, В. М. Мокиенко.* Огонь, вода и медные трубы
- 140 *А. Н. Шустов.* Многоликая терапия
- 144 *Т. В. Горячева.* В долгу, как в шелку
-
- ПОСТУПАЮЩЕМУ В ВУЗ**
- 147 *Н. А. Каламова.* Существительные — конкретные, абстрактные, собирательные
-
- ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»**
- 151 Так он вам и поверил..
- 153 Глобальный, глобалистика, неоглобалистский...
- 155 Что привлекло нас во Владимире Высоцком?
-

На обложке рисунок В. Леонова

«Моя опора, гордость, радость...»

В. Н. Белоусов,
кандидат филологических наук

«...Если бы каждый член человеческого рода не мог изъяснить своих понятий другому, то лишены мы были (бы) согласного общих дел течения». Эти слова, сказанные М. В. Ломоносовым о значении человеческого языка вообще, с полным основанием могут быть отнесены и к многоязычным сообществам: ведь общих дел согласное течение зависит и от того, как понимают, как общаются друг с другом люди, говорящие на разных языках.

Великий Октябрь объединил в нашей стране представителей более 100 национальностей. Почти на 130 языках говорят граждане СССР. В этих условиях существует, постоянно возрастая, потребность в языке межнационального общения в самых различных сферах: народного образования, информации и коммуникации, науки и техники, подготовки высококвалифицированных специалистов, делопроизводства, в быту, наконец. Русский язык как средство межнационального общения народов СССР обеспечивает выполнение наших народнохозяйственных планов, планов социального развития, помогает приобщению всех граждан страны к достижениям мирового прогресса, передовой науки и техники, технологии. Благодаря русскому языку все советские люди могут познакомиться с лучшими произведениями нашей социалистической многонациональной культуры, узнать творчество видных писателей различных республик страны — Чингиза Айтматова, Василия Быкова, Сильвы Капутикян, Кайсына Кулиева, Сабита Муканова, Юрия Рытхэу и многих, многих других. Очень хорошо сказал о значении русского языка для советских людей нерусской национальности народный поэт Узбекистана Сабир Абдулла:

«О, русской речи ширь и краткость,
мне близок строй ее и мил,—
моя опора,
гордость,
радость,

окно
в необозримый мир».

Нельзя, наконец, забывать и о том, что знание русского языка необходимо молодым людям нерусской национальности, призываемым на действительную военную службу. Ведь от усвоения большого количества специальной информации на русском языке, от умения военнослужащих разных национальностей свободно общаться друг с другом во многом зависит боеспособность Советских Вооруженных Сил.

Думается, сказанного достаточно для вывода о том, что язык межнационального общения предоставляет наиболее широкие возможности всем народам нашей страны объединить свои усилия для решения поставленных партией и правительством задач перестройки, углубления демократии, дальнейшего роста экономики, развития науки и образования, научно-технического прогресса, повышения обороноспособности страны, распространения культуры.

Средство межнационального общения в условиях многоязычного населения страны, разумеется, необходимо. Им стал русский язык, добровольно принятый всеми народами СССР. Да, действительно, принцип добровольности — важный фактор, но продвижению русского языка в качестве межнационального способствовали прежде всего не субъективные, а объективные причины, обусловленные всем ходом исторического развития страны. Еще В. И. Ленин писал о том, что «потребности экономического оборота сами собой *определяют* тот язык данной страны, знать который большинству *выгодно* в интересах торговых сношений. И это определение будет тем тверже, что его примет добровольно население разных наций, тем быстрее и шире, чем последовательнее будет демократизм» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 23. С. 424—425).

В том, что именно русский язык стал средством межнационального общения наряду с экономическими причинами нашло свое отражение, конечно, и признание народами нашей страны выдающейся роли русского народа в подъеме революционного движения в России, в развитии мировой науки и культуры, в исторических судьбах нерусского населения страны, в решении задач культурной революции. Несомненно, имеет значение и то, что более половины населения страны — русские (это облегчает распространение и усвоение языка).

Нельзя, наконец, не учитывать и собственно лингвистические причины становления русского языка как средства межнационального общения. Русский язык, обладающий точностью, выразительной краткостью и ясностью, богатством функциональ-

ных возможностей, способен отразить все многообразие окружающего мира. «Главный характер нашего языка состоит в чрезвычайной легости, с которой все выражается в нем — отвлеченные мысли, внутренние лирические чувствования, „жизни мышья беготня“, крик негодования, искрящаяся шалость и потрясающая страсть», — писал А. И. Герцен.

Столь же высоко оценивает достоинства русского языка, например, известный французский писатель прошлого века Проспер Мериме: «Русский язык... является богатейшим из всех европейских наречий и кажется нарочно созданным для выражения тончайших оттенков. Одаренный чудесной сжатостью, соединенной с ясностью, он довольствуется одним словом для передачи мысли, когда другому языку потребовались бы для этого целые фразы...»

Русский язык — один из наиболее развитых языков. Благодаря этим своим качествам он давно уже удовлетворяет потребности не только русской нации — является одним из официальных языков международного сотрудничества. Широкое распространение русского языка как мирового обусловлено его высокой информативной ценностью, а также достижениями нашей страны в области социального развития, науки и техники, просвещения и искусства.

Несомненно, можно было бы еще очень многое сказать о значении и роли русского языка в жизни нашего общества, вспомнить немало прекрасных описаний достоинств русского языка, привести исполненные искренней любви и сердечности поэтические и прозаические строки о русском языке, принадлежащие перу советских деятелей культуры разных национальностей.

Но нельзя обойти молчанием и другое. В течение многих десятилетий разного рода советологи не перестают твердить о насильственной «русификации» нашей страны, о привилегированном положении русского языка, о незавидных перспективах развития национальных языков. Пустое, скажет большинство, но находятся и такие, кто пополняет этими измышлениями арсенал национализма. Чего стоят подобные утверждения, можно ли принимать их всерьез, судите сами. Ведь если бы советская языковая политика действительно стремилась к ликвидации национальных языков, то для чего, скажем, за годы Советской власти нужно было создавать письменность для абазинцев, адыгейцев, даргинцев, киргизов, нивхов, чукчей, эвенков — почти для 50-ти ранее бесписьменных языков? Или вести в общеобразовательной и высшей школе обучение на национальных языках,

издавать учебники национальных языков, осуществлять изучение национальных языков в научно-исследовательских институтах? Только в Грузии, например, обучение в школе ведется на грузинском, русском, осетинском, абхазском, азербайджанском, армянском, курдском и греческом языках. На многих десятках языков издаются газеты и журналы, на 77 языках — художественная литература, на 67 языках ведутся радио- и телепередачи, на 47 языках работают театры.

Так о какой же «русификации» можно говорить! Напротив, суть советской языковой политики, как это подчеркнuto и в Программе КПСС, заключается в обеспечении свободного развития и равноправного использования всеми гражданами СССР родных языков, в дальнейшем совершенствовании гармонического национально-русского двуязычия, т. е. в том, чтобы наряду со знанием национального языка все люди нерусской национальности свободно владели русским языком. Достижения советской языковой политики неоспоримы: не случайно развивающиеся страны с многонациональным населением внимательно изучают наш опыт.

Говорить и писать о достижениях, разумеется, намного приятнее, чем о нерешенных вопросах, но ведь именно они, эти нерешенные вопросы, препятствуют тому, чтобы все народы СССР свободно владели русским языком, языком межнационального общения. И эта тема, пожалуй, сегодня самая важная. К сожалению, существующий уровень практического применения русского языка в межнациональном общении в настоящее время не отвечает все возрастающим требованиям экономической и социально-культурной практики социалистического общества. Да и как этот уровень может отвечать современным требованиям, если в целом ряде республик лишь треть, а то и меньшая часть коренного населения свободно владеет русским языком. Например, только четверть туркменов, живущих в Туркменской ССР, свободно владеет русским языком. Почти такая же картина, иногда немногим лучше, в Киргизии, Эстонии, Таджикистане, Грузии, Узбекистане, Азербайджане.

Плохое знание языка межнационального общения препятствует планомерному и более эффективному использованию трудовых ресурсов страны, осложняет внедрение передовой технологии, уменьшает возможности приобщения к духовным ценностям отечественной и мировой культуры. Недостаточное знание русского языка затрудняет и подготовку молодого поколения к защите Родины.

Все это говорит о том, что нужно серьезно улучшать изучение русского языка в республиках. Задача, стоящая перед советскими учеными и педагогами, ясна: должны быть созданы условия для такого обучения русскому языку, которое обеспечит нерусскому населению страны свободное владение этим языком как языком межнационального общения. Еще в 1983 году было принято Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР о дополнительных мерах по улучшению изучения русского языка в общеобразовательных школах и других учебных заведениях союзных республик. Его надо претворять в жизнь.

Особенно остро до сих пор ощущается недостаток в таких исследованиях, которые были бы прямо направлены на улучшение изучения и преподавания русского языка в национальной школе. Более того, и уже имеющиеся результаты научных исследований не всегда используются в учебниках и учебных пособиях. Не редкость, когда учебники русского языка для национальных школ базируются на научных представлениях 50-х годов. В результате отобранный для обучения языковой материал не может сформировать устойчивые навыки общения на русском языке и обеспечить стабильное восприятие русской речи нерусскими. Серьезные замечания вызывают нередко встречающиеся в учебниках собственно языковые ошибки — неточное описание лексики, несвойственная русскому языку синтаксическая и лексическая сочетаемость, неправильное управление и т. д. Недостаточно количество разнообразных учебных пособий, справочников по наиболее трудным вопросам русского языка. Даже однотомный «Словарь русского языка» С. И. Ожегова есть далеко не у каждого учителя. Кстати, многие выпускники национальных школ не владеют русским языком потому, что их учителя сами недостаточно хорошо знают свой предмет.

Сложные и ответственные задачи по дальнейшему улучшению изучения русского языка в республиках решают советские ученые — лингвисты, социологи, психологи, педагоги. Но успех может быть достигнут только объединением усилий ученых-обществоведов и педагогов. Результат стоит этих усилий. Вот как пишет об этом Юрий Рытхэу: «...среди многих радостей, которыми одарила меня жизнь, на одном из первых мест стоит радость знания русского языка, радость говорить на нем, писать, утверждать с его помощью значение родного языка, слышать голоса и понимать друзей, говорящих на множестве языков и наречий в нашей огромной многонациональной стране».

О некоторых образах в поэзии М.В.Ломоносова

О. В. Шульская,
кандидат филологических наук

Белинский назвал Ломоносова основателем русской поэзии и «первым поэтом Руси». Ломоносову принадлежит немалая заслуга в художественных открытиях, получивших дальнейшее развитие в русской стихотворной речи. В своем творчестве Ломоносов отразил поэтические традиции предшественников (отсюда риторичность его стиля), и в то же время, как отмечает исследователь А. А. Морозов, он «во многом предохранил русскую поэзию от иссушающей рассудочности классицизма(...)» Именно Ломоносов помог Державину, а затем и Пушкину преодолеть ограниченность классицизма» (Морозов А. А. Вступительная статья.— В кн.: Ломоносов М. В. Избр. произведения. М.—Л., 1965, с. 59).

Прямое сопоставление художественных систем Ломоносова и последующих поколений поэтов XIX—XX вв. затруднительно из-за принципиально иной организации стихотворных текстов (напом-

ним о роли Пушкина в формировании современного русского литературного языка как основы для развития языка художественной литературы). Однако преэминентность художественных идей поэзии Ломоносова можно проследить на примере отдельных слов-образов, являющихся элементами стихотворных текстов.

С этой целью обратимся к словам-образам, широко используемым еще в древнерусской литературе (Ломоносов здесь выступает как продолжатель традиции), и посмотрим, как, преломляясь сквозь призму гения, эти образы обретали новую жизнь.

Наиболее часто в поэтическом лексиконе Ломоносова встречаются слова-образы, впоследствии довольно распространенные в русской поэзии XIX–XX вв., которые объединены темой «лицо человека»: *глаза, лицо, лоб, губы*. Их высокие синонимы *очи, лик, чело, уста* являются славянизмами, несущими на себе груз устойчивых ассоциаций, устойчивых стилистических оборотов.

В современных словарях все перечисленные славянизмы имеют помету «традиционно-поэтическое». Такое «выравнивание» стилистической окраски произошло не сразу. В литературе ломоносовского периода, скованной рамками классицизма, некоторые славянизмы (*очи, уста, чело*) употреблялись шире и свободнее, вне связи с определенными темами и контекстами, другие (*око, лик*) уже в то время встречались преимущественно в поэтической речи. Показательно, что характер использования этих слов у Ломоносова отражает некоторые общие черты употребления их в поэзии первой половины XIX века: преобладание поэтизмов *очи, чело, уста* в сравнении с их нейтральными эквивалентами (*глаза, лоб, губы*), а также более широкое применение многими поэтами нейтрального слова *лицо* вместо высокого *лик*.

Среди рассматриваемых славянизмов наибольшей частотой в поэзии Ломоносова отмечено слово *очи*, употребляющееся с широким кругом эпитетов. *Очи* у поэта — *бодрые, горящие, злобные, кровавые, мысленные, небесные, прекрасные, пресветлые, прискорбные, томные, умные, царицыны, щедры*. Столь же часто у Ломоносова слово *око*, которое у него *багряное, нежное, пресветло, прещедрое, томное, умиленное*.

В этом списке обращают на себя внимание эпитеты *мысленные* и *умные*, пришедшие из древнерусской книжности. В частности, сочетание *умные очи* встречается еще в Изборнике 1076 года. У Ломоносова читаем: «Дела Петровой дщери громки /Представив в мысленных очах»; «Я вижу умными очами/Колумб российский между льдами/Спешит и презирает рок». Этот же образ находим и в поэзии Державина: «И мысленным очам моим/Не предложу я дел преступных».

Если словосочетания *мысленные очи*, *умные очи* не получают в дальнейшем заметного развития, то другие ломоносовские эпитеты к слову *очи*, такие, как *щедры*, *небесные*, *томные*, *прекрасные*, *прискорбные* найдут распространение в поэтических текстах первой трети XIX века, войдут в число эмоциональных эпитетов. Применительно к слову *очи* обнаруживаем их у Жуковского, Пушкина, Бенедиктова, Ап. Григорьева и других русских поэтов.

Традиционное сопоставление *очей* (глаз) со звездами и небом у Ломоносова получает индивидуализацию: «Целую вас, вы, *щедры очи*,/Небесной в коих блещет луч./Как дни, при вас светлы мне *ночи*(...)» Поэт использует для сопоставления позицию рифмы и обращения, связанного с приемом метонимии. Этот прием получит распространение в поэзии XIX века. Приведем некоторые примеры: «Но зоркие *очи*,/Потухли и вы... Я выглядел вас на деву любви,/Я выплакал вас в бессонные *ночи*!» (Д. Давыдов); «В ваших звездах, *черны очи*,/Я нашел для сердца рай и ад» (Лермонтов); «Недвижные *очи*, безумные *очи*,/Зачем вы средь дня и в часы *полночи*/Так жадно вперяетесь вдаль?» (Фет).

Живописная конкретность, как отличительная черта поэтического дарования Ломоносова, характерна и для рассматриваемого образа. Это впечатление создается благодаря тому, что поэт оживляет традиционные формулы, вкладывая в них новое содержание. Таково, например, соотношение *очей* со стихией огня и света: «Какой, драгая, *жар в очах* твоих блистает!»; «В пучине след его [Левиафана] горит;/*Сверкают очи* раздраженны,/Как уголь, в горниле раскаленный»; «Коль ясен был твой *свет очей*!»; «Трепещут члены все, мутится *свет очей*». А вот примеры влияния Ломоносова на последующие поколения поэтов: «(...) но я не знал,/Что *очи*, полные слезами,/Равны красою с *небесами*» (Лермонтов); «Как ясность безоблачной *ночи*,/Как юно-нетленные *звезды*,/Твои загораются *очи*/Всесильным, таинственным счастьем» (Фет).

В поэтических текстах XX века эти образы, трансформируясь, получают дальнейшее развитие. Лишь некоторые примеры: «Пускай в безмолвных небесах,/Как *факел*, издали сияет/*Огонь огней* в твоих *очах*/И звезды *ночи* вопрошает» (Блок); «Загорятся, как черна смородина,/Угли-*очи* в подковах бровей» (Есенин); «Где она, где *свет* веселый/Серых *звезд* — ее *очей*?» (Ахматова); «Шли мальчишки. Они себя *сжигали/пожаром* в гимназических *очах*» (Евтушенко).

Иную картину наблюдаем при анализе употребления Ломоносовым слов *лицо* — *лик*: нейтральное *лицо* (*лице* у Ломоносова. См. также Словарь Академии Российской, 1806 г.) встречается

чаще, чем славянизм *лик*. При этом слово *лице* поэт использует в его прямом значении — «лицо человека», но употребляет его часто при описании «высоких» объектов: «Как в гроб *лице* Петрово скрылось(...)» Славянизм *лик* представлен в основном в значении «образ, изображение, начертание лица» (см. Словарь Академии Российской): «Одеян в славу Аннин *лик*/Над звезды вечность вносит круги»; «Любовь несет перед собою/Младых супругов светлый *лик*»; «Таков Екатеринин *лик*/Был щедр и кроток и прекрасен(...)»

Слово *лице* довольно часто используется у Ломоносова как деталь олицетворения. Обычно поэт олицетворяет реалии из мира природы: «Уже нам *днёвное светило*/Свое пресветлое *лице*/Все-радостным очам явило/Лучей прекрасных во венце»; «Тогда увидев бег своих,/Луна стыдилась сраму их/И в мрак *лице*, зардевшись, скрыла».

В этом значении слово *лик* у Ломоносова не употребляется. Как славянизм с «размытым» значением *лик* используется в сочетании с абстрактными существительными: «*Доброт* чистейший *лик* вознес/Велику Анну в дверь небес»; «Когда ты [монархиня] крест несла рукою/И на престол взвела с собою/*Доброт* твоих прекрасный *лик*!»

В поэзии XIX века славянизм *лик*, напротив, значительно чаще, чем *лицо*, употреблялся в сочетаниях *лик природы*, *лунный лик*, *лик солнца* и др. Например: «Пушай же *солнца* ясный *лик*/Отныне радостью блистает» (Пушкин); «Сурова, угрюма, с нахмуренным *ликом*» [о туче] (Бенедиктов); «Как много неги горделивой/В *небесном лике* разлилось!» (Фет). В связи с тем, что слово *лик* обозначает не только лицо, но и «внешний вид, образ», сочетания *лик земли*, *лик природы* стали более устойчивыми в поэтической речи, нежели *лицо земли*, *природы*. Пример тому встречаем у Леонида Мартынова: «Чтоб не был бы ни в язвах, ни в коростах,/Ни в синяках великий *лик земли*»; «Может быть,/Ваятель первобытный,/Этот камень трогая резцом,/Слил в единый облик монолитный/*Лик Природы* со своим лицом».

Славянизмы *уста* и *чело* имеют меньшую частотность у Ломоносова, чем *очи* и *лик*. В Словаре Академии Российской при слове *уста* дается толкование «рот», при слове *чело* — «лоб». Об этом свидетельствуют и употребления их в поэтических текстах XVIII века. Так, Тредиаковский, который говорит о достоинствах старославянского языка, синонимами слова *уста* называет русские эквиваленты *зубы* и *рот*, слова *чело* — *лоб*:

Пусть вникнет он [Ломоносов] в язык славенский наш
степенный(...)

Не *голос* чтется там, но сладостнейший *глас*;
Читают *око* все, хоть говорят все *глаз*;
Не *лоб* там, но *чело*; не *щеки*, но *лани*ты;
Не *губы* и не *рот*, *уста* там багряниты(...)

Несмотря на упреки Тредиаковского, этим рекомендациям следовал и Ломоносов. Русские синонимы слов *уста* и *чело* встречаются только в сатирических стихотворениях поэта.

Слово *чело* находим у Ломоносова как в значении «лоб» («Дай из роз в лице ей крови/И как снег представь белу./Проведи дугами брови/По высокому *челу*»), так и в значении «лицо»: «Тогда возвел монарх веселое *чело*/К начальникам своих победоносных ратных». Во втором своем значении оно получило распространение в поэзии XIX века: «У Нины вспыхнуло *чело*/И очи ярко заблистали» (Баратынский); «И в сече, с дерзостным *челом*/Явился пылкий Цицианов» (Пушкин). Встречается это слово в том же значении и у поэтов XX века: «Прилипла прядь волос к бескровному *челу*» (Ахматова); «Вознес над суетой стальной одури/строгое — /древних икон — /*чело*» (Маяковский).

Славянизм *уста* у Ломоносова обнаруживаем гораздо чаще, нежели его нейтральные синонимы *рот*, *губы*: «Вы, ножки, что лобзать желают/Давно *уста* высоких лиц»; «Где храбрый готлов победитель/Лобзал и в очи, и в *уста*/Впервые плод свой вожденный».

Слово *уста* Ломоносов использовал и в более широком значении — «чья-то речь»: «О древность, славная пречудными делами./Что Пиндар до небес трубящими *уста*ми/Чрез множество веков в концы земны гремит»; «Вещает ложь язык врагов./Десница их сильна враждою./*Уста* обильны суетою». Ср. у Пушкина: «Напрасно счастье мне сулили/*Уста* волшебниц молодых».

Наблюдения, приведенные в этой статье, опираются, естественно, на гораздо более обширный иллюстративный материал. Однако даже краткий анализ употребления традиционных для Ломоносова слов позволяет увидеть, как последовательно формировалась поэтическая фразеология, включающая эти слова, как утверждались в русской стихотворной речи образы, имеющие давнюю поэтическую традицию. Большинство эстетически значимых славянизмов, встречающихся у поэта, стали художественным достоянием русской национальной стихотворной культуры.

Вильнюс

Рисунок В. Леонова

Даль и Пушкин*

. Порудоминский.

оследние встречи Даля и Пушкина — зима 1836—1837 годов, последняя пушкинская зима.

Всякое упоминание о приезде Даля в Пе-

тербург с 1833 по 1836 год — это, почти наверное, сведение о его новой встрече с Пушкиным. Но документально подтвержденных данных пока не имеем.

В начале 1835-го (новую датировку см. в кн.: Пушкин. Письма последних лет. Л., 1969, с. 257) Пушкин посылает В. А. Перовскому четыре экземпляра «Истории Пугачева» (один для Даля): «Жалею, что в Петербурге удалось нам встретиться только на бале. До свидания, в степях или над Уралом» (Пушкин. Полн. собр. соч. Т. XVI. М.—Л., 1949, с. 22; далее — только том и страница). Перовский проводит в Петербурге два месяца — с 20 декабря 1834 года по 27 февраля 1835-го; был ли Даль со своим начальником в столице, пока не знаем.

16 августа 1836 года датирована статья Даля «Во всеуслышание», присланная Пушкину из Оренбурга и предназначенная, очевидно, для «Современника». Она написана в поддержку статьи Гоголя «О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году», напечатанной (без подписи) в первом томе пушкинского журнала, и направлена против губительного духа торгашества в литературе, прежде всего против нравов (безнравственности), утверждаемых «Библиотекой для чтения». «Чувство, питаемое всеми нами к издателю «Современника», должно воспламенить каждого из нас к благородному соревнованию на поприще полезного и изящного», — пишет Даль (Бумаги А. С. Пушкина. Вып. 1. М., 1881, с. 46). Пушкин, после статьи Гоголя и им самим сочиненного «Письма к издателю», видимо, не желает более касаться этой темы: рукопись статьи Даля остается в его бумагах и увидит свет лишь годы спустя. Одновременно со статьей Даль приветствует издание «Современника» стихотворным посланием (Гос.

* Окончание. Начало в №№ 5, 6 за 1987 г.

публ. биб-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, отдел рукописей, ф. 539, № 1494), вряд ли имеющим хоть какую-нибудь поэтическую ценность, но имеющим ценность документа, свидетельствующего, что в литературной борьбе Даль становится плечо к плечу с Пушкиным. Даль возле Пушкина как-то смелее, чем сам по себе.

«Братьям и сподвижникам» адресует Даль статью «Во всеуслышание» (эпиграф — из Грибоедова: «Послушай, ври, да знай же меру: есть от чего с ума сойти!»). Братьям и сподвижникам по литературной борьбе, ратоборствующим с разгулом булгариных в отечественной журналистике, посвящены страницы и его «Писем к свату», печатаемых в «Московском наблюдателе» (1836, ч. 8). «А есть еще и такие, сват, что бегают сыщиками, легавыми, из угла в угол, из кута в кут: дай ему только дорыться, докопаться до слова, которое можно выверотить наизнанку, (...) — так его пряником не корми...» За притчами, за байками угадываются прототипы, иносказания; балагурство не прячет, а выявляет истину. Идет рассказец о мужике-пряничнике, на которого поступил донос, будто печатает фальшивые ассигнации; пришли с обыском, нашли доску-форму с вывернутой надписью, оттиснули, прочитали: «Сия ковырьжка Вяземская» — намек незамысловатый! А «доносчик что ж?.. Да что, пошел лазить по другим углам, не найдет ли еще где чего закаять, захаять (...) да выверотить наизнанку».

Датой 19 октября 1836 года — последняя для Пушкина лицейская годовщина — помечены заключительные строки «Капитанской дочки». В этот знаменательный день, или в один из ближних, Пушкин получает письмо из Одессы от некоего П. И. Мартоса, офицера, — автор желал бы видеть больше решительности в борьбе «Современника» с «Библиотекой для чтения». Говоря о стремлении редактора «Библиотеки» О. И. Сеньковского «уронить, помрачить, смешать с грязью произведение, имеющее непомрачаемое достоинство», корреспондент Пушкина прибавляет тут же: «Прекрасна в № 11 Москов.(ского) Наблюд.(ателя) притча об орле и вороне» (XVI, 167).

Если Пушкин не успел до той поры перелистать книжку журнала, удивляется, наверно: «Капитанская дочка» со сказкой Пугачева лежит пока у него на столе. Но речь о притче Даля.

«Орел... гуляет под облаками, в высотах поднебесных; и зорко он, зорко... Он реет на кругах, и видит все, и созерцает все, что на лице земли, и малое, и большое. Вот расходился и заклектал, на распахнутых, широких крылах пlying: утесы круче стены кладеной, пади, провалы страшные, сосны, лиственницы вековые, горные потоки в лучах светила зубчатыми молниями мелькают...

А карга, попросту ворона, на дряблом пне сидючи, покивала головой, повертела ею, поприцелилась вороньим глазом своим в бок, в другой — и закричала: что за пустомеля, гуляка этот! Чай бредит спросонья! Пень стоит на луже, в нем червоточина, да дятел выбирает из него козявок, да гнилью от него несет — только и есть всего на все, вот и все!..» Вороне не суждено видеть огромного мира, подвластного взору орла. Да и «сердце не терпит, чтоб кто-нибудь живой человек смел идти своим путем дорогою...» (У Пушкина в статье о причинах, по которым Баратынский — и он сам, Пушкин, конечно! — не имеет былого успеха: «он шел своею дорогой один и независим» — XI, 186). Пушкину — свое; Сенковскому — свое. Примечательно в притче Даля это словцо «гуляка» — «гуляка праздный» был пушкинский Моцарт!

Даль приезжает в Петербург — в отпуск и вместе по делам службы — в конце 1836 года. Он проводит неподалеку от Пушкина последний его месяц. В эту трудную пору Пушкин не раз находит время встретиться с Далем. Он жадно знакомится с собранными Далем сокровищами. К этим последним встречам всего более относится свидетельство Бартенева: «Пушкин деятельно ободрял его, перечитывал вместе с ним его сборник и пополнял своими сообщениями» (Русский архив, 1872, № 10, ст. 2026). О том же горячо пишет Даль в «Напутном» к «Толковому словарю»: «А как Пушкин ценил народную речь нашу, с каким жаром и усладою он к ней прислушивался, как одно только кипучее нетерпение заставляло его в то же время прерывать созерцания свои шумным взрывом одобрений и острых замечаний и сравнений — я не раз бывал свидетелем» (Даль Владимир. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I. М., 1955, с. XIII; далее — ТС, том и страница).

Тот же Бартнев со слов Даля записывает: «За несколько дней до своей кончины Пушкин пришел к Далю и, указывая на свой только что сшитый сюртук, сказал: «Эту *выползину* я теперь не скоро сброшу». *Выползиною* называется кожа, которую меняют на себе змеи, и Пушкин хотел сказать, что этого сюртука надолго ему станет. Он действительно не снял этого сюртука, а его спорили с него 27 января 1837 года, чтобы облегчить смертельную муку от раны» (Русский архив, 1872, № 10, ст. 2026).

Замечательно, что Пушкин сам заходит к Далю, чтобы ближе познакомиться с его делом — он *настоятелен*, «неотступен в требованиях», по Далеву толкованию (ТС, II, 474). Мельников-Печерский, тоже, конечно, со слов Даля, раздвигает рамки встречи, указывает на предыдущую: «Незадолго до смерти Пушкин услышал от Даля, что шкурка, которую ежегодно сбрасывают с себя змеи,

называется по-русски *выползина*. Ему очень понравилось это слово, и наш великий поэт среди шуток, с грустью сказал Дально: „Да, вот мы пишем, зовемся тоже писателями, а половины русских слов не знаем!..“ (...) На другой день (!) Пушкин пришел к Дально в новом сюртуке. „Какова *выползина*! — сказал он, смеясь своим веселым, звонким, искренним смехом. — Ну, из этой *выползины* я не скоро *выползу*. В этой *выползине* я такое напишу (...)“» (Даль В. И. Полн. собр. соч. в 10 томах. Т. I. СПб. — М., 1897, с. XXXVIII; далее — только ВД, том и страница).

Это «я такое напишу» подтверждает запись, сделанная М. П. Погодиным почти тотчас после смерти поэта (21–28 февраля 1837 года): «Даль рассказывал о последних минутах Пушкина нашего. За три дня до смерти он сказал: «Я только что перебесился, я буду еще много работать» (А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. В двух томах. Т. II. М., 1974, с. 26). Погодин пишет по горячим следам — трудно не поверить! Если «за три дня до смерти» означает — до поединка, то последняя встреча Пушкина и Далья — 24 января; если сказано буквально, то — 26-го, накануне дуэли.

«28 января 1837 года во втором часу пополудни встретил меня Бушуцкий (литератор — В. П.), едва я переступил порог его, роковым вопросом: «Слышали вы?» — и на ответ мой: «Нет», — рассказал, что Пушкин накануне смертельно ранен», — так начинает Даль записку «Смерть А. С. Пушкина» (там же, с. 229–233).

«У Пушкина нашел я уже толпу в передней и в зале (...) — продолжает Даль. — Я подошел к болящему, он подал мне руку, улыбнулся и сказал: „Плохо, брат!“ Я приблизился к одру смерти и не отходил от него до конца страшных суток».

Замечателен сам тон записки — уверенный, без лишних объяснений и оправданий. Узнал о случившемся — и он уже у Пушкина: *ощущение права* на такой поступок.

В доме поэта он застаёт лейб-медика Арендта, Спасского, домашнего врача Пушкиных, но именно Даль остаётся с поэтом неразлучно до конца. Другие врачи приходят, уходят — Даль неразлучно с ним: опять-таки *внутреннее ощущение права* на это, близости, причастности — вряд ли тут не сказываются какие-то неизвестные нам особенности личных отношений в последние дни перед поединком.

Умиравший Пушкин впервые обращается к Дально на «ты»: «В первый раз сказал он мне *ты*, — я отвечал ему так же, и побратался с ним уже не для здешнего мира».

«Плохо, брат!» *Брат* Даль... Словно поворачивается что-то, чего не знают и многие современники. Накануне Далю забывают сообщить о происшедшей дуэли, он узнает о ней позже других, случайно, появляется в доме по праву, ему одному известному, — и тотчас оказывается в самом близком окружении умирающего поэта.

А. И. Тургенев, который повезет прах Пушкина в Святые горы, пишет: «Друг его и доктор Даль облегчал последние минуты его» (Пушкин и его современники. Материалы и исследования. Вып. VI. СПб., 1908, с. 59). Н. В. Станкевич рассказывает о смерти поэта, ссылаясь на журнал (видимо, записка), «веденный доктором Далем, другом Пушкина» (Переписка Николая Владимировича Станкевича. 1830–1840. М., 1914, с. 514). Софья Карамзина называет Далья «ангелом-хранителем» (Пушкин в письмах Карамзиных 1836–1837 годов. М.—Л., 1960, с. 178). Жуковский включает его в список *ближайших*, кому можно доверить описание смерти Пушкина (Временник Пушкинской комиссии, 1937, № 3, с. 376, 386).

Особую близость Далья к Пушкину в последние сутки жизни поэта Жуковский подчеркивает и в знаменитом, рассчитанном на широкое распространение письме к Сергею Львовичу (А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. II, с. 341–355). О последней ночи он пишет: «Эту ночь всю Даль просидел у его постели, а я, Вяземский и Вьельгорский в ближней горнице... он продержал Далья за руку...» Жуковский записывает пересказанные Далем последние разговоры Пушкина (и прибавляет: «Все это его точное выражение»).

Подробности смерти Пушкина хорошо известны. Напомним все же, что последние видения поэта: «Мне было пригрезилось, что я с тобою лезу по этим книгам и полкам высоко — и голова закружилась» — связаны с Далем; что последние слова его: «Ну, подымай же меня, пойдем, да выше, выше, ну, пойдем» и чуть позже: «Кончена жизнь!» — обращены к Далю (там же, с. 231–232).

«Мне достался от вдовы Пушкина дорогой подарок: перстень его с изумрудом, который он всегда носил последнее время и называл — не знаю почему — талисманом, — рассказывает Даль, — достался от В. А. Жуковского последняя одежда Пушкина (...) Это черный сюртук с небольшою, в ноготок, дырочкою против правого паха» (там же, с. 225).

В подарке Жуковского своего рода подтверждение истории с «выползницей»; что до перстня, — это не тот талисман, которому посвящены стихи — в перстнях для поэта была своя, не вполне

для нас постижимая символика. Мельников-Печерский пишет, что перстень с изумрудом, по признанию Пушкина, дарил ему творческую силу (ВД, I, XXXVII). Это же косвенно подтверждается письмом Даля к В. Ф. Одоевскому (человек к Пушкину близкий и о нем осведомленный) от 5 апреля 1837 года: «Перстень Пушкина, который звал он — не знаю почему — талисманом, для меня теперь настоящий талисман (...). Как гляну на него, так и пробежит по мне искорка с ног до головы, и хочется приняться за что-нибудь порядочное» (Лит. наследство. Т. 58. М., 1952, с. 145).

Речь как бы о пушкинском завете, пушкинском настоящии, с которым создатель «Толкового словаря живого великорусского языка» прожил жизнь.

Две строки А. Блока

А. И. Пауткин,
кандидат филологических наук

«Незнакомка» А. Блока — одно из бессмертных романтических стихотворений русской поэзии. Оно не потеряло привлекательности для новых поколений, как не стареют лучшие явления искусства, некогда прочно связанные со своим веком. Суть его, когда оно только появилось в печати, хорошо определила семнадцатилетняя Аня Горенко, будущая Анна Ахматова: «Стих „Незнакомка“... великолепно, это сплетение пошлой обыденности с дивным ярким видением» (Новый мир, 1986, № 9. С. 204). Противопоставление низкой прозы жизни и возвышенной мечты составляет содержание стихотворения и дает движение сюжету. Душа замысла — идеальный образ красоты, женственности и надежды волнует своим благородством и таинственностью.

Как ни волшебное чудесное видение женщины-незнакомки, образ ее все-таки складывается в нашем представлении из подробностей большей частью вполне материальных, тех, что в непоэтическом, житейском обиходе мы назвали бы чертами прекрасной внешности: «девичий стан, шелками схваченный», «и шляпа с траурными перьями, и в кольцах узкая рука». Что касается туманов и древних поверий («дыша духами и туманами», «и веют древними поверьями ее упругие шелка»), — то эти романтические уточнения подчеркивают «нездешность» героини, пришедшей откуда-то из туманных далей и иных времен, то есть решительно отгораживают, отчуждают ее от окружающей пошлости, и они не составляют загадки. Но вот что видит герой далее:

И странной близостью закованный,
Смотрю за темную вуаль,
И вижу берег очарованный
И очарованную даль.

Читателя интригует загадочный смысл двух последних строк, таинственность символа, казалось бы, невозможность его дешифровки, какого бы то ни было соотнесения с конкретностью жизненных явлений. Что за берег видит герой и почему именно берег, а не что-либо иное, и почему берег и даль очарованные, в каком смысле? Можно думать, что это безотчетный отлёт поэтической образности, оторвавшейся от жизненных основ, своего рода сло-

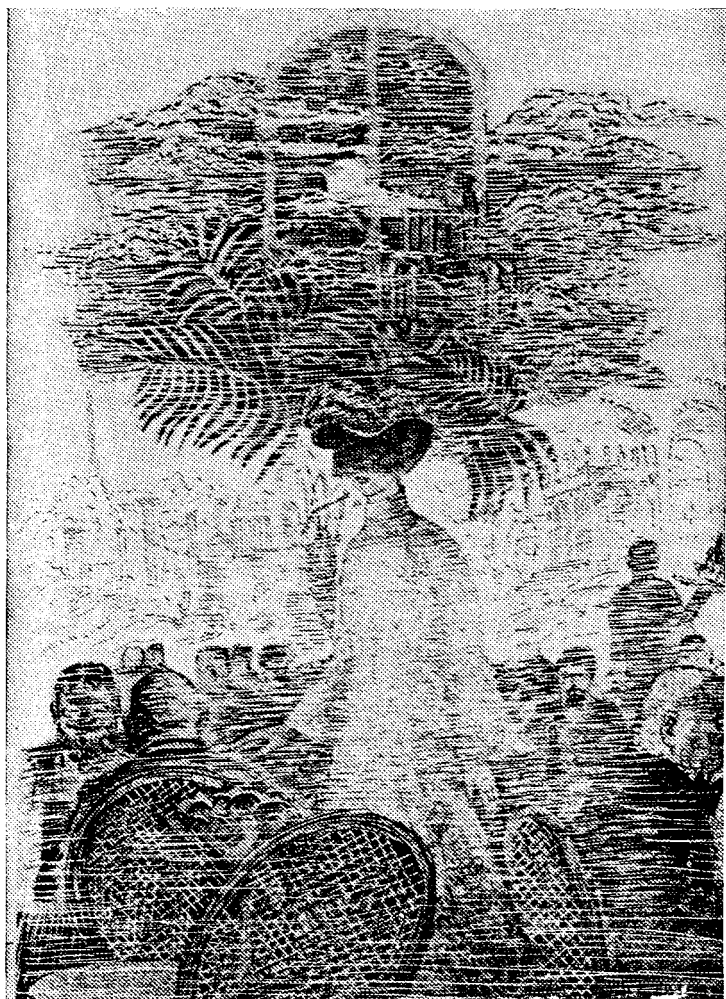
весно-эмоциональный знак лирического настроения в самом общем виде, не более. Между тем оказывается, что и эти загадочные строки рождены жизнью, и прежде, чем стать поэтической формулой «Незнакомки», фигурировали, как ни странно, в научно-популярном контексте.

В петербургском еженедельнике «Живописное обозрение» (1874, № 21), издававшемся популяризатором науки Н. И. Зуевым, среди описаний путешествий, очерков по географии, этнографии, истории была напечатана обстоятельная статья о миражах, принадлежавшая, вероятно, перу самого редактора-издателя. Педагог по образованию Н. И. Зуев выпустил несколько книг по географии и истории, в основном учебного предназначения. Второй раздел статьи «Миражи» был озаглавлен: «Видение очарованного берега». Сравнение этого заглавия и строки Блока: «...вижу берег очарованный» говорит о фактическом тождестве трехчленных фраз, а отличия грамматических форм и инверсия последних слов в данном случае не так существенны. Чтобы разобраться в сути вопроса, обратимся к журнальному тексту «Миражей», где на стр. 326—327 читаем:

«Знаменитый исследователь полярных морей капитан Скорсеби описывает один из самых замечательных видов миража, под названием „в и д е н и я о ч а р о в а н н о г о б е р е г а“».

Дело случилось 18-го июля 1820 года, когда Скорсеби находился в Баффиновом заливе (в Ледовитом море)... На пустынном берегу Гренландии (ср. «на дальнем берегу» у Блока.— А. П.), казалось, стоял какой-то древний город, состоявший из развалин, замков, дворцов, обелисков, храмов, колонн и других примечательных и обширных зданий. Шпили и верхи колоколен, а равно и крыши зданий и зубцы башен являлись чрезвычайно отчетливо... Все это было одушевлено какою-то таинственной жизнью... Здесь, посреди белого дня, совершалась какая-то дивная фантазмагория. Замок переходил в обелиск, а колонна превращалась в храм, который в свою очередь видоизменялся в скалу, башню или гору. Между зданиями и горами тянулись широкие долины, через которые перекинуты были мосты в несколько верст длиною, и однако ж с одною аркою. Некоторые из зданий были украшены великолепнейшими причудами зодчества, и все было так отчетливо, что можно было с помощью телескопа сосчитать спайи камней, трещины в стенах и сводах и извилистые жилы на каменных породах гор. Некоторые впадины и плоскости были покрыты снегом, из-под которого выдавались наружу выступы, зубцы и т. п.»

Вот такая поистине удивительная, волшебная картина стоит за словами «видение очарованного берега». И вот какого рода за-

вороженный, сказочный мир открывается взору героя за темной вуалью Незнакомки.

Поэт, должно быть, хранил в памяти конкретность или общее впечатление подобного описания, как и самое название явления. Его Незнакомка – пришелица из мира грез, прекрасный призрак, видение, лицо, конечно, мнимое («иль это только снится мне?»),

и в представлениях о нем уместны, естественны черты особой миражной образности. Без сомнения, из того же круга и «очарованная даль», и «очи синие бездонные цветут на дальнем бере́гу», словно обманчивое видение в пустыне — роскошная растительность оазиса возле живительного озера.

Мотивы такой миражной образности существенны и в написанной тогда же, в 1906 году, драме Блока «Незнакомка». Акты ее названы «видениями», и сама она первоначально была озаглавлена «Три видения». Чаще всего именно этим словом обозначались разновидности миражей. Так, и в упомянутой статье Н. И. Зюева четвертый и пятый разделы соответственно названы: «Видение миража на Суссекском берегу» и «Видение Дуврского замка». В ремарках блоковской драмы есть переключки с описаниями миражей. Таково заключение второго действия, причудливой изменчивостью снежной архитектуры подобное уже знакомому явлению чудес гренландского берега: снег «запорошил уже и мост и корабли. Он построил белые стены на канве деревьев, вдоль стен домов, на телеграфных проволоках. И даль земная и даль речная поднялись белыми стенами, так что все бело, кроме сигнальных огней на кораблях и освещенных окон домов. Снежные стены уплотняются. Они кажутся близкими одна к другой. Понемногу открывается — *Третье видение*». Ремарки «первого видения» о кораблях тоже напоминают миражные картины. У Блока: «Все вертится, кажется, перевернется сейчас. Корабли на обоях плывут, вспенивая голубые воды. Одну минуту кажется, что все стоит вверх ногами». В статье «Миражи» (стр. 328): «Скорсеби смотрел в трубу и видел, как корабли повертывались кверху дном и мачтами книзу, сохраняя в точности всю оснастку».

Все это дополнительно подтверждает первоначальную догадку. Истоки символического образа очарованного берега и очарованной дали в «Незнакомке» конкретны — это восхитительный, фантазмагорический мираж, отсюда и особенности словесного воплощения. Иначе говоря, не что иное, как конкретность, рождает даже самый таинственный символ. Путь творчества прихотлив, но так или иначе он пролегает по жизненной почве. Остается ответить на вопрос, откуда шла осведомленность Блока. Была ли в их доме старая (за шесть лет до его рождения) подшивка журнала, или он читал какое-то иное издание с тем же материалом? Им могла быть, в частности, книга Н. И. Зюева «Иллюстрированная популярная физическая география» (СПб., 1873, ч. 1), в которой описания миражей сопровождаются серией рисунков. Было ли то впечатление детских или творческих лет? Выяснить такие подробности уже дело биографов поэта.

Рисунок Н. Беланова

„Добреньким быть уже не могу”

С. Н. Березина,
кандидат филологических наук

№ 31, 1986). Такое отношение и отразилось в его рассказе «Жизнь прожить».

По своей форме — это классический русский рассказ в рассказе, по глубине и широте содержания — целый роман о довоенной и послевоенной жизни сибирской деревни Изагаш на берегу великого Енисея, где все происходящее показано через судьбу обыкновенной супружеской четы — Ивана Тихоновича и Татьяны Финогеновны Заплатиных.

Астафьев, говоря о замысле этого рассказа, как-то заметил, что отправной точкой ему послужили «Старосветские помещики» Гоголя. Действительно, влияние великого сатирика сказалось и на построении сюжета (жизнь двух престарелых людей, связанных большим чувством, их трогательная забота друг о друге, смерть жены, горе пережившего ее супруга), и на речевой манере писателя, на изображении главных героев и на их речи.

Повествование в рассказе ведется от лица автора, в которое органично включен сказ старика Заплатина о прожитой жизни, которая его «мяла» (...) валяла, утюжила, мочила и сушила». Не желая «улучшать» исповедь Ивана Тихоновича «своим вмешательством», автор тем не менее все время с ним рядом, в их судьбах много общего: они одногодки, судя по философским отступлениям

а вопрос о том, почему его последние вещи «показались злыми, желчными», Виктор Петрович Астафьев сказал: «Нет, злым я не был никогда. Даже в худшую пору своей жизни. Но и добреньким быть уже не могу» (У Виктора Астафьева, на Енисее. Печальные беседы с автором «Печального детектива» — Огонек, писателя к современной жизни

в рассказе, у них одинаковые взгляды на жизнь, оба фронтовики, им нравятся стихи одного поэта. Отсюда понятна авторская гордость: «Рассказ его не зря был доверен мне. Я чего не понял, то почувствовал, проникшись его благодарной печалью». Эта общность повлияла на речь автора, складом напоминающую речь героя.

Писатель изображает жизнь такой, как она есть, положительное и отрицательное предстает в рассказе в сложном диалектическом переплетении. Это сообщает произведению полемическую заостренность, расширяет сферу обозрения. Астафьев-сатирик выступает здесь с открытым неприятием «хамства, уверенного в своем праве сминать на своем пути все, что к нему недружелюбно», клеймит равнодушие и пассивность, трусость и беспринципность.

Авторское отношение к происходящему, к персонажам выражено сменой иронических тонов: от добродушной усмешки до едкого сарказма. Легкой иронией окрашены образы Ивана Тихоновича, Татьяны Финогеновны, тетки Лельки, братьев и сестер главного героя; всевозможные оттенки гневной иронии — в образах Петруши, Сысолятихи, Костантина. С иронией разящей, убийственной, переходящей в сарказм, обрисован образ «мамули». Но характеры персонажей астафьевского рассказа приобретают очертания не столько благодаря средствам внешнего комизма, сколько — речевой окраске этих персонажей и самого автора, богатой диалектизмами, емкими и необычными метафорами, меткими словосочетаниями и поговорками.

Большой удачей писателя явилось создание колоритного образа невестки стариков Заплатиных — «мамули», как ее все зовут (Напомним, что разработку этого образа Астафьев продолжил в романе «Печальный детектив», где с болью размышляет о судьбах и жизни детей, исковерканных «при рождении дорогими мамулями и папулями»). Выстраивая свой персонаж без имени, автор — мастер лаконичной, многоплановой сатирической характеристики, одним словом подчеркивает жеманство и манерничанье — основные, но не главные черты изображаемой натуры. Нелицеприятная авторская оценка проявляется при описании внешнего вида «мамули», которая «шествует (...) вся в золоте, в седом герцогском парике времен Людовика Прекрасного, в платье сафари, не то треснувшем на задку от ресторанного харча, не то для фасону вспоротом». Такое щедро-комическое смешение лексики разных стилей — соседство книжных *шествует* (этот глагол с торжественно-ироническим оттенком задает тон всему эпизоду), *парик времен* (несуществовавшего!) *Людовика Прекрасного*, *платье сафари* в рядом — грубо-просторечных (*треснувшем на задку от ресторана*;

ного харча, для фасону вспоротом) указывает на суть обличаемого явления. Изображение внешности «мамули» формирует у читателя критическое к ней отношение, вся портретная характеристика этой героини строится на деталях, недвусмысленно намекающих на ее нравственные качества («вся в золоте», модные парик и платье, купленные явно не на зарплату).

Развенчивают «мамулю» ее взаимоотношения с окружающими. Авторскую оценку ее разделяют и старики Заплатины. Свекровь, «завидев невестку на деревенской улице, всегда пугливо замирала в себе, боясь, что у невестки что-нибудь принародно лопнет и обнажится». А Иван Тихонович «при виде невестки начинает всплывать черной пеной, под картузом у него вроде бы дымится. «Явля-а-ет-ся, выдра кабацкая! Ощастливела родителей, пас-с-куда!..» Такое сильное выражение чувств доброго по натуре человека и сама фраза, ее построение, произношение некоторых слов в ней в растяжку — все дает читателю возможность оценить силу неприязни стариков к «стерве-невестке», которую они терпят только из-за любимой внучки. Даже в сообщении Ивана Тихоновича о бесславном конце невестки, несмотря на то, что внучка осталась сиротой, находим комическое сравнение: «(...) Мамулю загребли в тюрьму (...) Не одну, целую банду из общепита заневодили, *будто табун зубатки в мутном половодье*» (здесь и далее курсив наш — С. Б.).

Отношение автора к невестке Заплатиных особенно ярко проявилось в ее речи. Так, внутренний цинизм «мамули» — одно из основных качеств этого сатирического характера — вылез наружу в ее развязной откровенности. Обращаясь к дочери, она враждебно цедит сквозь зубы бранные слова: «Ты у меня, *гада*, упали! Ты у меня, *сикуха*, ноги повреди!» Упиваясь своей наглостью, она хамит мужу, демонстративно не называет его по имени, говорит о нем в третьем лице, «да так, чтоб родителям было слышно: — Нарочно с машиной резину тянет!.. Чтoб жену не увели с машиной! Го-го-го! Та я жа сама утягну хоть артиста, хоть енера-ла!» А чего стоят ее циничные мечты, сокровенные признания: «Моя Клавка, когда вырастет, усех танцами прэвзойдет! А ту, как ее (...) что с балету, что народная артистка, видали мы таких народных! — ту у гроб загонит!..» Обилие исковерканных слов и разговорно-бытовых выражений со сниженной экспрессивно-стилистической окраской в речи «мамули» дают читателю представление о ее внутреннем мире. Целям сатирического разоблачения этой героини служит едкое замечание автора о том, что она, когда выпьет, то не говорит, а «надсаженным от курева голосом аркает». Так языковые средства раскрывают грани характера персона-

жа, выявляют сущность изображаемого типа. Воссоздавая стихию языка грубой, вульгарной и малокультурной «мамули», Астафьев фиксирует ее образ мыслей, выражает свое отношение к ней и ей подобным.

Под авторским прицелом и любимая собака невестки Заплатиных. Комический эффект создают резкие стилистические нюансы — сочетание ласкательного «собачка Жозефиночка» и грубо-просторечного «с блатной мордой», у которой «из-под челки мерцает глаз вылитого качинского урки», а также тщательно подобранные детали: собаку носит на руках муж «мамули», Жозефиночка живет «в современных апартаментах» (не в квартире, не в комнате, а только «в апартаментах» и может жить «мамуля» со своей любимицей), спит она «на отдельной тахте», не ест, а вкушает «только сахар и птичий фарш со сливками» (ну чем не птичье молоко!). «Собачка» соответственно и ведет себя: «негодует и тывкает, от страха или наглости облаивает всех встречающих и поперечных в электричке, на улице, в городе и в деревне». Глагол *негодует* антропологичен, поэтому очеловечивание чувств Жозефиночки производит абсурдное впечатление, усиливая комический смысл всего эпизода.

Углубляет образ хищницы-невестки Заплатиных иронический авторский комментарий: иногда обстоятельный, развернутый («Петруша прет две сумки в руках, прихватив еще бидон с городским питьем, настоящим на заморских травках. Деревня в горах стоит, вода здесь известковая, лишняя известь вредна для костей, говорил мамуле на курорте какой-то знаменитый профессор. Травки эти дорогие и полезные нынче пьют все высокоумные и развитые люди. Правда, травки те заморские Петруша видывал на приемисейском покосе, да кто ему поверит? Нужен настой, значит, тащи — для похудения жене, для эластичности кожи и для укрепления костей дочке»), чаще лаконичный (у «мамули» зубы, «покрытые итальянским лаком, чтоб не портились от жирной пищи», «ноги ее [Клавочки] мамуле дороги, пожалуй что, дороже и нужней, чем сама дочь»).

Показывая полное отсутствие нравственных и духовных начал у «мамули», изображая, как уродует человека потребительская психология, писатель продолжает разработку одной из «вечных» тем русской литературы: обкрадывая других, человек обворовывает самого себя.

Астафьев не только показывает, каким бывает воинствующее хамство, но и указывает его жертвы. В рассказе это — муж «мамули». Ироническое изображение Петруши, в свою очередь, добавляет штрихи к портрету «мамули». Различные оттенки иронии —

от еле заметной до уничтожающей — использует писатель для выражения своей антипатии и презрения к сыну Заплатиных. Петруша, несомненно, тоже образ сатирический, но по масштабу мельче, чем его супруга.

Изображая Заплатина-младшего, автор применяет сатирический прием контрастного сопоставления: с одной стороны — его жена, предприимчивая хамка, с другой — он, «большеротый *красавчик, без характера и без доходной должности*». Иронический оттенок придают образу и сюсюкающее «папуля» (наверняка, его так прозвала «мамуля»), и пренебрежительное «красавчик», и дважды повторенный предлог *без*. Ничтожность Петруши подчеркивается и тем, что в один ряд поставлены разные по смыслу понятия: его внешность, характер и служебное положение. Неожиданное нарушение логики обнажает суть комического противоречия, заключенного в образе.

Автор так точно представляет персонажи, так выразительно использует глаголы с комическим оттенком, что читатель безошибочно понимает, каковы отношения в этой «современной» семье («впереди она — глава семьи», «за нею вприпрыжку (...) Клавочка», «на почтительном отдалении от семьи *тащится папуля* (...) *прет* две сумки в руках (...) локтем *прижимает к груди собачку*»).

Человек неглупый, «головастый», по определению отца, Петруша случайно «попал в лапы той выдры (...)». Она в их институте завстоловой работала, ну, прикормила его, видать, или споила чем — иначе где бы ему чего смикитить? Самому, бывало, и титьку мамкину не найти. А тут эвон какую золотую самородку откопал», — горько сетует Иван Тихонович. Сочетание спокойно-созерцательного тона и грубовато-простонародных выражений таит в себе комический эффект, показывает меру авторской иронии по отношению к этим персонажам. Одновременно писатель дает понять, что Петруша глубоко страдает, понимая, какую ошибку сделал, женившись на «мамуле» (увидев родителей, он «ловит их взглядом и начинает им улыбаться приветливо и виновато: что мол, сделать, вляпался, терплю, нюхаю, но сам я все тот же ваш Петруша, не испохабился, не предал дом и не очернил кровь вашу...»)

О том, что Петруша не имеет в своей семье никаких прав, прямо не говорится, но замечено, что он только «вторит» жене, о роде его занятий сообщается как бы с ее слов («он работает на конвейере или на контейнере — мамуля никак не может запомнить»). Что-то трагедийное звучит в следующей фразе: «Зарабатывает он 400 рэ в месяц (*это рэ*, конечно, тоже из лексикона «мамули» — С. Б.), но все равно считается, его содержит баба, и

он согласен с этим, как и с тем, что давно бы пропал и спился без нее». Писатель осуждает страусиную политику Петруши, который «втягивает голову в плечи и всего себя готов утянуть, куда-нибудь спрятаться от этого все сокрушающего хамства», смеется над его внутренней анемичностью, пренебрежительно называя его «размазней».

Искусное переплетение разговорной и просторечной лексики, эмоционально насыщенной иронии и юмора всех оттенков делает язык рассказа близким народной речи. Особенно богата образная и поэтичная речь Заплата-старшего. Она — художественное воспроизведение внутреннего мира Ивана Тихоновича, его отношения к жизни, в которой «есть о чем попеть и поплакать».

Герой рассказа прожил большую, честную, трудовую жизнь, прошел войну — тот рубеж, «который ни в какой российской судьбе, ни в какой беседе русскому человеку не миновать». И в старости он продолжает жить интересами своей страны, всего мира («газету скрозь прошерстю, радио послушаю, от телевизору не отрываюсь, когда про международную обстановку говорят»). Тяжелая, полная испытаний жизнь не сломила Заплата, его сказ о невзгодах, выпавших на его долю, пронизан народным юмором. Его речь приобретает ироническое звучание благодаря использованию таких языковых средств, как парные словосочетания ассоциативного характера («Костинтин (...) *шиллом-дратвой* вел вперед наш колхоз под названием «Первенец»), необычные эпитеты (*семибатешный сынок*, *коротышистая фигура*), наличие разнотильной лексики в пределах одной фразы («...глядишь, препроводили бы меня бесплатно лет эдак на десять героическую дорогу Абакан-Тайшет строить»). Полна язвительной иронии его многозначительная сентенция: «Начальство надо согреть». Любит он и просто лукаво поиграть словами, например гидростанцию, построенную на месте его родного села, называет «гидрой».

Иван Тихонович редко прибегает к иностранным словам, и всегда в его речи они имеют юмористическую окраску («Вот какое оно, мое первое, молодое свиданье, было — *рандеву* грамотея внучка это дело называет»; «дала бы девке образование закончить (...) *в соло* бы ее вывела»). Встречается в его рассказе юмор, однако вызывающий жалость, сочувствие, — это в полном смысле слова «смех сквозь слезы». Так, о гибели в Енисее Костинтина и Борьки он говорит: «Анисеюшко, родимай батюшко, караулил и не дремал, чтоб выхватить остатки из жидких уже рядов сысолятинской родовой».

Исключительно интересны в речи старика Заплата лексические повторы, усиливающие ее выразительность. Например, повто-

рение усилительной частицы *то* в одном случае обостряет иронический смысл метафорического изображения боя в Закарпатье, участником которого был Иван Тихонович («Карусель содеялась такая, что ничего не поймешь: *то* немцы у нас в окружении, *то* мы у их, *то* и немцы й мы в окружении, в чьем — одному богу известно»), в другом — расширяет содержание иронично-грустного признания о тяжелой службе минометчиков на фронте, даже помогает «держаться» своеобразную рифму этой фразы («*то* не так и не там окопался, *то* не туда вдарил, *то* не свою кашу съел, *то* не туда по нужде сел»). Повторяющиеся прилагательные («Впрягся я в лямку в *речную* и попер советский *речной* транспорт вверх по фарватеру») и наречные сочетания («*Один на один* я с девкой остался, и она *одна на одну* со мною») передают напряженность состояния рассказчика, спрятанную за иронией.

Подобные лексические повторы — неотъемлемый элемент астафьевской прозы, отражение исконной русской разговорной речи. Это стилиобразующее средство акцентирует внимание читателя на ироническом подтексте: повторяются наречия («*современно* одетая семья, *современно* однодетная»), глаголы (не просто так Иван Тихонович с Татьяной Финогеновной *сидят* на скамейке, с умыслом *сидят*»), предлоги, создающие комическое сочетание понятий («*без* характера и *без* доходной должности»), как последний мазок в картине томительного ожидания внучки из города — просторечная форма краткого причастия в сравнительной степени («внучка очень *занята*, родители ее и того *занятей*»).

Астафьев — большой мастер комических сравнений. Голова у Ивана Тихоновича «вроде капусты, не завязавшейся в вилок», в хорошем расположении духа он «закатится (...) от шутки, закококает курочкой, наращивающей яичко», ухаживая за будущей женой своей Татьяной Финогеновной, он применил «тактику одинокого бойца, находящегося в окружении», после смерти супруги «свалили, сваялись в серое сырое перо знатные кудри Ивана Тихоновича, голова и ноги, бывшие как бы приставленными к коротышистой фигуре, издали напоминающей грушу дюшес, удлинлись».

В разговоре герои астафьевского рассказа нередко отступают от норм русского языка, что придает их речи то юмористический у Ивана Тихоновича («мысля моя», «охватила их (...) энтузиазма», «в горячке патриотизмы»), то обличительный, подчеркивающий невежество «мамули», оттенки («Я те повредю!», «пе порти первов»), делает ее живой и безыскусной.

Завершает произведение афоризм «Жизнь прожить — что море переплыть», представляющий собой перифраз известной рус-

ской поговорки, где мягкая ирония создается за счет неожиданной по мысли второй части.

Сатира и юмор в рассказе Астафьева «Жизнь прожить» как часть системы художественно-изобразительных средств его языка, выполняя значительную лексическую роль, придают тексту индивидуальную неповторимость, социальную заостренность, подчеркивают непримиримость позиции писателя к конкретным антиобщественным явлениям, встречающимся в нашей жизни.

Рисунок О. Дмитриевой

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Почему-то в последнее время принято называть большие высокие чашки для чая бокалами. Разве это правильно?»

А. Н. Астахова, *Москва*

Давайте раскроем Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля на слове *бокал* — «...стакан отличного от прочих вида; большой, высокий, либо на ножке; братина, кубок, стопа; большая рюмка, или высокая, раструбок, для шипучих вин». Так что явно бокал не предназначался для чая. Не изменилось значение слова и в наше время — 4-томный «Словарь русского языка» называет бокалом «сосуд для вина в форме рюмки, но большего размера».

Высокую же чашку для чая издавна называли *кружкой*. У В. И. Даля читаем: «Кружка — питейный сосуд более стакана, ...стакан с ручкою».

Живая вода

Заметки о языке поэзии Владимира Высоцкого

В. И. Новиков,
кандидат филологических наук

У Леонида Мартынова есть такие стихи: «Вода / Благоволила / Литься! / Она / Блистала / Столь чиста, / Что — ни напиться, / Ни умыться. / И это было неспроста. / Ей / Не хватало / Ивы, тала / И горечи цветущих лоз. / Ей / Водорослей не хватало / И рыбы, жирной от стрекоз. / Ей / Не хватало быть волнистой, / Ей не хватало течь везде. / Ей жизни не хватало — / Чистой, / Дистиллированной / Воде!»

Строки эти невольно вспоминаются, когда размышляешь о языке современной поэзии.

К сожалению, представление о художественном совершенстве нередко связано с интонационной гладкостью, нормативной правильностью словоупотребления, умеренностью в использовании разговорной и просторечной лексики, с отсутствием резких контрастов и неожиданных поворотов в движении речи. Написанные внешне безупречным, дистиллированным языком стихи обладают хорошей «проходимостью», не беспокоят редакторов, не шокируют критиков, но в то же время мало дают уму и сердцу, отнюдь не утоляют духовную жажду читателей.

Стихи и песни Владимира Высоцкого, сразу полюбившиеся массовой аудитории, при жизни автора почти не печатались, и их принадлежность к подлинной поэзии долгое время оспаривалась. Известную роль в этом сыграла ярко выраженная «недистиллированность» речевого состава произведений Высоцкого, их стилистическая неканоничность, непринужденность автора в обращении с языковыми нормами и традициями.

Язык Высоцкого противоречив — как противоречива жизнь, в этом языке отпечатавшаяся. В песнях поэта постоянно открыта

граница между сатирой и патетикой, между реалистическим бытописанием и гротеском, между авторской речью и речью разноликих персонажей. В настоящих заметках мы коснемся лишь некоторых особенностей словесного строя произведений Высоцкого, главным образом его поэтических «вольностей», за которыми стоят интересные общезыковые и общелитературные проблемы.

Начнем с того, что никто из работающих со словом не застрахован от ошибок. На них мы, как известно, учимся, а не ошибается лишь тот, кто ничего не делает. В песне «Банька по-белому» (цитаты даются в основном по книге Владимира Высоцкого «Нерв» (2-е изд. М., 1982), по текстам, опубликованным в журналах «Дружба народов» (1986, № 10) и «Театр» (1987, № 5), в газете «Московский комсомолец» от 8 мая 1987 года, а также по фонограммам, отражающим окончательные авторские варианты. Автор статьи приносит благодарность А. Е. Крылову, исследователю творчества Высоцкого, за текстологическую помощь) есть строки:

На полке, у самого краешка,
Я сомненья в себе истреблю.

Конечно же, слово *полок* в предложном падеже имеет форму *полкѣ*. О том, как приключился у Высоцкого грамматический казус и вообще об истории создания «Баньки» исчерпывающе рассказал В. Золотухин («Как скажу, так и было, или Этюд о беглой гласной» — Огонек, 1986, № 28). Зачем вновь обращаться к этому примеру? Чтобы подчеркнуть, что это едва ли не единственный в практике Высоцкого явный языковой «прокол». В целом же, несмотря на всю свою внешнюю неприглаженность, речевая структура песен Высоцкого непривычна не потому, что она «неправильна», а потому, что сориентирована на разговорную раскованность, на правдивость и полноту в передаче жизненного многоголосия.

Бросается в глаза, что Высоцкий часто «цитирует» своих не очень грамотных персонажей, подтрунивая над ними, юмористически обыгрывая просторечные формы. Так, герой песни «Ой, где был я вчера...» повествует (здесь и далее курсив наш. — В. Н.):

...Только помню, что стены с обоями.
Помню, Клавка была и подруга при ей,
целовался на кухне с *обоими*.

Таких примеров можно привести множество. Но главное своеобразие языка Высоцкого, думается, все же следует искать не здесь, а в тех случаях, когда голос автора и голос героя сближаются, когда живая разговорная речь становится моделью, прообразом поэтических трансформаций языкового материала. Вот ли-

рический герой рассказывает о покинувшей его женщине:

Жила-была и вдруг взяла, *собрала* и ушла...

«Собрала» (вместо «собралась» или «собрала вещи») — усечение, эмоционально вполне оправданное драматизмом житейской ситуации. Или в «Беге иноходца»:

Нет, не будут золотыми горы —
я последним *цель пересеку*.

Цели — достигают, а пересекают — финишную черту. Но сама импульсивность, нервная взвинченность монолога хорошо передается именно непривычным сочетанием.

Большинство героев песен Высоцкого — это люди, остро ощущающие разлад с жизнью, выпадающие из нее и жаждущие вновь обрести единение с миром. Так и многие слова у Высоцкого как будто расстались со своим привычным значением, но еще не нашли нового и окончательно определенного. Вот в «Диалоге у телевизора» Зина обращается к мужу со словами: «А тот похож — нет, правда, Вань, — на шурина...» Но, позвольте, «шурин» — это брат жены, а значит, у Зины шурина быть никак не может. Трудно предположить, что никто из слушателей не обратил внимание автора на это слово в его песне. По-видимому, Высоцкому «шурин» оказался нужнее, чем, скажем, «деверь», который был бы в устах героини более оправдан. Дело в том, что слова, обозначающие степени родства, становятся в наше время малоупотребительными или же используются неправильно. Причем не только среди людей круга Вани и Зины, но и в среде относительно образованной. Попробуйте сказать в разговоре «моя свояченица» или «моя золовка» — будет ли это понятно вашим собеседникам? Тут уже мы соприкасаемся с какими-то социолингвистическими (и, пожалуй, социально-нравственными) закономерностями современной жизни.

В том же «Диалоге у телевизора» Ваня критически оценивает намерение Зины заполучить «короткую маечку»:

К тому же эту майку, Зин,
тебе напяль — позор один.
Тебе ж шитья пойдет аршин —
где деньги, Зин?..

Аршина ткани, если понимать это слово буквально, не хватит и на короткую маечку. Даже если допустить, что Ваня говорит о шитье не в значении «то, что шьется или сшито», а в значении «отделка, вышивка», — все равно «аршин» — немного, поскольку эта старинная мера длины соответствует всего лишь семидесяти од-

пому сантиметру. В процитированном тексте *аршин* фигурирует скорее как броское слово в словесном поединке персонажей.

В исторической стилизации Высоцкого «Игра в карты в двенадцатом году» один аристократ, вызывая другого на дуэль, восклицает: «Вы проходимец, ваша честь,— / и я к услугам вашим». Согласно толковым словарям, «ваша честь» — почтительное обращение низшего к высшему, дуэль же возможна только между равными. Но требуется ли такая мелочная точность в столь игровом, фарсово-театрализованном контексте?

Вот песня совсем на другую тему — «Смотрины», где персонаж сетует:

А тут вон баба на сносях,
гусей не кормленных косяк,
да дело даже не в гусях,
а все неладно.

Вообще-то «косяк» (если речь идет о птицах) — это стая, летящая углом. К домашним гусям это слово не применяется. Но так ли это важно в данном случае? Ведь «дело даже не в гусях», а в том, с какой эмоциональной достоверностью смог автор песни перевоплотиться в деревенского бедолагу, передать общее для многих людей ощущение «неладности» жизни.

В одной из ранних песен Высоцкого — «Татуировка» (недавно она прозвучала с экрана в фильме «Воспоминание») поется: «И когда мне так уж тошно — хоть на плаху...» Привычнее было бы «хоть в петлю», поскольку плаха — помост для казни, а отнюдь не место для самоубийства. Но вот, скажем, в романе Ч. Айтматова «Плаха» заглавный символ прочно связан с семантикой самоотречения, добровольного, а не вынужденного принятия смертной муки. И песня Высоцкого в какой-то мере предвосхищает такое художественное словоупотребление.

Еще одна разработка того же трагического мотива в «Песне о судьбе»: «Когда постарею, / пойду к палачу. / Пусть вздернет на рею, / а я заплачú». Здесь уже *плаха* была бы на месте, поскольку появляется *палач*. Правда, рея бывает только на корабле, но эта частность так несущественна на фоне безысходно-саркастического: «я заплачú».

Вдумываясь в подобные примеры, мы видим, что Высоцкий брал на себя право — *ответственное право*, доступное только настоящим поэтам, — присваивать известным словам новые, индивидуально-поэтические значения. Так, он взял узкоупотребительные слова *иноходец*, *иноходь* и выстроил из них нравственно-фи-

лософские символы, властно приписав этим словам новую образную этимологию:

Говорят: он *иноходью* скачет,
это значит — *иначе* чем все.

Вот более поздний вариант тех же строк из «Бега иноходца»:

Бег мой назван *иноходью*, значит —
по-другому, то есть не как все.

И образы поэта вошли в наше языковое сознание. Нам уже не отделаться от высокого, «высоцкого» значения вполне нейтральных, казалось бы, слов. Для многих из нас «иноходец» ассоциируется теперь не столько с ипподромом и конным заводом, сколько с проблемой выбора самостоятельной жизненной позиции.

Высоцкий был убежденным и последовательным «иноходцем» в своем отношении к языку, в своих словесных поисках. Ему глубоко претила всякая инерция: в общественной жизни, в человеческих отношениях, в речи. «Употребляются сочетания словесные, которым мы давно уже не придаем значения», — с досадой говорил он в устном комментарии к одной из песен. У него было очень личное отношение к устойчивым сочетаниям. Так, в песне «Тот, кто раньше с нею был» есть строка: «За восемь бед — один ответ». Предельно стертый фразеологизм вдруг ожил оттого лишь, что «семь бед» сменились на «восемь».

А кто не помнит ставшие фольклорно-нарицательными «семнадцать бед» из песни «На Большом Каретном...»? В «Лекции о международном положении» есть такая строка: «Всю жизнь свою в ворота бью рогами, как баран...» Здесь не просто вольное обращение с выражением «смотреть, как баран на новые ворота», а качественно новый, индивидуально-поэтический фразеологизм.

Высоцкий то и дело воскрешает исходный смысл слов, входящих в устойчивые сочетания, в сложные наименования. Приведем примеры из его «Белого вальса», «О нашей встрече что там говорить...» и «Дальнего Востока»:

*Белее снега, белый вальс, кружись, кружись,
чтоб снегопад подольше не прервался.
Она пришла, чтоб пригласить тебя на жизнь,
и ты был бел — бледнее етен, белее вальса.*

...И подарю тебе *Большой театр*
и *Малую* спортивную арену.

Но потому он и *Дальний Восток*,
что *далеко* на востоке.

Отношение Высоцкого к слову — такое же, как его отношение к человеку. Он всегда был готов выслушивать и понимать самых разных людей — столь же страстно и внимательно вдумывался он в смысл каждого слова.

Отсюда — аналитизм словесного остроумия Высоцкого, глубинная серьезность его шуточных словесных трансформаций. В «Тюменской нефти» берет он автоматически повторяемое сочетание «более-менее» и требовательно встряхивает и слова и дела:

И плю депеши в Центр из Тюмени я:
«Дела идут, все более-менее».
Мне отвечают, что у них такое мнение,
что меньше «более» у нас, а больше «менее».

А теперь прислушаемся, как в песне «Таможня» персонаж рассуждает об иконах, распятых и прочих религиозных аксессуарах:

Они — богатство нашего народа,
хотя, конечно, *пережиток старины*.

Этот «знаток» употребляет некий гибрид выражений «пережиток прошлого» и «памятник старины». Он еще не совсем перестроился с огульного отрицания прошлого на столь же неглубокое восхищение им. В двух словах — сатирический образ полукультуры, столь характерной для некоторых наших современников.

Кстати, опыт Высоцкого учит, что понять язык и культуру народа можно, только сопрягая прошлое с настоящим, с думами о будущем. Чуткий к динамике сегодняшней речи, поэт обладал тонкой историко-лингвистической интуицией.

«Мне в ресторане *вечером вчера...*» — так начинается песня «Случай». Казалось бы, простая инверсия обычного сочетания «вчера вечером». Но этим достигается эмоциональная точность, а в стоящих рядом словах *вечером* и *вчера* вдруг начинает ощущаться их корневое родство. А вот еще строка из той же песни: «Ну что ж, мне *поделом* и *по делам...*» Тут поэт безошибочно возводит наречие *поделом* к древнерусской предложно-падежной форме.

У Высоцкого немало выразительных контекстуальных синонимов и антонимов. Так, в «Песне летчика» антонимическую пару образуют *ангел-хранитель* и *истребитель*, в каждом из слов эмоционально обнажается исходная глагольная семантика. Поэт находил новые повороты в обращении как с редкими, так и с самыми пассивными словами. Вспомним «Песню о Земле», где с пронзительной точностью соединены «Земля» (планета) и «земля» (почва): «Кто поверил, что Землю сожгли? / Нет, она почернела от гора».

Находим у него и очень свежие, ненарочитые паронимические сближения: «Залатаю золотыми я заплатами»; «Им успех, а пам испуг»; «И, удивляясь, пули удалял»; «Слоны слонялись в джунглях без маршрута»; «Хотели кушать — и съели Кука!».

Выступая перед аудиторией и размышляя об эмоциональном воздействии песен, Высоцкий часто употреблял такие «колючие» метафоры, как «царапать душу», «скрести» и так далее. Это весьма знаменательно: ведь для того, чтобы «царапать душу», и язык песни должен быть не гладким, а слегка непривычным, шероховатым. Глубоко своеобразный язык поэзии Высоцкого нуждается в основательном филологическом изучении. Но уже беглые конкретные наблюдения говорят о художественной интенсивности, динамичности созданных им речевых структур. Развитие поэтического языка — это всегда шаг в сторону от привычных норм и представлений. Стихам и песням Высоцкого не грозит смысловое и эмоциональное старение: живая вода его поэтического слова будет нужна следующим поколениям не меньше, чем нам сегодня.

Рисунок С. Жагина

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«В литературе, наряду со словом „жаргон“, правда, значительно реже, встречается слово „арго“. По смыслу они, как правило, равнозначны. Что означает слово „жаргон“, известно, да оно имеется и в словарях, а вот слова „арго“ в словарях найти не смог. Объясните, пожалуйста, его точное значение».

П. К. Калмыков, Севастополь

Объяснение слова *арго* частично содержится в самом Вашем письме. Оба термина — *арго* и *жаргон* — действительно равнозначны и употребляются в лингвистике для обозначения особых «языков», на которых говорят люди одной профессии (профессиональное *арго* или *жаргон*) или определенной социальной группы (социальное *арго* или *жаргон*).

Слово *арго* имеется в Словаре русского языка С. И. Ожегова, в Словаре русского языка в 4-х томах и означает: «условный язык какой-либо небольшой социальной группы, отличающийся от общенародного языка лексикой, но не обладающий собственной фонетикой и грамматической системой (франц. *argot*)».

Термин в художественном тексте

Т. Н. Дорожкина,
кандидат филологических наук

Терминология — неотъемлемая и специфическая принадлежность научного стиля, профессиональной речи. Однако применение терминологической лексики не ограничивается исключительно рамками научных или технических текстов. В начале XIX века наблюдается проникновение терминов в язык художественной литературы. Это было связано главным образом с двумя именами — А. А. Бестужева-Марлинского и В. Ф. Одоевского.

В повестях Марлинского широко используется морская терминология, реже — медицинская. Термины достаточно разнообразны, они органично вводятся в авторскую речь при описании морских пейзажей, в повествование о борьбе человека со стихией: «Удар водяной массы и порыв ветра были так жестоки, что *стопора* первого *якоря* лопнули, прежде чем канат второго вытянулся. *Фрегат* задрожал, как лист, и вдруг с невероятною быстротою кинулся по ветру. Второй канат, едва *полузаstopоренный*, не мог сдерживать корабля с разбегу, и оба вдруг пошли стучать в оба *клюза*» (Фрегат «Надежда»; здесь и далее в иллюстративных примерах термины выделены курсивом); «В это время в тесном *горизонте* показались *паруса трехмачтового корабля*, идущего с океана. Гонимый бурей, он быстро приближался к флоту под *рифмарселями*» (Лейтенант Белозор).

Речь персонажей насыщена приметами их профессиональной принадлежности. В словах моряка часты морские термины: «— Пускай бы спросили у Ильи Петровича, куда проходит и где крепится последний *гитов* на каждом *судне* христианского и варварийского *флота* — он рассказал бы это, как „Отче наш“, от *коуша* до *бензеля...*» (Фрегат «Надежда»). Столь же специфична и речь доктора Стеллинского, наполненная медицинской терминологией: «...почему Авиценна и Аверроэс, даже сам Парацельс... советуют *диету* и *кровопускание*! Другие же, как, например, Бурга, действуют *шпанскими мухами*, *вессикаториями* и *синапизмами...*» Пожалуй, впервые в русской литературе Марлинский использует терминологическую лексику с установкой на юмористический эффект, создавая неожиданные метафоры и сравнения: «...у меня

сердце бьет *рынду*, когда я завижу ее» (Лейтенант Белозор); «И вот дача князя! В окнах сияет день, сквозь цветы мелькают тени, народу тьма,— храбрость моя роняет *брамсели*. Однако ж, *снайтова* сердце, перехожу аванзалу так осторожно, будто сквозь каменистый вход в *порт* Свеаборга» (Фрегат «Надежда»).

Значения терминов поясняются в авторских примечаниях и списках: *гитов* — снасть для сдержки паруса; *коуш* — кольцо желобком; *бензель* — закрепка; *булень* — снасть сбоку паруса, удерживающая более в нем ветра и т. д. Иногда толкование терминологического слова дается непосредственно в тексте в скобках: «...с горем пополам взобрались наши пловцы, чуть не утопленники, на *ют* (корму)» (Фрегат «Надежда»).

«Русские ночи» В. Ф. Одоевского — собрание новелл философского характера. Поэтому в них встречаются такие слова, как *аксиома*, *минерал*, *атмосфера*, *этнография*, *метеорология*, *сущность*, *явление*, *природа*, *мистицизм*, *система* и под. Например: «*Химия* на высшей степени совершенства. Мы пережгли все произведения *природы*, но которое из них мы восстановили? которое объяснили? Поняли ли мы внутреннюю связь между *веществами*? что такое их сродство, их таинственные соотношения,— и то еще на низшей степени *природы*, посреди грубых *минералов*?»

В новеллах о музыке и музыкантах появляются многочисленные музыкальные термины: *квинта*, *терция*, *тон*, *гармония*, *регистр*, *нота* и др. Они естественно вписываются не только в речь персонажей — органистов и композиторов, но и в авторскую речь: «Тут пришла ему в голову и Магдалина с ее черными локонами, с ее голубыми глазами, с ее простосердечной улыбкой. Он так привык к ее мягкому, будто бархатом подернутому голосу; к нему, казалось, приросли все любимые *мелодии* Себастьяна; она так хорошо помогала ему разыгрывать новые *партиции*... Еще недавно она догадалась, что *Себастьяновы пальцы* не захватывали всех необходимых звуков в *аккорде*, встала, наклонилась на стул и положила свой маленький пальчик на *клавиш*...»

Новаторство художественной речи Марлинского и Одоевского не осталось незамеченным. Вслед за ними специальную терминологию — этнографическую, морскую, биологическую, техническую, медицинскую — начинают использовать и другие писатели, например В. И. Даль, П. И. Мельников-Печерский, И. А. Гончаров, И. С. Тургенев и др. Но все же до Октября терминологическая лексика в язык художественной литературы проникала сравнительно редко.

Широкое вовлечение ее в художественные тексты, разговорную речь, другие функциональные стили — явление, главным об-

разом, советской действительности, особенно эпохи НТР. Глубокие и разносторонние социально-экономические преобразования, развитие науки и техники, средств массовой информации (печать, радио, телевидение), успехи общего и профессионального образования нашли свое отражение в литературном языке. Соответственно увеличилось в нем количество терминологических слов и словосочетаний. Другим, не менее важным следствием являются их смысловые изменения. Термин, включенный в литературное произведение, выступает как поэтический элемент. Терминологические слова играют определенную роль в формировании художественных образов. Так, главный персонаж романа Л. Леонова «Скутаревский» — ученый, несущий в себе неиссякаемую творческую одержимость: «Тем более стоило вдуматься в жизнь этого удивительного чудака. Большая часть его дня тратилась в *лаборатории*, остаток делился поровну между лекциями и сном. Вместе с тем он успевал побывать на заседаниях, чтоб прокричать свое мнение о недостаточности темпов, и на *электростанции*, где по его *чертежам* изготовлялись *газотронные выпрямители* для предстоящего опыта. Зачастую он возвращался домой за полночь...» Специальные слова и словосочетания вводят читателя в мир Скутаревского — мир науки и всепоглощающей работы, где сходятся главные жизненные интересы ученого.

Существенная композиционная роль принадлежит также терминологическому ряду в рассказе А. Платонова «Фро», из которого показателен, к примеру, следующий отрывок: «На курсах Евстафьева сидела теперь со слабой, рассеянной мыслью, ничего не усваивая из очередных лекций. Она с унынием рисовала в доски в тетрадь *векторную диаграмму резонанса токов* и с печалью слушала речь преподавателя о влиянии *насыщения железа* на появление *высших гармоник*. Федора не было, сейчас ее не прельщала *связь и сигнализация*, и *электричество* стало ей чуждым». Термины и техницизмы призваны здесь не только охарактеризовать запятого героини, учившейся на курсах железнодорожной связи и сигнализации. Выступая в единстве со словами, обозначающими восприятие, эмоциональные переживания Фро (*уныние, печаль, не прельщала, чуждый*), они прежде всего как бы от противного — от того, что ее в данный момент не занимает, — раскрывают внутренний мир героини, ее полную переключенность на чувства.

В художественной речи термины нередко используются и как средство характеристики — наряду с другими приемами и в теснейшем единстве с ними. Так, в рассказе В. Шукшина показательна в этом отношении речь восьмиклассника Юрки, будущего хирурга: «Может, и докатимся когда-нибудь, что будем сто двадцать

лет жить, но это еще не скоро. Быстрее будет построить такой *космический корабль*, который долетит до *Галактики*. И возможно, там этот процесс уже решен: открыто какое-нибудь лекарство...» (Космос, нервная система и шмат сала). Обращает на себя внимание объединение слов и словосочетаний с разной стилистической окраской: *космический корабль*, *Галактика* — термины, *докатимся* — просторечное слово. Все вместе эти компоненты связаны с образом Юрки, с замыслом автора показать его внутренний мир. Увлеченность наукой, вера в ее всемогущество — вот откуда в речи подростка термины, а просторечное слово, категоричность и эмоциональность высказывания характеризуют мальчишескую непосредственность.

Или вспомним, как герой Ю. Трифонова, думая о своем тесте, вспоминает его нелепые, с претензией на «ученость» фразы: «Дмитриева такие разговоры, слышанные мимоходом, когда-то потешали, так же, как манера тестя выражаться: „В этом отношении, Ксения Федоровна, я вам скажу от себя следующую аксиому“. Или вот эдакое: „Я никогда не был *техническим исполнителем* отца и от Елены требовал *аналогичного*“. Посмеивались потихоньку. Мать называла нового родственника „ученый сосед“ — за глаза, разумеется, — и считала его человеком недурным, в чем-то даже симпатичным, хотя, конечно, вовсе, к сожалению, не интеллигентным» (Обмен).

Специальные значения терминологических слов в рассмотренных контекстах не изменяются, однако они не остаются терминами в полном смысле этого слова: здесь им уже не свойственна отрешенность от образных связей. Играя в них определенную роль, термины могут приобретать даже эмоциональный оттенок.

Как средство художественной выразительности в произведениях советской литературы терминологическая лексика широко употребляется в переносных значениях:

Нет в природе
 помощи лучшей,
поднимающей чувства
 ввысь,
как крылатостью
 двух созвучий
выводить на орбиту
 мысль.
Асеев. Бессонные стихи

Дсеев. Бессонные стихи

И в поэзии, и в прозе термины часто выступают как образные сравнения:

Судьба, как ракета, летит по параболе
Обычно — во мраке и реже — по радуге.

Вознесенский. Параболическая баллада

В новой, непривычной стилистической среде назначение терминологических слов изменяется: их экспрессивно-изобразительный вес резко возрастает, они могут, как любое другое слово, стать материалом для образа, приобрести новые смысловые или эмоционально-оценочные нюансы, которых нет и не бывает в их значениях при обычном употреблении — в научной или технической речи. Однако расширение сферы использования терминологических слов, их появление в языке художественной литературы зависит от того, насколько они усвоены литературным языком, известны и распространены в общем употреблении.

Творчество мастеров художественного слова, анализ языка их произведений показывает, что система средств языковой выразительности и изобразительности расширяется благодаря включению в нее терминов и техницизмов. Это свидетельство того, что терминология является важным источником пополнения образных средств для языка художественной литературы.

Уфа

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Уважаемая редакция! Объясните, пожалуйста, происхождение слова *уха*. Мы с мамой читаем ваш журнал с большим интересом».

Ира Ханова, ученица 2-го класса,
п/о Богородское, Московская обл.

Дорогая Ира! Может быть, наше объяснение будет немного сложным для тебя, поэтому обязательно прочти его вместе с мамой.

Уха по происхождению слово древнее, славянское и первоначально означало «жидкое кушанье». Современная форма этого слова развилась из праславянского *jucha* «суп, навар», только со временем потеряла начальный звук *j*. (В свою очередь, праславянское *jucha* развилось из индоевропейского **jusa* «навар, похлебка», а звук *-з-* после гласного *-и-* изменился в *-х-*).

В современном русском языке *уха* употребляется только в значении «суп из свежей рыбы», значение «жидкое кушанье» вообще — утрачено.

«Надо учить говорить весь народ...»

Об Институте живого слова

Л. К. Граудина,
доктор филологических наук

Революционное преобразование нашего общества неразрывно связано со становлением и развитием советского ораторского искусства, которое стало средством убеждения и воспитания масс. Знаменательно, что в первые же годы после Великого Октября, в ноябре 1918 г. в Петрограде был открыт первый в мире Институт живого слова. У истоков его создания стояли крупные научные и общественные деятели — литературоведы, лингвисты, мастера театра. В 1918—1919 годах в него входили С. М. Бонди, А. В. Луначарский, В. Э. Мейерхольд, Л. В. Щерба, Н. А. Энгельгардт, Л. П. Якубинский и др.

На открытии Института А. В. Луначарский выступил с программной речью. «Все формы политического творчества,— сказал он,— идут через речь. Россия заговорила, и заголосила даже, и нам необходимо, чтобы этот разговор приобрел как можно скорее четкость, чтобы возможно было больше таких людей, которые бы говорили то, что они думают, которые умели бы влиять на своего ближнего и которые умели бы парализовать вред влияния, если это влияние демагогическое, если это злые чары, благодаря которым тот или другой ритор побивает словом... Надо учить говорить весь народ от мала до велика. С этой точки зрения утешением может явиться то сознание, что такая школа является воистину тем горьким зерном или кусочком фермента, который путем зарождения и почкования будет распространяться и множиться как в Петрограде, так и в других городах нашего отечества» (Записки Института живого слова. Пг., 1919).

В этой речи поставлены общие задачи и намечены перспективы важного общественного направления. Конкретная же научная и практическая разработка вопросов, связанных с культурой устного слова, с наукой об искусстве речи и смежных дисциплинах, была поручена Л. В. Щербе. В рукописном отделе Пушкинского дома (архив К. А. Сюннерберга, фонд 474, № 474) хранится машинопис-

ный текст под названием «Проект Щербы». В нем сформулировано «Положение об Институте живого слова». Проект был составлен в ноябре 1918 года и в том же месяце утвержден на заседании ученого совета Института. Теоретические и практические задачи, стоявшие перед преподавательским коллективом Института, в этом Проекте были отражены в первых же строках: «Институт живого слова есть высшее учебное заведение, имеющее целью: 1) научно-практическую разработку вопросов, относящихся к области Живого Слова [в оригинале эти слова даны с прописной буквы.— Л. Г.] и связанных с нею дисциплин, 2) подготовку мастеров Живого Слова в областях: педагогической, общественно-политической и художественной и 3) распространение и популяризацию знаний и мастерства в области Живого Слова».

В Институте были открыты три отделения: 1) учебное, 2) научное, 3) просветительное. Учебный отдел ставил задачи собственно педагогические: подготовка мастеров, инструкторов, преподавателей живого слова в самых разных областях народного просвещения. Стране нужна была новая интеллигенция, и в Институте поначалу готовились специалисты чрезвычайно широкого профиля — и педагоги высшей школы, и писатели, и ораторы, и сказители, и актеры. Проблематика научного отдела была тесно связана с задачами учебного и просветительного характера и отчасти определялась ими. Программу научных дисциплин составляли ученые, получившие классическое филологическое образование и хорошо знавшие теорию античного, европейского и русского искусства. Вместе с тем ежедневная практика советского ораторского и агитационного мастерства диктовала необходимость творческого подхода к преподаванию основ этой науки. В период, когда к активной общественной деятельности приобщилось молодое поколение, вышедшее из народных низов, важно было проводить работу по укреплению литературных норм произношения, грамматики и стилистики. Словом, самыми насущными стали проблемы языковой культуры и наука об искусстве речи.

Преподаватели Института предложили специальные программы курса лекций по теории красноречия, по теории спора, по теории словесности. Они заметно отличаются от современного университетского курса «Основы культуры речи» (М., 1976). Многие из того, что предлагали специалисты в 20-е годы, звучит актуально и в наши дни. И целый ряд высказанных тогда положений имеет определенное значение для подъема и совершенствования современной культуры языкового общения. В этом отношении особый интерес представляет «Программа курса лекций по теории красноречия (риторика)», предложенная Н. А. Энгельгардтом.

Николай Александрович Энгельгардт (1866—1942) — известный ученый-филолог, журналист, критик, историк, преподаватель русской словесности. Сохранившиеся рукописи двух лекций по теории прозы, прочитанных им в Институте живого слова, в определенной мере характеризуют круг эстетических интересов ученого, которыми он хотел увлечь и своих слушателей. Его привлекала в первую очередь словесная живопись, в особенности красноречие русского фольклора, а также роль народного слова в истории национальной культуры. Вот начало программы по теории красноречия (фонд 474, № 475). Это слова-заголовки, в которых автор в сгущенно-символической форме изложил наиболее существенные, как он назвал, «части курса»: «Ораторское слово. Могущество слова. Заражение идеями. Слово-импровизация. Вещное слово. Искусственное красноречие».

Примерно треть своей программы Н. А. Энгельгардт посвятил изложению традиционных частей риторических сочинений. Эти разделы интересны с исторической точки зрения: в современных пособиях по ораторскому искусству о них почти не вспоминают или дают в сжатой форме. Напомним эту часть программы: «Отличие ораторской речи от письменной. Изобретение риторических идей. Система общих мест. Сила соображения или остроумие. Выщипывание состава слушателей. Классификация толпы. Система простых идей. Термины. Рассуждение или система сложных идей. Правила ораторского периода. Риторическое распространение, изобретение риторических доводов. Система ораторских доказательств. Патетическое в речи. Возбуждение и утоление страстей в слушателях. Разрешение подъема речи. Равновесие части логической и патетической, доводов и страстей» и т. д. Наименования разделов напоминают главы традиционных риторик, хотя в программе изменено их расположение, иначе расставлены акценты, подчеркнуто значение эмоционального начала ораторской речи и т. д.

Интересно, что автор совершенно нестандартно понимал значение так называемой «периодической речи» в истории литературного языка. Эти соображения развернуто излагались в его лекции по теории прозы. Здесь можно привести лишь один фрагмент: «Строевая речь. Это есть периодическая речь. Она переходит в наши акты юридические, в наше судоворенение, в наши челобитные, которые писались на площадях, писались в кабаках. Какой-нибудь крепостной грамотей „пройди свет“ пишет за целковый челобитную грамоту, да такого красноречия подпустит и периоды длиннейшие! Потом под влиянием Сперанского они изменились в судную речь. Наши бумаги, в особенности судные, в XVIII веке писались длинными периодами, и иногда удивительно красиво умели составлять

эти бумаги... Надо посмотреть собрание законов Сперанского. Отсюда можно почерпнуть русскую коренную речь, потому что не было ни одной стороны жизни русского общества, которая не была бы рассмотрена судом... Какая масса жизни в этом языке!»

Заново осмыслена Н. А. Энгельгардтом и та часть программы, которая посвящена родам красноречия: «Особенности различных родов красноречия. Проповедь. Судебное красноречие. Парламентское красноречие. Агитационная речь... Парламентское искусство в России и агитационная речь партий. Революция 1905 г.: 1, 2 и 3 Думы». Эти разделы выделены автором не случайно. В начале XX века решалась судьба государства, определялись пути его развития. В период революционных потрясений, когда социально-экономические и политические противоречия в России достигли наивысшей степени, представители различных классов и группировок в словесной полемике стремились использовать самые яркие и броские языковые формы, чтобы доказать правоту тех позиций и воззрений, которые они представляли и защищали.

Традиция и новаторство предстают перед нами в 20-е годы — годы становления новых общественных форм — в самом удивительном сочетании. Темы занятий в Институте живого слова были злободневны. Именно в этот период велись напряженные политические споры и дискуссии между представителями разных партий. Были популярны митинги, огромным успехом пользовались общественные диспуты на разные темы. В Институте живого слова читались лекции по теории спора. Программу этих лекций составила лектор Э. З. Гурлянд-Эльяшева. Содержание лекций достаточно ярко характеризует даже краткое оглавление основных положений первой лекции: «Введение. Понятие спора. Логические и психологические предпосылки спора. Цель спора. Два основных рода споров: 1. Спор как средство совместного уяснения вопроса (споры научные) и 2. Спор как средство психологического воздействия и прямого или непрямого подчинения одной стороны другой (споры политические, религиозные). Два рода методов при ведении спора. Диалектика спорящих и диалектика логического мышления».

Особая лекция была посвящена связи теории спора с практикой современной жизни. Автором подробно охарактеризованы разные виды общественных споров: ученые, богословские, юридические, политические. Вот, например, оценка сущности политических споров: «Политические споры. Невозможность переубеждения другой стороны. Равнодушие к задаче выяснения предмета спора, вытекающее из стремления навязать готовое решение противной стороне. Равно-

ценность всех способов, как логических, так и нелогических, поскольку они способствуют ослаблению позиции противника. Устранение противника с поля состязания как высшая цель спора». Подготавливая новое поколение советских ораторов, пропагандистов, педагогов, важно было не только вооружить их теоретическими знаниями, но и научить отстаивать свою позицию в споре. Слушателям нужно было овладеть теми приемами, которые связаны и с логическими способами доказательств, и с путями психологического воздействия спорящих сторон. Надо было понимать и поведение противника, и злоупотребление словом (двусмысленности, софизмы), чтобы победить в словесной дуэли.

Великий Октябрь создал предпосылки для наивысшего проявления звучащего живого слова. И то огромное значение, которое слово приобретало в жизни нового общества, необходимо было осознать в полной мере и научиться владеть речью как важнейшим и острым орудием борьбы. Управлять настроением аудитории можно только в одном случае: если сам оратор владеет собой, не теряет нити мыслей и хорошо помнит основные вехи своей речи. Иногда оратор — «раб своего смущения и жалко влачит прерывающуюся речь». Иногда оратор «кричит от страха» или сыплет словами без толку... Есть слова в речи оратора, которые вызывают в аудитории напряженное внимание, глубокое сочувствие; а есть слова, которые рассчитаны на то, чтобы вызвать смех. И тут особенно помогают образцы красноречия сатирической прозы. В этом отношении показательна иллюстрация, взятая из фельетонов М. Кольцова, — о подхалиме: «...Хороший подхалим даже в пустыне Сахаре найдется. Он сожаляющим жестом руки поведет вокруг себя и вежливо извинится. „— Вы уж простите, бога ради. Вас не ждали, плохо приготовились. Рафинада нет, один песок кругом...“»

Эти и другие советы можно было почерпнуть в интересных исследованиях тех лет, созданных в Ленинградском научно-исследовательском институте речевой культуры, который в 1925 году стал преемником Института живого слова. Одна из таких работ — «Практика ораторской речи», подготовленная в конце 20-х годов и вышедшая в свет в 1931 году (тиражом всего лишь в 3000 экземпляров). На страницах этого сборника цитировалось прекрасное изречение французского теоретика Ажама, написавшего книгу об ораторах революции во Франции: «В наши дни слово стало оборонительным и наступательным оружием; нужно обучаться владеть им, как шпагой». Это изречение было актуальным в 20-е годы, призывно звучит оно и сегодня.

¿ Как составить служебный документ?

П. В. Веселов,
кандидат филологических наук

Принято считать, что официальные документы не «пишутся», а «составляются». Дело в том, что Распоряжение, Протокол, Акт, Объяснительная записка и другие служебные бумаги имеют строгую текстовую формулу, которая предопределяет сочетаемость слов в том или ином документе, а весь процесс его составления сводится к заполнению трафарета, явного или воображаемого. Еще в XIX веке было принято говорить, что автором любого небеллетристического произведения является не писатель, не публицист или журналист и тем более не репортер, а составитель. Например, сочинение под названием «Изобретения и привилегии» с предисловием Л. Н. Толстого было подписано следующим образом: «Составил инженер-механик Петр Константинович Энгельмейер». Или сейчас: «составитель словаря».

Уметь составить официальный документ — это значит реализовать применительно к конкретной ситуации его текстовую

формулу — ключевое слово или словосочетание, которое выражает главную функцию в служебной бумаге. Каждый документ имеет свою текстовую формулу. Так, в *Распоряжении* — это слово *Приказываю*. Текстовой формулой *Акта* является конструкция «Мы, нижеподписавшиеся, составили настоящий акт в том, что...». В *Протоколе* — ряд слов: *Слушали, Выступили, Постановили*. В *Гарантийном письме* главной является формула *Наш расчетный счет... Оплата гарантируется*. Текстовые формулы складывались десятилетиями. Многие из них восходят еще к Генеральному Регламенту (по делопроизводству), разработанному Петром I.

Текстовая формула определяет выбор слов и, таким образом, обуславливает конкретную сочетаемость и даже грамматику словосформ. Например, в *Распоряжении* и *Приказе* глаголы согласуются со словом *приказываю* (*Приказываю*: ввести в действие ..., приостановить..., усилить контроль...) Однако и здесь есть исключения. Так, нельзя сказать: «приказываю утвердить», «приказываю разрешить», «приказываю помочь» и т. д. Нельзя сказать о передовиках производства так же, как о вещах, приборах, устройствах с использованием слова *в количестве*. Однако еще пишут: «в количестве четырех человек».

Каждый вид и разновидность документа имеют типовой состав информации. С этой точки зрения, наиболее разработана управленческая документация. ГОСТ 6.15.1—75 «Организационно-распорядительная документация. Основные положения» указывает, что распространенный способ подготовки документа — заполнение трафарета. Применительно к каждой отрасли созданы комплекты текстов-трафаретов — в системе высшей школы, в сельском хозяйстве, на транспорте и т. д. Пользуясь такими текстами, можно легко, быстро, без редактирования составить документ. На это обстоятельство всегда обращали внимание документоведы, информационные работники, имеющие дело с ЭВМ.

Ввиду предельной унифицированности языка служебных документов программисты называют деловое письмо «лингвистическим феноменом». Экономисты подсчитали, что сведение процесса составления служебного документа к заполнению трафарета сокращает нередко трудозатраты в 25—30 раз.

Другим, не менее важным фактором, определяющим язык и стиль документа, является его назначение. Так, например, *Письмо-запрос* всегда начинается со слова *Прошу...*, *Автобиография* — со слов *Я, [ф. и. о.], родился [где, когда], в семье...* Существует набор моделей предложений для *Доверенности, Акта дарения*, для *Сопроводительного письма* и т. д.

Текст документа должен быть кратким. Объем документа обычно регламентирован. Специалисты утверждают, что *Письмо-запрос* должно уместиться на одной странице, *Характеристика* — на полутора и не более.

Языку служебных документов свойствен неличный характер изложения. Как правило, они составляются не от первого, а от третьего лица: *Министерство не возражает...*, *Коллегия рекомендует...*, *Райфинотдел выделяет...* Кроме того, в деловой речи простые глагольные формы уступили место так называемым расщепленным сказуемым: вместо «отремонтировать» пишут *произвести ремонт*, вместо «содействовать» — *оказать содействие* и т. д.

Предполагается, что к документу могут возвращаться неоднократно, поэтому стиль служебных документов — сугубо нейтральный. Это — набор клише, а многоаспектные документы, то есть документы по нескольким вопросам, — своего рода «мозаика», где отдельные части текста соединяются словами-связками типа *Во исполнение...*, *В связи...*, *Руководствуясь...*, *Принимая во внимание...* Наличие клише объясняется повторением ситуации, которая порождает тот или иной документ — *Докладную записку*, *Должностную инструкцию*, *Положение о лаборатории* и т. д.: *контроль за исполнением — возлагается, решения — принимаются, документ — подшивается, порицание — выносится, выговор — объявляется, наказание — налагается* и т. д.

Каковы типичные ошибки в деловой письменной речи?

С одной стороны, это — стилевая недостаточность, с другой — стилевые излишества. Иногда составитель документа, не найдя термина или слова в специальном значении, прибегает к профессиональному просторечию, употребляет неудачные или неправильные выражения, сочетания. Вот случай из практики. Технологи долго не могли понять смысла товаросопроводительной бумаги, в которой была такая фраза: «Свидетели партии прилагаются». Только специалисты знают, что имеются в виду «образцы-свидетели, прилагаемые к партии[товаров]». Еще продолжают употреблять оборот «Прошу не отказать в любезности сообщить» (стилевая избыточность).

Вместе с тем в деловой речи происходят изменения форм: их отмена и зарождение новых, следовательно, новых текстовых формул. Так, утвердился новый вид документа — *Письмо-запрос* в отличие от *Письма-просьбы*. Если раньше письма назывались *препроводительными*, то теперь это архаичное название встречается крайне редко. Документ, несущий так называемую сигнальную информацию, которую ставят на контроль,

стали называть *талоном обратной связи*. Это — новый словесный знак в отечественном делопроизводстве. Встречаются еще профессиональные арготизмы в деловой речи: «Личный листок по учету кадров» называют *объективкой*, «нештатный фонд» — *безлюдным, несписочным*, разновидность грамматики информационно-поискового языка — *мешочной грамматикой* и т. д.

Традиции оформления служебных документов закреплены в государственных стандартах, справочной и нормативной литературе. В небольшой статье невозможно изложить, например, правила аббревиации: они изложены в методическом пособии Госстандарта «Стандартизация сокращений» (1977); правила написания организаций — в пособии Главного архивного управления и др.

Требования к оформлению официальной документации повысились в условиях создания АСУ и АСНТИ. Назрела необходимость в создании специального справочника по грамматике и правописанию для служащих — пособия, призванного облегчить труд миллионов людей, в повседневную жизнь которых входит составление самых разных документов.

Рисунок Н. Беланова

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Я всегда считал, что надо писать „управление кадрами“, „управляющий трестом“. Но на всех печатях во многих учреждениях я читаю: „управление кадров“. Не ошибка ли это?»

Л. И. Мельниченко, *Кишинев*

Нет, не ошибка. Дело в том, что у существительного *управление* несколько форм сочетаемости, зависящих от смысла, вкладываемого в это слово.

Управление кадрами (кем, чем) означает руководство деятельностью, т. е. процесс этого руководства. Сравните: управление людьми, страной, государством, производством, каким-либо процессом и т. д.

Управление кадров (чего) — это уже не процесс, а название крупного подразделения учреждения. Слово *кадров* здесь называет сферу деятельности (сравните: управление железной дорогой, строительства).

Заметки о современной областной лексикографии

Т. С. Коготкова,
доктор филологических наук

В регулярных публикациях журнала «Русская речь», связанных с языком народных говоров, пока не было таких, в которых бы освещалась тема составления и издания современных областных словарей. Из писем в журнал, вопросов в Справочную службу Института русского языка АН СССР становится ясно, что далеко не все, даже самые большие знатоки словарей по русскому языку, осведомлены о том, что областная лексикография, то есть собирание местных слов и выражений, издание на базе этих собраний областных (или как их еще называют — региональных) словарей, сейчас активно развивается.

Для чего создаются областные словари? Почему так актуальны именно сейчас задачи их составления?

Бесспорна и понятна многим истина: слова любого языка точно и сиюминутно отражают жизнь в ее вещах и понятиях (реалиях). В народной речи заключена вся жизнь ее создателя и носителя — народа. Еще в середине прошлого века академик И. И. Срезневский, автор величественного, по определению С. Г. Бархударова, памятника русской исторической лексикографии — «Материалов для словаря древнерусского языка», говорил: «Народ выражает себя всего полнее и вернее в языке своем. Народ и язык, один без другого, представлен быть не может».

До сих пор в глубинах народной речи заперты такие редкие и в то же время точные слова — свидетельства и сколки жизни былой, иногда очень далекой. Именно с опорой на них обосновывают свои научные построения специалисты разных областей: историки, этнографы, искусствоведы и др.

Народное слово не только точно, оно образно и ярко. Без него не может обойтись ни один пишущий о деревне, о сельском населении, будь это художественный роман или публицистический очерк. Местные слова (лексические или семантические диалектизмы) помогают писателю правдиво нарисовать колорит местной речи, а через речь своих сельских героев раскрыть их внутренний мир.

Свежее, яркое, точное народное слово всегда находит защиту у тех, для кого писать — профессия. Л. В. Успенский в своей книге «Слово о словах» называл областной говор запасным отделением великой сокровищницы нашего словарного фонда и заключал свои рассуждения отнюдь не риторическим вопросом: «И кто знает, какие еще удивительные находки может сделать в нем внимательный и чуткий наблюдатель?» Не случайно поэтому именно в писательской среде родилась идея — создать словарь образно-экспрессивных слов и выражений, извлеченных, по преимуществу, из различных собраний региональных слов. Такой справочник мог бы стать своеобразным пособием для литераторов-профессионалов.

В условиях радикальных внеязыковых перемен лексика современной деревни, как наиболее подвижный и регулируемый уровень языка, подвергается наибольшим изменениям. Народно-диалектные слова все больше и больше уходят из жизни, а сами говоры заметно приближаются к нормализованному литературному языку. Из активного словоупотребления исчезают целые тематические группы лексики. Исследователи установили, например, что генеральное направление в развитии сельскохозяйственной лексики в наше время характеризуется заменой ее локально ограниченными единицами на общую для всего языка, новую производственную терминологию. Смена самих реалий, их устаревание ведет к выпадению из речевого обихода и названий. Такие слова, как *соха*, *копач*, *копоруля*, обозначающие орудия земледельческого труда, сейчас услышишь лишь в воспоминаниях о былой жизни. Диалектологическим экспедициям все труднее и труднее отыскать такого рассказчика, который мог бы легко, не путая названия деталей, обрисовать конструктивное устройство сохи. Да и саму соху, пылящуюся в сараях и на поветях, найти теперь не так просто. Лексика старинная, древняя сохраняется, по преимуществу, в языковой памяти лиц старшего поколения. Но ведь в современной деревне даже семидесятилетние ее жители родились уже в послеоктябрьский период. А это значит, что они все обучались в школе. Стремительные процессы наступления литературного языка на диалекты ставят перед языковедами-русистами не просто лингвистическую, а национально-патриотическую задачу собрать, зафиксировать как можно больше словесной архаики, старины, сохранив ее тем самым и для науки и для творчески-избирательного применения в любом литературно-писательском труде. Работа по собиранию местных слов не терпит ни отсрочки, ни промедления.

Современная диалектная лексикография возникла не на пустом месте. Она имеет достаточно длительную, хотя и прерывистую традицию.

Уже в XVIII веке под влиянием просветительских идей М. В. Ломоносова появились первые словарные списки местных слов: «Словарь областных слов, употребляемых в г. Великом Устюге» (по записям 1757) и «Вятский областной словарь» (1772), изданные в журнале «Живая старина» известным филологом П. К. Симони. Первый – Велико-Устюжский – содержал 301 слово, а от Вятского сохранилась только часть словника до буквы С – 177 слов.

В XIX веке собирательство местных слов заметно возрастает. В первые десятилетия за организацию сбора областной лексики и публикацию ее в различных изданиях берется «Общество любителей российской словесности». Общество выработало обращение к губернской администрации по делам народного просвещения с просьбой собирать «провинциальные» слова, привлекая к этому учителей и смотрителей школ и училищ, представителей духовенства. В «Трудах» Общества опубликованы и первые теоретические работы по областной лексикографии.

С середины XIX века накоплением материалов по народным говорам начинают заниматься два научных учреждения – Второе отделение Академии наук и Русское географическое общество. Как результат этой деятельности появляются в 1852 году «Опыт областного великорусского словаря», а в 1858 – «Дополнение к Опыту областного великорусского словаря». Над составлением и редактированием этих изданий трудились известные академики И. И. Срезневский и А. Х. Востоков. Выход словарей стал важным событием в русском языкознании, ведь они были первыми сводами русских народных говоров. Общий объем их словников содержал около сорока тысяч слов.

Особым этапом в истории русской областной лексикографии стал четырехтомный «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля. Первое издание словаря вышло в 1863–1866 гг. В «Напутном слове» к своему детищу, прочитанном на заседании «Общества любителей российской словесности» 21 апреля 1862 года, Даль указывал, что основным источником словаря явился «язык живой, устный, а паче народный», такой, как «он ходит устно из конца в конец по всей нашей родине». Последнее показывалось в территориальных (ареальных) пометах при каждом слове или значении его. Ареальные характеристики лексики говорят о том, что четырехтомный лексикон В. И. Даля, кроме остальных, выполнил и задачи областной лексикографии своего

времени. Исследователи не без оснований утверждают, что реально-энциклопедическая, профессионально-бытовая и этнографическая оснащенность его не может идти в сравнение ни с одним из предшествующих и современных областных словарей. До сих пор не превзойден ни в одном словаре его словник по количеству лексических единиц (200 тысяч слов в Словаре Даля и 128 — в Большом академическом словаре русского лит. языка в 17 тт.).

Публикация «Опыта», «Дополнения» и Словаря Даля оживили дальнейший интерес к народно-диалектной лексике. В конце века стали выходить областные словари преимущественно отдельных территорий. В 1885 году появляется интересный труд А. О. Подвысоцкого «Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении», затем «Словарь областного олонечного наречия...» Г. И. Куликовского (1898 г.). В начале XX века выходит словарь А. Грандильевского, также связанный с архангельским областным наречием, — «Родина М. В. Ломоносова, областной крестьянский говор».

Ценными собраниями местной лексики стали «Материалы для объяснительного словаря вятского говора» Н. М. Васнецова (1907), затем «Смоленский областной словарь» В. Н. Добровольского (1914), «Кашинский словарь» И. Т. Смирнова (1901) и некоторые другие.

До сих пор дореволюционные областные словари отдельных регионов представляют большую научную ценность, особенно своими этнографическими и энциклопедическими (в описании конкретных реалий) сведениями. Все они теперь — библиографическая редкость; не в каждой научной библиотеке можно их найти.

Однако дореволюционные областные словари содержали один заметный пробел: описание местной лексики в них осуществлено неравномерно. Преимущество получили северновеликорусские говоры. Южновеликорусские, западные и говоры центра России почти не подвергались лексикографическому описанию. Единичные более поздние издания типа «Донского словаря» А. В. Миртова (1929) этой картины не меняли. Перед наукой стояла задача преодоления лексикографических пробелов. Но к осуществлению ее приступили не сразу.

В советское время всесоюзный коллектив диалектологов много лет работал над созданием диалектологического атласа русского языка. Когда кропотливая и трудоемкая работа по собиранию материалов была окончена, ученые приступили к составлению областных словарей. Это был конец 50-х годов текущего столетия. Работали одновременно коллективы разных научных центров

страны — Института русского языка АН СССР в Москве, Института языкознания АН СССР в Ленинграде, Ленинградского университета.

Директор Института русского языка академик В. В. Виноградов, открывая в Москве VII Всесоюзное диалектологическое совещание (май 1959), выдвинул как одну из первоочередных задач русской диалектологической науки — составление областных словарей. Институту русского языка АН СССР было поручено координировать и направлять работу пока еще разрозненных словарных коллективов. Несколько лет подряд в Москве, в ИРЯ АН СССР проводились регулярные совещания по обмену опытом в лексикографической работе. В итоге этих совещаний было создано «Пособие-инструкция для подготовки и составления региональных словарей русского языка» (М., 1960), ставившее целью ориентировать будущих наблюдателей диалектной лексики в их работе по сбору местных слов в экспедиционных условиях, и прежде всего со стороны их содержательного (тематического) наполнения. Организационные мероприятия очень скоро дали результаты. Целые коллективы преподавателей и студентов кафедр русского языка педагогических институтов и университетов страны с огромным энтузиазмом включились в большую и многотрудную работу по сбору, систематизации материала и последующему составлению словарей местных слов.

Одновременно с этим в Ленинграде по инициативе Ф. П. Филина, тогдашнего заведующего Словарным сектором Института языкознания АН СССР, группа сотрудников приступила к составлению многотомного «Словаря русских народных говоров» (СРНГ). Языковой базой этого издания служили письменные материалы, начиная с ответов на программу Географического общества еще от середины XIX века и кончая региональными словарями нашего времени. В СРНГ помещаются лишь те слова (и значения), которых нет в нормализованном литературном языке, т. е. осуществляется дифференциальный принцип отбора слов.

В эти же годы в Ленинградском университете под руководством профессора Б. А. Ларина начинается составление «Псковского областного словаря с историческими данными». По отбору слов он принципиально отличается от «Словаря русских народных говоров». В основе картотечного собрания «Псковского областного словаря» лежали записи живой, непосредственно звучащей перед наблюдателем диалектной речи. При этом фиксировался по возможности весь словарный запас псковских говоров, в том числе и та его часть, которая совпадает с литературным языком. Областные словари такого типа называют полными слова-

рями. Кроме лексики живой, записанной в псковских диалектах, каждая его словарная статья дает исторические сведения, если они имеются в памятниках псковской письменности XIII–XVIII вв.

Выход в свет новейших областных словарей русского языка относится к началу 60-х годов XX столетия. Многие из них доведены до последней буквы алфавита, то есть полностью закончены (напр., серия областных словарей Среднего Приобья, выполненная кафедрой русского языка Томского Университета, «Краткий ярославский областной словарь» Г. Г. Мельниченко, «Словарь народных говоров Западной Бriansчины» П. А. Расторгуева и др.). Отдельные многотомные издания пока не закончены и продолжают выходить выпусками или томами. Так вышли в свет двадцать два выпуска «Словаря русских народных говоров», семь выпусков «Псковского областного словаря», четыре выпуска «Словаря брянских говоров» (над ними трудятся преподаватели и студенты Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена). В составлении «Архангельского областного словаря» принимают участие филологи Московского университета и Архангельского пединститута (в свет вышли пять выпусков). Опубликовано три выпуска «Словаря смоленских говоров», «Материалы для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики» В. Н. Немченко, А. И. Синицы, М. Ф. Мурниковой, «Материалы для словаря русских говоров Латвийской ССР» М. Ф. Семеновой, «Опыт словаря говоров Калининской области» Т. В. Кирилловой, Н. С. Бондарчук, В. П. Куликовой, А. А. Беловой.

Особенно активно работают по составлению областных словарей на Урале и в Сибири; силами уральских диалектологов составляется «Словарь русских говоров Среднего Урала» (вышло в свет пять выпусков), издан «Словарь говоров Соликамского района Пермской области» О. П. Беляевой, совсем недавно вышел в свет первый выпуск (буквы А-З) «Словаря говора деревни Акчим Пермской области».

В Новосибирске вышел «Словарь русских говоров Новосибирской области» под редакцией профессора А. И. Федорова и «Словарь фразеологизмов и иных устойчивых словосочетаний русских говоров Сибири» (составители Н. Т. Бухарева и А. И. Федоров), в Красноярске — «Словарь русских говоров южных районов Красноярского края», в Иркутске — «Иркутский областной словарь» (трехтомник). Издательство «Наука» в Москве при участии и содействии чл.-корр. АН СССР Ф. П. Филина опубликовало «Словарь русских говоров Забайкалья» Л. Е. Элиасова и «Словарь русских говоров Приамурья» — совместный труд ученых Дальне-

восточного научного центра, Благовещенского и Хабаровского пединституты.

Преодолеваются пробелы дореволюционной региональной лексикографии в Центре и на Юге России, свидетельством тому — «Словарь говоров Подмосковья» А. Ф. Ивановой и «Словарь русских донских говоров».

Наибольшую популярность у специалистов и любителей русского языка получил «Словарь русского народного говора д. Деулино Рязанского района Рязанской области», отразивший в своем словнике лексический запас одного типичного южновеликорусского говора. Об этом словаре журналист Анатолий Стреляный справедливо сказал: «...получилась цельная картина жизни одной деревни, ее образ, автопортрет» (Журналист. 1971. № 1. С. 58).

Сложен труд создателей областного словаря. Он состоит как бы из нескольких самостоятельных этапов, и каждый из них одинаково важен для успеха дела. Первый этап — экспедиционный. В нем проявляется разыскательский «пыл» собирателя слов, его умение (иногда прямо — талант!) «разговорить» своего собеседника — местного жителя. Именно на этом этапе закладывается количественный состав словника будущего словаря. Затем наступает этап кропотливого и тщательного «перевода» блокнотных (или магнитофонных) записей в картотечные собрания. Картотека — это та материальная и методическая база, с которой всегда работает лексикограф, составляя словарные статьи. Все это завершает этап аналитический — написание самих словарных статей. После этого — редактирование всего корпуса написанного и подача рукописи в издательство. Таков естественный путь прохождения словаря. Путь напряженный, многотрудный, но посильный и преодолимый. Непреодолимыми же нередко могут стать такие преграды, которые исходят из различных издательских инстанций. Кому-то из ответственных работников может показаться, что словарь деревенских слов — тема не актуальная в общей линии повышения культурно-образовательного уровня общества. Не учит ведь такой словарь, как надо правильно, точно и ярко говорить или писать.

Но нельзя забывать, что областные словари, сохраняя народную речь, отражают и жизнь ее создателя и носителя — народа. А к народному словарному источнику кто только ни обращается — историки, этнографы, литературоведы и искусствоведы, историки языка и писатели. Это бесценная часть нашей национальной культуры. Вот почему составителями словарей гордятся, их труд уважают, ценят, воздают ему должное. Сибиряк по рож-

дению, писатель Евгений Пермяк, приветствуя и поздравляя составительниц первого цикла областного словаря говоров Среднего Приобья, теперешних известных профессоров В. В. Палагину, О. И. Блинову и др., называл их внучками В. И. Даля.

Сегодня с удовлетворением можно сказать, что за последние два с половиной десятилетия советская наука в области диалектной лексикографии сделала такие успехи, которыми можно по праву гордиться. Уже десять лет назад наиболее полный из всех имеющихся на сегодня библиографический перечень новейших областных словарей составлял тридцать одно название (см. Т. С. Коготкова. Русская диалектная лексикология. М., 1979. С. 304—305). Сейчас этот список уже значительно расширен.

Но, строго говоря, достижения современной областной лексикографии следует рассматривать лишь как успешное начало большой и регулярной деятельности по сбору, систематизации и изданию областной лексики. Предстоит еще очень многое сделать. В рассмотренном нами собрании словарей незначительно количество таких, для которых регионом обследования явились территории самых древних метрополий в расселении русских. А ведь именно лексические данные с этих мест особенно важны для исторических разработок разной направленности. Имеются в виду территории сегодняшних Новгородской, Рязанской, Владимирской, Курской, Орловской областей. Насколько нам известно, диалектно-лексикографическая работа здесь или не ведется вовсе, или идет крайне медленно.

Сдали свои лидерские позиции московские диалектологи Института русского языка АН СССР. После Деулинского словаря (1969), отразившего лексику лишь одного рязанского диалекта, занятие областной лексикографией прекратилось вовсе.

Выходящие в свет, как правило, небольшими тиражами на местах, т. е. в областных центрах на полиграфической базе университетов или педагогических институтов, областные словари быстро и охотно раскупаются там же, обычно не выходя за широкие пределы мест своей публикации. В этом, надо полагать, одна из причин относительно малой известности таких изданий в стране в целом. В интересах дела А. И. Федоров подал идею слить воедино все областные словари в одну базовую карту-теку — картотеку сводного «Словаря русских народных говоров», а на ее основе создать максимально полный диалектный словарь-тезаурус. Идея сводности лексического материала в одном издании, в «Словаре русских народных говоров», конструктивная и плодотворная. Реализация ее — дело выполнимое и по силам авторскому коллективу.

Из нормативно- стилистического словаря русского языка

Работа — труд. Эти слова совпадают в значении «занятие, деятельность», а также — «результат деятельности, произведение, изделие»: *физическая работа и физический труд, тяжелая работа и тяжелый труд, печатные работы и печатные труды*. Однако между ними существуют определенные смысловые и стилистические различия.

Слово *работа* стилистически нейтрально; не обладает оценочностью (можно сказать *прекрасная работа* и *ничемная работа*); выступает в сочетаниях с наименованиями лиц, животных, предметов (одинаково нормативны обороты *работа инженера, работа муравья, работа двигателя*); может служить названием результата любой деятельности: «В научных работах ученого были развиты новые идеи»; «На выставке представлены работы молодых художников»; «Работы гончара отличала изысканность формы».

Хотя слово *труд* также стилистически нейтрально, ему отдается предпочтение в стилистически приподнятых контекстах, в возвышенно-торжественной речи: *труд на благо отечества; слава труду*. Оно не только обозначает понятие, но и характеризует его; можно сказать: *самоотверженный труд*, но не следует говорить: *плохой труд, безответственный труд*, то есть объединять существительное *труд* с определениями, выражающими отрицательную оценку. Это слово сочетается с наименованиями лиц (*труд крестьянина*), групп людей (*труд бригады*), живых существ (*труд пчелы*), но не механизмов: обороты наподобие *труд машины, труд двигателя* ненормативны. Как название результата (произведения, сочинения, исследования) это слово употребляется в ограниченном кругу сочетаний — только по отношению к умственной, обычно научной деятельности: *научный труд, печатные труды*, но невозможны такие обороты: *труды художника, труды кузнеца*.

Только существительное *труд* употребляется в терминологическом значении «целесообразная деятельность человека, направленная на создание материальных и духовных ценностей», и поэтому лишь оно возможно в таких сочетаниях, как *орудия труда, общественно полезный труд*.

В остальных значениях *работа* и *труд* не совпадают, что и определяет различия в их употреблении: *поступить на работу, единица работы, ремонтные работы, часы старинной работы, не добиться с трудом, не дать себе труда подумать*.

Работать — трудиться. Эти глаголы совпадают в значении «заниматься каким-либо делом; создавать что-либо, применяя свой труд». В нейтральных контекстах возможно употребление обоих слов: *работать в поле и трудиться в поле, в нашей стране все должны работать и в нашей стране все должны трудиться*. «В этой просторной комнате люди работали всю ночь — отвечали на резкие, требовательные звонки, советовались, подсчитывали, решали» (Чивилихин. Серебряные рельсы); «Лена теперь уже не работала у Корытова, а трудилась в саду, заготавливала рассаду» (Павленко. Счастье).

Вместе с тем синонимы *работать* и *трудиться* имеют смысловые и стилистические различия.

Употребление глагола *работать* не зависит от того, какая оценка — положительная или отрицательная — дается той или иной деятельности. Одинаково правильны сочетания: «Он работает хорошо (мастерски, с огоньком, беззаветно)» и «Он работает плохо (небрежно, спустя рукава, без чувства ответственности)».

Слово же *трудиться* не просто обозначает действие, но и во многих случаях положительно характеризует его. Поэтому в тех ситуациях, когда речь идет о плохой работе, о незаинтересованном отношении к ней, об антиобщественной деятельности и т. д., не следует использовать глагол *трудиться*. Эту особенность значения слова в свое время подметил поэт Исаковский в статье «По поводу двух слов»: «Думаю, не очень трудно понять, что когда, например, говорят „человек работает“, то это значит лишь то, что он выполняет определенные функции. Это как бы просто информация о том, что человек чем-то занят. Но эта информация ничего еще не говорит о том, *как* работает человек. Когда же употребляется выражение „человек трудится“, то это значит не только, что он выполняет определенные функции, но говорит и о том, *как* он их выполняет, ибо слово *трудиться* значит *работать честно, добросовестно, усердно, работать в полную меру своих сил*. Следовательно, неправомерно говорить и писать: «Он трудится с прохладцей»; «Некоторые работники трудятся безо всякого интереса к делу»; «На овощной базе длительное время трудились расхитители общественной собственности». Во всех подобных контекстах должен употребляться только глагол *работать*.

Не следует применять слово *трудиться* по отношению к меха-

низмам, машинам, оборудованию: «Станки трудятся безотказно»; «В карьере трудятся мощные экскаваторы». Правильно: «Станки работают безотказно», «В карьере работают мощные экскаваторы».

Только глагол *работать* употребляется при указании на род занятий, профессию человека: «Мой брат работает учителем»; «Многие выпускники школ работают механизаторами». Предпочтение слову *работать* следует отдавать и в том случае, когда речь идет о месте постоянной работы кого-либо; уместнее говорить: «Он работает на фабрике», а не «Он трудится на фабрике».

В отличие от стилистически нейтрального глагола *работать* его синоним *трудиться* тяготеет к книжной речи, используется в стилистически приподнятых контекстах, особенно в тех случаях, когда подчеркивается общественная значимость той или иной деятельности, высокое назначение труда: «Не просто работать, а трудиться во имя высокой цели» (из печати). Напротив, в обыденных ситуациях, в разговорной речи уместнее пользоваться глаголом *работать*. Не следует говорить: «Вчера я трудился на садовом участке» (нужно: *работал*); «У нас в семье все трудятся» (лучше: *все работают*); «В отделе трудится пятнадцать человек» (правильно: *работает пятнадцать человек*).

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«У нас на работе возник спор о том, какая разница между словами *рейтузы* и *гамаши*, *гольфы* и *гетры*. Разъясните, пожалуйста».

В. Ф. Минчай, Тольятти

Гамаши (от фр. *gamaches*) — теплые чулки без подошвы, надеваемые поверх обуви.

Рейтузы (от нем. *Reithosen*) — узкие брюки для верховой езды, плотно обтягивающие ноги, а также детские или женские трикотажные длинные облегающие штаны.

Гетры (от фр. *guêtres*) — первоначально суконные накладки, которые надевали поверх обуви для тепла. Затем так стали называть чулки, обычно закрывающие ногу от щиколотки до колен.

Гольфы — (от англ. *golf* — название игры в мяч) — длинные носки либо чулки до колен. Дело в том, что костюм игрока в гольф состоял из куртки, коротких (до колен) брюк-гольф, которые снизу застегивались на манжету и, соответственно, длинных носков-гольф.

К 140-летию со дня рождения Ф. Ф. Фортунатова

Учитель — имя твое

С. В. Смирнов,
доктор филологических наук

Одним из виднейших ученых и педагогов конца XIX — начала XX века был Филипп Федорович Фортунатов (1848—1914). Окончив Московский университет в 1868 году в качестве кандидата, он был оставлен для подготовки к профессорскому званию. Пробыв два года за границей (Германия, Франция, Англия), Ф. Ф. Фортунатов защитил в 1875 году магистерскую диссертацию и стал преподавать на кафедре сравнительной грамматики индоевропейских языков. Свою первую лекцию Ф. Ф. Фортунатов прочитал 22 января 1876 года. В стенах Московского университета ученый создал свои заме-

чательные курсы введения в языковедение, сравнительной грамматики индоевропейских языков, санскрита, готского, литовского и старославянского языков. В 1898 году он был избран ординарным академиком и в 1902-м переехал в Петербург (подробнее о творческом и жизненном пути ученого см.: Русская речь. 1972. № 4).

Аудитория Ф. Ф. Фортунатова была невелика, но из нее вышли ученые, которые составили цвет русской науки. Среди них А. А. Шахматов, Г. К. Ульянов, В. К. Поржесинский, А. И. Томсон, В. Н. Щепкин, Б. М. Ляпунов, М. М. Покровский, Д. Н. Ушаков, Е. Ф. Будде, А. М. Пешковский, М. Н. Петерсон и многие другие. Известный в России и за границей, Ф. Ф. Фортунатов привлекал внимание славянских и западноевропейских ученых. Слушать его лекции ездили в Москву немецкие, французские, шведские, норвежские, чешские, сербские, румынские языковеды.

На кафедре Ф. Ф. Фортунатов был воплощением чистого научного творчества. Атмосфера неутомимого поиска и строгой логичности наполняла аудиторию и вызывала особое внимание

к его личности. По характеру Ф. Ф. Фортунатов был человеком сдержанным и молчаливым, отчасти потому, что с молодых лет страдал глухотой. В то же время он был простым и доступным, особенно для тех, кто серьезно интересовался наукой. Сам он тщательно готовился к каждой лекции, ежегодно обновляя свои курсы и подвергая их критической проверке. Точность формулировок, отсутствие всего лишнего и случайного делали его лекции компактными и содержательными.

Ф. Ф. Фортунатов читал лекции глуховатым, несильным голосом, без погони за внешними эффектами. По его мнению, прежде всего содержание должно говорить само за себя, а красивыми фразами не скроешь скудости мысли. Его неторопливая речь, в которой каждое слово стояло на своем месте, без досадных заминок и поправок, удивительно гармонировала со стройностью и точностью изложения. Ф. Ф. Фортунатов стремился сообщать самое существенное и никогда не скрывал от слушателей своих сомнений. Как-то он пропустил очередную лекцию по готскому языку. Появившись через две недели, Ф. Ф. Фортунатов начал так: «Я убедился за это время в неправильности своего взгляда на дело; прошу считать прошлую лекцию несостоявшейся; взамен ее я прочту на ту же тему — другую». Однажды он сказал сту-

дентам, что второго часа читать не будет, так как не успел подготовиться, занятый оппонированием докторской диссертации Г. К. Ульянова.

Некоторые из его близких учеников говорили Филиппу Федоровичу, что хорошо бы читать начальные курсы попроще. Но он никогда с этим не соглашался, полагая, что будущие ученые должны с первых же шагов привыкать к трудной работе. В этом сказывалось и уважение к молодежи, и понимание ее устремлений вперед. Ведь любой молодой ученый, прежде чем вступить на путь самостоятельных исследований, должен пройти серьезную школу, обогатить себя широкими знаниями. Свои лекции Ф. Ф. Фортунатов стремился не перегружать разного рода гипотезами, а сообщал в первую очередь конкретные сведения, в том числе собственные выводы и теории.

При удивительной скромности, отсутствии стремления к личной известности и славе Ф. Ф. Фортунатов сравнительно редко выступал в печати и успел опубликовать немного. В этом сказалась прежде всего чрезмерная требовательность к самому себе. Малейшие сомнения в чем-либо, даже в деталях, заставляли его откладывать печатание уже готовых работ. При этом он постоянно шел вперед, искал все новые решения занимавших его проблем. Уговорить его написать статью было почти

невозможно. Он полагал, что результаты исследования доставляют ученому личное удовлетворение, но с общественной точки зрения гораздо важнее, чтобы они послужили толчком к новым шагам в науке. Поэтому он всегда спешил сообщить о них своим ученикам и друзьям. Он не любил говорить о своих успехах, но бесконечно радовался, если его ученикам удавалось найти новое и удачное решение хотя бы частных вопросов на основе самостоятельных исследований, но без погони за оригинальностью.

М. М. Покровский, будущий профессор Московского университета и академик, в студенческом сочинении о латинском спряжении вступил в полемику с Ф. Ф. Фортунатовым. Некоторые знакомые и родные стали порицать юношу за такую смелость. Ему предсказывали полный крах или во всяком случае большие неприятности. Но Ф. Ф. Фортунатов остался очень доволен проявленной самостоятельностью, а главу о родительном падеже счел даже достойной напечатания. Но дело этим не ограничилось. Филипп Федорович еще раз прочитал работу и назначил М. М. Покровскому особый день для беседы, которая заняла несколько часов и принесла автору огромную пользу.

Вообще Ф. Ф. Фортунатов считал, что людям, глубоко увлеченным наукой, никогда не следует отказывать. Датский сла-

вист Т. Торнбьернсон много занимался полногласием. Приехав в Москву, он обратился к Филиппу Федоровичу с просьбой сообщить ему свои взгляды на эту проблему. Он обещал подвергнуть их детальному анализу и в то же время предупредил, что иногда будет полемизировать с ним. Ф. Ф. Фортунатов по достоинству оценил искренность своего коллеги и полностью удовлетворил его просьбу.

Особую страницу в истории языкознания занимают отношения между Ф. Ф. Фортунатовым и А. А. Шахматовым. Они познакомились в конце сентября 1879 года. 15-летний гимназист А. Шахматов, увлеченный наукой, отправился к маститому ученому. Он так писал родным о своих первых впечатлениях: «Минут через десять вошел человек среднего роста, некрасивой наружности, с некрасивой бородою,— на нем все было неуклюже, мешковато,— но с голубыми, добрейшими глазами. Первым вопросом, заданным мне, это было — что побудило меня заниматься именно языками? После моего не совсем удовлетворительного объяснения он спросил, как я занимался сначала и как теперь. Тут начался длинный разговор, который, конечно, был для меня совершенно приятен и полезен в высшей степени; потом Фортунатов объяснил мне, как я должен продолжать постепенно свое учение... Это была первая половина раз-

говора. Он главным образом говорил тогда и притом тихо, мерно, понятно. „Теперь я вас проэкзаменую“, — начал он после некоторого молчания. Сердце мое екнуло, мне стало страшно. Страх еще более увеличился, когда я увидел, что он принес славянскую грамматику, санскритскую грамматику и древнеиндийскую книгу для чтения... Каждое слово мы подвергали с ним вместе строжайшему анализу, строжайшей критике. Он не допускал ничего без подробнейшего доказательства, и я отвечал, все отвечал, сам удивляясь своему знанию» (Алексей Александрович Шахматов. Детство и юность по воспоминаниям сестры // Литературная мысль. 1925. III).

На всю жизнь Ф. Ф. Фортунатов стал для А. А. Шахматова авторитетом не только в области науки, но и в делах житейских. Отличавшиеся оба исключительной скромностью и деликатностью, они с глубоким уважением и даже нежностью обращались друг с другом. Но это нисколько не мешало им расходиться в некоторых научных вопросах. Однажды они вели горячий и продолжительный спор по крупной лингвистической проблеме и остались непреклонными. Недели через две к Ф. Ф. Фортунатову зашел один знакомый. Тот усадил гостя, подсел к нему поближе и с радостной улыбкой сказал: «А знаете, Алексей-то Александрович, — ведь он со

мною согласился!» А. А. Шахматов в науке продолжил дело Ф. Ф. Фортунатова.

Чуждый научного тщеславия и эгоизма, Ф. Ф. Фортунатов никогда не только не подавлял своим авторитетом самостоятельности учеников, но и всегда был готов учиться вместе с ними, проверяя и вновь обсуждая в живой беседе уже продуманные им раньше мысли. Он не щадил себя и своего времени, охотно принимал всех приходивших к нему для научного общения, делился своими книгами, как и своими знаниями, и его хорошо подобранная библиотека была одновременно рабочей библиотекой его учеников.

Допуская и поощряя самостоятельное отношение учеников к решению научных проблем, Ф. Ф. Фортунатов никогда не «проявлял либерализма» и при всей симпатии к ним был требовательным и на диспутах весьма опасным оппонентом. Его письменные отзывы всегда были очень содержательны и полны научного значения. Они свидетельствовали о той громадной работе, которую он проделывал, читая диссертацию. Не касаясь деталей, Ф. Ф. Фортунатов подвергал тщательному анализу самое существенное, не раз давая иное освещение приведенным фактам. С особенным удовольствием он отмечал в трудах своих учеников новые мысли. В то же время указывал на слабые стороны и погрешности на-

учных работ. Возражения учителя всегда были настолько продуманные и убедительные, что защиты диссертаций с его участием становились событием в жизни факультета и даже всей филологической Москвы, делом глубокого научного значения.

Особое впечатление оставляли знаменитые фортунатовские «четверги» — своего рода университет на дому, академия языкознания. Попасть на эти «четверги» и стать их постоянным участником было просто. Ф. Ф. Фортунатов сам выражал желание, чтобы к нему приходила молодежь, и даже поручал кому-нибудь из постоянных гостей привести новичка. Если на лекциях и семинарах речь ограничивалась определенным кругом проблем, то здесь шла непринужденная беседа на всевозможные лингвистические темы, тем более, что встречались люди с разной подготовкой и различным кругом интересов. И несмотря на кажущуюся хаотичность бесед, молодежь училась, как бы незаметно накапливая знания.

80—90-е годы прошлого века были периодом расцвета фонетических исследований, поэтому некоторые ученые ничего не признавали, кроме фонетики. Разнообразие вопросов, которые обсуждались в доме Ф. Ф. Фортунатова, предостерегало молодых слушателей от этой узости и приводило к мысли, что многие разделы фонетики невоз-

можно изучать вне связи с морфологией, словообразованием, историей языка. Научные споры, то спокойные, то бурные, оказывали на молодежь большое нравственное влияние. Они воспитывали убеждение, что в служении науке на первом месте всегда должна стоять истина.

Частыми участниками «четвергов» были А. А. Шахматов, В. Н. Щепкин, В. К. Поржезинский, М. М. Покровский и многие другие. Нередко приходили и зарубежные ученые, которые поражались широте научных интересов кружка, были тронуты радушием гостеприимством, товарищеской поддержкой. Немецкий славист Э. Бернекер, ученик лейпцигских профессоров А. Лескина и К. Бругмана, неоднократно заявлял, что Ф. Ф. Фортунатову он обязан не менее, чем своим непосредственным учителям. Это глубокое чувство симпатии к московскому ученому проявлялось во многих его работах по славянской филологии, выходивших в зарубежных журналах.

В редкой цельности натуры и гармонии выдающегося ума и доброго сердца лежит разгадка того влияния, которое Ф. Ф. Фортунатов оказывал на своих учеников, ставших затем украшением многих кафедр российских университетов.

Тарту
Рисунок С. Жагина

Н. С. Державин — ученый-славист и педагог

Н. А. Кондрашов,
доктор филологических наук

Творческая деятельность Н. С. Державина оставила заметный след в истории русского и советского славяноведения. Выдающийся знаток болгарского языка и этнографии, истории и литературы, один из немногочисленных албановедов, крупнейший специалист в области русской филологии, он сочетал в себе огромную эрудицию, педагогическое дарование и широкое мировоззрение с ярким темпераментом ученого-общественника.

Николай Севастьянович Державин родился 15 декабря 1877 года в с. Преслав Бердянского уезда Таврической губернии (ныне Запорожская область Украинской ССР) в семье народного учителя из крепостных. В Преславе в то время жили болгарские колонисты, которые с разрешения русского правительства с середины XVIII века стали заселять некоторые районы Молдавии и Украины. Постоянно находясь среди этих людей, Н. С. Державин прекрасно изучил их быт, устное народное творчество, живой болгарский язык. После обучения в сельской школе, затем Симферопольской гимназии, которую окончил с золотой медалью, он

поступил в Петербургский историко-филологический институт, где слушал курс академика И. Н. Жданова «Введение в изучение народной словесности».

Это знакомство с болгарским и русским фольклором оказало большое влияние на формирование научных взглядов Н. С. Державина. Со второго курса он перевелся в Нежинский историко-филологический институт имени Безбогородко. Здесь он прочитал свой первый научный доклад о болгарском поэте Ц. Гинчеве. Большую помощь советами и указаниями оказал ему харьковский славист, болгарин родом, М. С. Дринов, который поддерживал болгароведческие занятия талантливого студента. Участь на третьем курсе, Н. С. Державин направил в московский журнал «Этнографическое обозрение» статью «Очерки быта южнорусских болгар». В ней рассказано о свадебных и иных обычаях, особенностях фольклора и поверьях болгар-колонистов, хорошо знакомых ему по родному селу. Статья была опубликована, а в последующие годы появились работы по этнографии, истории и языку южнорусских болгар.

После окончания Нежинского института Н. С. Державин получил назначение в Батумскую гимназию в качестве преподавателя русского языка и литературы. Он быстро стал широко известен среди интеллигенции Закавказья, чему способствовали его незаурядное педагогическое дарование и широта общественных интересов. В это время (1902) вышла в свет его студенческая работа «„Степенная книга“ как литературный памятник».

В 1903 году Н. С. Державин посетил с научной целью Турцию, Константинополь и Болгарию: в Константинополе занимался в библиотеке Русского археологического института, в библиотеках Софии собирал новые материалы к своим лингвистическим и историческим работам о болгарях. Вскоре из Батума он был переведен в Тифлис, где

стал преподавателем Первой гимназии.

Под влиянием революционных событий 1905 года он возглавил организованное рабочими тифлиских железнодорожных мастерских «Общество народных университетов», основал несколько школ грамотности для местного населения Кавказа. Академик Н. Я. Марр писал тогда: «Молодой педагог Н. С. Державин, специалист по русскому языку и литературе, без всяких научных связей в Петербурге, должен был найти выход на месте, в самом Тифлисе, в самый разгар культурных гонений на национальные языки Кавказа, можно сказать, накануне того времени, когда последовало закрытие всех армянских школ и когда грузинский язык был объявлен экзархом Грузии „собачьим“. И Н. С. Державин нашелся. Как ряд русских, преподававших свой родной язык грузинам (надо сказать к их чести, с четким вниманием к национальному чувству учащихся), Н. С. Державин не вступил в фалангу русификаторов...» (Записки об ученых трудах действительных членов Академии наук СССР по Отделению общественных наук, избранных в 1931 и 1932 годах. Л., 1932). В 1907 году в связи с усилением реакции и гонениями местных черносотенцев на все прогрессивное и демократическое Н. С. Державин должен был покинуть Закавказье. Он

переехал в Петербург, где можно было продолжать преподавательскую и научную деятельность.

Ученый живо интересовался новыми педагогическими направлениями, всячески поддерживал идею активного изучения учащимися родного языка, выступал против зубрежки и системы телесных наказаний. Еще в Тифлисе он прочитал доклад «Педагогические идеалы Н. И. Пирогова»; в Петербурге выступил с работами «К вопросу о преподавании русского языка и литературы в средней школе», «Родной язык и трудовая школа», «Из лекций по методике русского языка», «Основы методики преподавания русского языка и литературы в средней школе»; вышел в свет его «Элементарный курс русской грамматики для самообразования», а также множество статей и заметок о виднейших русских писателях (Пушкине, Гоголе, Жуковском, Карамзине и др.).

Н. С. Державин завоевал признание как выдающийся методист, педагог-теоретик и авторитетный автор по вопросам методики преподавания родного языка и литературы. Наряду с педагогической и научно-методической деятельностью он продолжал болгароведческую тематику. В работе «Болгарские колонии Новороссийского края. Херсонская и Таврическая губернии», вышедшей в 1908 году, описана история этих поселений

в России, приведено множество этнографических сведений о жизни и быте колонистов (сельское хозяйство, постройки, жилище, костюм, пища, посуда, родство и свойство, свадебные и похоронные обряды, народные праздники, поверья, народное творчество и т. п.).

В 1910 году по поручению Академии наук Н. С. Державин совершил поездку в Бессарабию и Болгарию, где применил для фиксации живой речи фонограф, что тогда было еще редкостью. В это же время ученый успешно сдал магистерские экзамены по славянской филологии, а с 1912 года стал приват-доцентом Петербургского университета.

В 1914 году в Софии вышла в свет первая часть обширного исследования Н. С. Державина, посвященного болгарским поселениям на юге России: «Болгарские колонии в России (Таврическая, Херсонская и Бессарабская губернии). Материалы по славянской этнографии». В следующем году в Петрограде была издана вторая часть: «Болгарские колонии в России. Т. II. Язык. 1. Обзор говоров. 2. Общие итоги, выводы и наблюдения. 3. Тексты». Этот труд, над которым Н. С. Державин работал 15 лет, встретил сдержанную оценку ряда специалистов. Только академик А. А. Шахматов высоко оценил историко-этнографическую направленность работы, и благодаря его поддержке Н. С. Державин успешно защи-

тил в 1916 году в Петроградском университете магистерскую диссертацию, которую составили обе части названного исследования.

В 1917 году Н. С. Державин был избран профессором по кафедре славяноведения Петроградского университета. С первых же дней после Великого Октября ученый — убежденный строитель новой жизни на культурном фронте. Велика и многообразна его общественно-педагогическая деятельность: он настойчиво пропагандировал новую орфографию; в университете возглавил «группу левой профессуры», которая вынесла на своих плечах всю тяжесть борьбы с реакционно настроенными учеными; был членом губернского Совета рабочих и крестьянских депутатов (1920—1928), а в 1922 году назначен первым советским ректором Петроградского университета, в котором под его руководством была произведена перестройка всей научной и воспитательной работы. Интересны в связи с этим высказывания Н. С. Державина о научной деятельности, учебном процессе и новом мировоззрении: «После Октябрьской революции высшая школа стала школой пролетариата: интересоваться ее судьбами, поэтому, — доля каждого, кому дороги интересы рабочего класса и революции. Органическое слияние науки и труда — это конечная задача пролетариата в

области его культурного строительства и завоеваний» (Высшая школа и революция. М.—Л., 1925). И далее: «Революция не отрицает ни высшей школы, ни науки. Она приемлет и утверждает то и другое, но требует от них безусловного служения прежде всего интересам рабочего класса, т. е. интересам подлинного просвещения широких трудовых масс и хозяйственного возрождения страны...»

Н. С. Державин продолжал трудиться над просвещением народа: «Учебник грамматики русского языка. Опыт научно-элементарного курса. I. Основы фонетики и морфологии» (по новой орфографии) выдержал к 1924 году шесть изданий; «Маленькая грамматика» — пять. Элементы научности, которые вводил автор, и установка на самонаблюдение, анализ языковых явлений самими учащимися, освобождение обучения от зубрежки и повседневной муштры — вот то новое, что пропагандировал Н. С. Державин.

С 1925 года вплоть до своей кончины (26 февраля 1953 г.) Н. С. Державин заведовал кафедрой славянской филологии в Ленинградском университете. Активная научно-педагогическая и общественная деятельность ученого была по достоинству оценена Академией наук СССР и Академией педнаук СССР: он был избран действительным членом АН СССР (1931) и АПН СССР (1947).

В годы Великой Отечественной войны Н. С. Державин вел огромную работу: выступал с публичными лекциями, докладами, статьями и брошюрами, направленными против фашистских захватчиков; в 1942 году был избран председателем Антифашистского комитета советских ученых и членом Всеславянского комитета, членом Президиума АН СССР. К послевоенному периоду относится публикация капитальных монографических трудов ученого. Это прежде всего четырехтомная «История Болгарии», культурно-исторический очерк «Славяне в древности», «Иван Вазов. Жизнь и творчество», «Христо Ботев — поэт-революционер». В 1948 году Н. С. Державину была присуждена за указанные труды Государственная премия.

Следует отметить, что Н. С. Державин разделял некоторые ошибочные взгляды Н. Я. Марра, в частности, когда пытался использовать его теорию стадильности в развитии языка, положение о скрещивании языков и палеонтологический анализ. Это нашло отражение в исторических и отчасти языковедческих работах ученого. К чести Н. С. Державина следует отнести его критическое отношение к этим взглядам.

У Н. С. Державина было много учеников, которые видели в нем доброжелательного и справедливого научного руководителя в аспирантские годы, щедрого на помощь, настоящего патриота нашей Родины, высоко ценившего культурные достижения советского народа.

Рисунок С. Жагина

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Почему слово *индианка* пишется то через *-и-*, то через *-е-* — *индеанка*? Где же все-таки истина?»

С. Коротков, Ленинград

Оба варианта правильны. Дело в том, что эти слова образованы от названий жителей разных стран в разных частях света.

Индианка, индиец (житель Индии).

Индеанка, индеец (коренное население Северной Америки).

А. М. Бабкин — лексикограф и фразеолог

В. В. Розанова,
кандидат филологических наук
В. Н. Сергеев,
кандидат филологических наук

Среди советских ученых-языковедов имя А. М. Бабкина широко известно. Доктор филологических наук, профессор, лауреат Ленинской премии, он внес существенный вклад в изучение лексикографии, лексикологии, фразеологии и других областей языкознания.

Александр Михайлович Бабкин родился 6 декабря 1907 года в Ярославле, в семье почтового служащего. После окончания средней школы он поступил на отделение русского языка и литературы Ленинградского пединститута имени А. И. Герцена, где обнаружил незаурядные филологические способности. Завершив учебу, он работал доцентом в Свердловском педагогическом институте, заведовал кафедрой языкознания в Уральском коммунистическом университете имени В. И. Ленина. После окончания аспирантуры и защиты кандидатской диссертации в ЛГПИ имени А. И. Герцена Александр Михайлович руководил кафедрой русского языка в Якутском пединституте. В годы Великой Отечественной войны он занимался подготовкой на-

циональных кадров — специалистов по русскому языку. За эту работу А. М. Бабкин награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» и Почетными грамотами Якутской АССР.

1946 год стал поворотным в жизни А. М. Бабкина. Его перевели в Ленинград на должность старшего научного сотрудника в Словарный сектор Института русского языка АН СССР (ныне — Словарный отдел Института языкознания АН СССР. Ленинградское отделение). На новом месте он с увлечением начал дело, которому в дальнейшем посвятил всю жизнь, — подготовку разных типов словарей русского языка. В это время в Словарном секторе возобновилась прерванная войной работа над 17-томным «Словарем современного русского литературного языка». А. М. Бабкин включился в общий труд над первым томом, подготовленным еще до войны, и вместе с другими учеными и сотрудниками участвовал в редактировании и окончательной подготовке его к выходу в свет.

Двадцатилетний стаж педагогической и руководящей работы в высших учебных заведениях, большой опыт самостоятельных исследований в области лексикологии и лексикографии способствовали тому, что А. М. Бабкин быстро стал одним из ведущих работников Словарного сектора. Ему поручили руководство группой научных сотрудников, занятых подготовкой четвертого тома Словаря. Этот том, как и три предыдущих, был составлен по гнездовому принципу. Работа над ним завершилась в конце 1950 года. В 1952 году было решено, начиная с четвертого тома, сделать Словарь алфавитным. На плечи Александра Михайловича и его товарищей было возложено трудное и ответственное дело. Требовалось в сжатые сроки коренным образом переработать весь том. Составительский коллектив под руководством А. М. Бабкина успешно справился с заданием. Том пополнился новыми словарными статьями, большим числом цитат-иллюстраций, многие словарные статьи были переработаны. Четвертый том вышел в свет в 1955 году. Именно с него утвердился новый тип самого большого словаря советской эпохи, в 17-ти томах которого помещено 120 480 слов.

А. М. Бабкин был одним из авторов и редакторов «Инструкции для составления Словаря современного русского литературного языка» (1958), позднее

его назначили заместителем председателя редакционной коллегии Словаря. Над словарем работали и молодые, начинающие лексикографы и такие известные ученые, как В. И. Чернышев, Е. С. Истрина, С. Г. Бархударов, С. П. Обнорский, Н. С. Державин, В. В. Виноградов, Б. А. Ларин, В. М. Жирмунский, А. П. Евгеньева, Ф. П. Филин, С. И. Ожегов и др. Одни из них были членами редколлегии, другие постоянно оказывали консультационную помощь по разным вопросам описания лексического состава Словаря.

С 1957 по 1961 год А. М. Бабкин заведовал Словарным сектором. В нем продолжалась большая работа над 17-томным Словарем, над формированием и пополнением картотек. Вместе с ученым секретарем сектора А. И. Молотковым Александр Михайлович добился бесперебойной подготовки и регулярного выхода очередных томов. В 1965 году вышел последний том; за этот труд А. М. Бабкину в числе других выдающихся ученых-языковедов — С. П. Обнорского, С. Г. Бархударова, Е. С. Истриной, Ф. П. Филина, В. И. Чернышева — была присуждена Ленинская премия в области науки и техники за 1970 год.

Словарная работа раскрыла огромные научные возможности А. М. Бабкина. Его интересовали теоретические вопросы лексикологии и лексикографии. Он занимался исследованиями лекси-

ки советской прозы, написал ряд статей по вопросам грамматики современного русского языка для второго издания БСЭ. Являясь знатоком наследия В. И. Даля, он подготовил вступительную статью к переизданию его знаменитого Толкового словаря (1955). Позднее, к 100-летию выхода этого словаря, А. М. Бабкин опубликовал в журнале «Известия АН СССР, Отделение литературы и языка» статью о словаре-юбиларе и его авторе (1968. № 1).

А. М. Бабкин проявлял неустанную заботу о Большой картотеке Словарного сектора. «...Ее фонды служили и продолжают служить не только базой для составления словарей, но незаменимым источником для наведения всевозможных справок. Сотни советских и зарубежных филологов постоянно пользуются Академической картотекой.

Всемерное обогащение ее следует рассматривать как важное дело государственно-общественного значения», — писал ученый в «Пособии по выборкам» (1972). В начале 70-х годов Словарный сектор приступил к созданию нового академического словаря русского языка (см.: Русская речь. 1970. № 5). А. М. Бабкин подготовил Проспект нового академического словаря (1971), в котором подчеркивал, что этот словарь не должен повторять существующие толковые — Словарь Ушакова, 17-томный и 4-томный. Необходимо, писал Александр Михайлович, учесть традиции русской лексикографии, пересматривая и обновляя их. Вместе с тем следует помнить, что любой словарь русского языка должен быть активным научным пособием по культуре речи. В Проспекте рассмотрены самые существенные вопросы: хронологические границы словаря, объем и состав слов, их толкование, композиция издания, нормативность и др. А. М. Бабкин считал целесообразным в этом словаре отделить лексику от фразеологии, отведя последней отдельные тома в общем корпусе академического словаря. В 1972 году Проспект нового академического словаря русского языка был рассмотрен на расширенном заседании Ученого совета и получил одобрение и поддержку. В его обсуждении приняли участие языковеды, преподаватели вузов, писатели,

журналисты, работники издательств.

В 60—70-е годы значительную часть своего времени А. М. Бабкин уделял изучению фразеологии русского языка. В декабре 1961 года в Ленинграде состоялось Всесоюзное совещание, посвященное проблемам фразеологии и задачам составления академического фразеологического словаря русского языка. А. М. Бабкин выступил с докладом «Фразеологизмы русского языка и задачи академического словаря русской фразеологии», в котором сообщил о типе задуманного им словаря. По материалам совещания под редакцией А. М. Бабкина был издан теоретический сборник статей «Проблемы фразеологии. Исследования и материалы» (1964). В том же году он опубликовал проект фразеологического словаря «Лексикографическая разработка русской фразеологии», а в 1968-м защитил докторскую диссертацию на тему «Русская фразеология, ее развитие, источники и лексикографическая разработка». Через два года из печати вышла монография А. М. Бабкина «Русская фразеология. Ее развитие и источники». С 1973 по 1978 год Александр Михайлович руководил коллективом сотрудников Словарного сектора, подготовившим Словарь русской фразеологии.

А. М. Бабкин написал и отредактировал свыше ста работ

по разным вопросам языкознания. Среди них особое место занимают исследования, посвященные лексике и фразеологии современного русского литературного языка. Инициативе Александра Михайловича советская лексикография обязана появлением совершенно новых по замыслу и актуальных по назначению словарей: «Словаря названий жителей РСФСР» (под редакцией А. М. Бабкина. 1964), «Словаря названий жителей СССР» (под редакцией А. М. Бабкина и Е. А. Левашова. 1975) и «Словаря иноязычных выражений и слов, употребляющихся в русском языке без перевода» А. М. Бабкина и В. В. Шендцова (в 2 т. 1-е изд. 1966; 2-е изд. 1981. Т. 1; 1987. Т. 2). Эти словари получили высокую оценку советских и зарубежных читателей. А. М. Бабкин был одним из авторитетных советских специалистов в области двуязычной лексикографии; он постоянно консультировал подготовку русско-национальных и национально-русских словарей. Ученый был приглашен Чехословацкой АН в качестве главного консультанта русской части Большого чешско-русского словаря.

А. М. Бабкин был членом комиссии по лексикологии и лексикографии при Международном комитете славистов, активно участвовал в работе Научного совета по лексикологии и лексикографии при Отделении

литературы и языка АН СССР, выступал на республиканских и всесоюзных научных конференциях и совещаниях, состоял членом ученых советов и редакционных коллегий, работал в составе постоянной Комиссии по наименованию и переименованию улиц и других топонимических объектов Ленинграда и Ленинградской области.

Будучи крупным специалистом в области русского языка, прекрасно зная древнюю и новую историю, русскую и советскую литературу, он щедро делился своими знаниями с окружающими: читал лекции в различных аудиториях по циклу «Правильность и чистота русской речи», выступал в передачах по радио («В мире слов») и по Центральному телевидению («Русская речь»), публиковал научно-популярные статьи о русском языке в журнале «Русская речь» и других периодических изданиях. Все, кому довелось слышать выступления Александра Михайловича, получали истинное наслаждение от его речи. Он умело использовал все богатство русского языка — пословицы, поговорки, крылатые слова, фразеологизмы и т. п.

Учитель не может жить без учеников. А. М. Бабкин постоянно вел работу по повышению квалификации работников высшей и средней школы. Среди многочисленных учеников Александра Михайловича, работающих в Советском Союзе и за его пределами, — доктора и кандидаты наук, преподаватели, научные работники, старшие и младшие научные сотрудники.

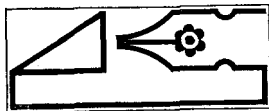
А. М. Бабкин ушел из жизни на 80-м году (15 октября 1986 г.), полный творческих планов и замыслов. Несмотря на тяжелую болезнь, до последних минут жизни он совершенствовал коллективный труд — Словарь русской фразеологии, пополняя его новыми фразеологизмами, новыми иллюстративными цитатами, подготавливал к изданию Словарь устарелых слов и другие справочники. Работы А. М. Бабкина имеют бесспорное влияние на развитие отечественной лексикографии нашего времени и хорошо известны за рубежом. В истории русской лексикографии А. М. Бабкин навсегда останется одним из весьма заметных советских исследователей.

Ленинград

Рисунок С. Жагина

Речь городских слоев у Н. В. Гоголя

Е. Е. Дмитриева

В 40-е годы XIX века Н. В. Гоголь — один из самых ярких представителей критического реализма. В повестях своего петербургского цикла он раздвинул границы языка художественной литературы, включив в него живую народную речь, в том числе такие ее лексические средства, как диалектизмы, слова бытового крестьянского обихода, городское просторечие, профессионализмы.

Место действия гоголевских повестей «Невский проспект», «Нос», «Портрет», «Шинель», «Записки сумасшедшего» — Петербург. Естественно, что в языке этих произведений нашла отражение фамильярно-бытовая речь городского населения. Стили городского просторечия соприкасались и смешивались с канцелярской, официально-деловой речью, поскольку главные герои «Носа», «Шинели», «Записок сумасшедшего» — чиновники. Их речь часто используется Гоголем для социальной характеристики персонажей. Здесь мы найдем официальные формулы делового языка: *предупреждаю вас, подать просьбу в канцелярию, никаких совершенно ресурсов, взять к сведению, событие имеющее быть завтра* и т. п.

Например, в повести «Записки сумасшедшего» мелкий чиновник Поприщин так говорит о директоре департамента: «...А! так он честолобец! Это нужно взять к сведению» (Ср. в «Ревизоре» в речи городничего: *секретное предписание, уведомить, подведомственные заведения, входящее и исходящее, уполномоченная особа* и т. д. Городничий: «(...) Я вас, господа *предупредил*. Смотрите! по своей части я кое-какие распоряженья сделал, советую и вам. Особенно вам, Артемий Филиппович! Без сомнения, проезжающий чиновник захочет прежде всего осмотреть *подведомственные* вам *богоугодные заведения*...»)

В повестях множество слов и словосочетаний, указывающих на принадлежность героев к миру чиновников: *департамент, канцелярия, столоначальник, начальник отделения* и т. д. Например, в повести «Шинель»: «Что вы, милостивый государь, — продолжал он [генерал] отрывисто, — не знаете порядка? (...) Об этом вы бы

должны были прежде подать просьбу в канцелярию; она пошла бы к столоначальнику, к начальнику отделения, потом передана была бы секретарю, а секретарь доставил бы ее уже мне...»

В речи персонажей — чиновников представлены и элементы «должностного просторечия». Так, в «Записках сумасшедшего», где повествование ведется от лица Поприщина, находим целый ряд микротекстов, опорными единицами которых являются устойчивые выражения, выполняющие характеризующую функцию. Например: «С виду такой тихенький, говорит так деликатно (...), а там обчистит так, что только одну рубашку оставит на просителя»; «Да чтоб я не получил жалованья!»

Эти речевые средства обнаруживаем и в авторском повествовании, ибо Гоголь, как и другие писатели «натуральной школы», вводил читателя в быт и миропонимание изображаемой среды, воспроизводя ее речевой стиль. В результате не только речь действующих лиц, но и язык автора повестей воспринимаются как бы выхваченными из живой действительности. В повести «Невский проспект» читаем: «...они большею частию служат в разных департаментах, многие из них превосходным образом могут написать отношение из одного казенного места в другое»; «...титულлярные и надворные советники идут скоро (...) в их голове ералаш и целый архив начатых и неоконченных дел». Или в повести «Нос»: «Майор Ковалев приехал в Петербург по надобности, а именно искать приличного своему званию места»; «Он решился отнестись прямо в Газетную экспедицию и заблаговременно сделать публикацию с обстоятельным описанием всех качеств, дабы всякий, встретивший его, мог в ту же минуту его представить к нему или по крайней мере дать знать о месте пребывания».

В авторское повествование Гоголь включал и официально-деловой стиль, и элементы фамильярно-бытовой речи чиновников. Например, в повести «Шинель»: «В жизнь свою он не был еще так сильно распечен генералом, да еще и чужим». В «Толковом словаре» В. И. Даля данное значение этого глагола отмечено как переносное: «распекать кого — дать головомойку, сильно выговорить кому», указано и однокоренное с ним существительное *распекание*, которое тоже использовано Гоголем: «И с этих пор почти всякий день представлялся ему [значительному лицу] бледный Акакий Акакиевич, не выдержавший должностного *распеканья*» (Ср. в пьесе «Ревизор» сцену, в которой городничий допытывается у Осипа, слуги Хлестакова: «Ну, что, друг, как твой барин?.. строг? любит этак *распекать* или нет?»)

Официально-деловой язык часто служит для сатирического или иронического показа характерных черт изображаемой дейст-

вительности. Так, повесть «Невский проспект» начинается с патетико-иронического описания «этой улицы» — «красавицы нашей столицы». Но здесь нет, в отличие от произведений Ф. М. Достоевского, описания домов, самого проспекта. Гоголь показывает массы людей различных социальных групп, применяя свой излюбленный прием метонимизации (описаны не магазины на Невском проспекте, но их содержатели, не департаменты, а чиновники, не известные строения Петербурга, а те, кто населяют эти дома). Ни один из гуляющих по Невскому проспекту не выявляет какого-либо своего, человеческого качества, все демонстрируют вещи или чисто внешние признаки. Таким образом, Невский проспект — это олицетворение Петербурга, столичной жизни, где важен только чин. Он определяет все: положение в обществе, поведение человека, отношение к нему окружающих. Показное уничтожает истинную ценность личности, поэтому в описании Невского проспекта столь велик удельный вес слов, обозначающих должность: «Молодые *губернские регистраторы, губернские и коллежские секретари* очень долго прохаживаются; но старые *коллежские регистраторы, титулярные и надворные советники* большею частию сидят дома (...)»

Этот стилистический прием характерен для всех повестей петербургского цикла. Представляя читателю героя, автор обязательно указывает его чин. Например: «Что касается до чина (ибо у нас прежде всего нужно объявить чин), то он был *тѣ, что называют вечный титулярный советник*» (Шинель); «Стой! — закричал в это время *поручик Пирогов*» (Невский проспект); «*Коллежский асессор* Ковалев проснулся довольно рано» (Нос); «Отчего я *титулярный советник* и с какой стати я титулярный советник?» (Записки сумасшедшего).

При изображении значительного лица в повести «Шинель» Гоголь, не указывая его должность, создает собирательный образ высокопоставленного чиновника: «Нечего делать, Акакий Акакиевич решил идти к *значительному лицу*. Какая именно и в чем состояла должность *значительного лица*, это осталось до сих пор неизвестным. Нужно знать, что *одно значительное лицо* недавно сделался значительным лицом, а до того времени он был незначительным лицом. Впрочем, место его и теперь не почиталось значительным в сравнении с другими, еще значительнейшими. Но всегда найдется такой круг людей, для которых незначительное в глазах прочих есть уже значительное. Впрочем, он старался усилить значительность многими другими средствами (...)»

Вероятно, словосочетание *значительное лицо* в указанном значении было понятно всем носителям языка середины XIX века,

кто имел дело с *департаментами, канцеляриями* и т. п. Ироническая интонация в приведенном отрывке создается с помощью пространных авторских рассуждений, путем обыгрывания однокоренных слов *значительный, незначительный, значительность*.

Подчас канцеляризмы служат Гоголю средством создания калямбуров. Например, в «Шинели»: «Так протекала мирная жизнь человека, который (...) умел быть довольным своим жребием, и дотекла бы, может быть, до глубокой старости, если бы не было разных бедствий, рассыпанных на жизненной дороге не только титулярным, но даже тайным, действительным, надворным и всяким советникам, даже и тем, которые не дают никому советов, ни от кого не берут их сами».

В этом фрагменте устойчивое словосочетание *титулярный советник* разлагается на две единицы, и к опорному слову (*советник*) присоединяются различные определения: *титулярный, тайный, действительный* вплоть до обобщающего *всяким советникам* — вовсе необычное словосочетание (Ср. в повести «Невский проспект»: «Голодные титулярные, надворные и прочие советники стараются всеми силами ускорить свой ход»).

Профессиональная и терминологическая лексика используется Гоголем и при описании персонажей другой социальной группы: художников Чарткова (Портрет) и Пискарева (Невский проспект). Как отмечают исследователи гоголевского творчества, изображение Пискарева в значительной степени связано с романтической литературной традицией. В рассказе о Пискареве чрезвычайно невелик удельный вес профессиональной и терминологической лексики художников. Гоголь использует эту лексику в повести «Невский проспект» лишь несколько раз для указания на какие-либо бытовые детали жизни художника: «Он рисует перспективу своей комнаты, в которой является всякий художественный вздор: гипсовые руки и ноги, сделавшиеся кофейными от времени и пыли, изломанные *живописные станки*, опрокинутая палитра, приятель, играющий на гитаре, стены, запачканные красками (...) У них всегда почти на всем серенький мутный *коло-рит* — неизгладимая печать севера».

И напротив, эта лексика широко представлена в языке повести «Портрет» (особенно во второй ее редакции), в которой решаются важные для Гоголя и его времени вопросы о роли искусства и задачах художника, при этом значительная часть ее использована в авторском повествовании. Академик В. В. Виноградов в своей работе «Язык Гоголя и его значение в истории русского языка» отмечал, что «меткое и уместное использование слов и выражений самой изображаемой среды придавало повествованию необыкновенную красочность и остроту. Стиль автора

расцветивался экспрессивными оттенками речи, типичными для воспроизводимого мира, который выступал вследствие этого в ярком и вместе с тем как бы двойном освещении».

Гоголь свободно и умело обращается с терминами из мира искусства при описании быта и жизни художника, своего героя. Вводит в повествование такие профессионализмы, как *станок* — приспособление для укрепления холста, установки каркаса, скульптурного материала при работе над картиной, скульптурой («...в одно мгновенье придвинул он *станок* с готовым холстом, взял в руки палитру»); *подмалевка* (то же, что подмалевок) — подготовительная работа над картиной, при которой обычно в одном тоне прорабатываются светотень, объем изображаемых предметов и т. п. («Чартков принялся за дело, усадил оригинал (...), взглянул издали, и в один час начал и кончил *подмалевку*»); *эскиз* — предварительный набросок рисунка, картины или часть ее; *эскизно* — в виде эскиза («...отыскал у себя где-то заброшенную головку Психеи, которую когда-то давно и *эскизно* набросал на полотно»).

Среди профессионализмов, употребляемых Гоголем, можно выделить:

глаголы, обозначающие действие, направленное на объект (*набросал головку Психеи; принялся проходить полотно; ловил всякий оттенок, легкую желтизну; готовился схватить небольшой прыщик*) или субъект (*пятнышки и желтизна разыгрываются хорошо*);

глаголы в сочетании с существительными, приобретающие в данном контексте особое выразительное значение (*рука расходилась, погрузился он в кисть, кисть хладела и тупела*);

имена существительные со значением оценки при другом существительном, требующем качественной характеристики (*ловкость и бойкость кисти, яркость и свежесть кисти, легкость и блеск кисти, легкий тон*).

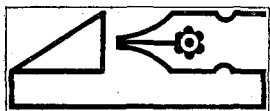
Для стиля повестей петербургского цикла, как для творческого метода Н. В. Гоголя вообще, характерно изображение жизни социальной среды как бы изнутри, в свете ее социально-стилевых навыков. Этим достигались экспрессивно-стилистическое многообразие и сатирический пафос повествования.

Ленинград

«Вот это да!»

Междометные высказывания в речи

И. А. Блохина

Вот это да!, Вот так так!, Ой ли? Еще бы!, Ну и ну! — подобные восклицания постоянно встречаются в нашей обиходной речи. С их помощью выражается отношение, оценка речи собесед-

ника или его самого. Пользуются говорящие такими восклицаниями в неофициальной обстановке общения. С легкостью употребляя в обиходной сфере междометия, мы, несомненно, понимаем, что они значат, но если попробуем их истолковать, то встретим затруднения. Действительно, что же означают такие выражения, как *Надо же!*, *Ничего себе!*, *Вот тебе и раз!*, *Как бы не так!*, какова их языковая природа?

Вот как оценивается употребление междометий в художественных текстах: «...когда речь заходила о конкретном человеке, солдате, офицере ли или о каком-нибудь румынском или венгерском населенном пункте, Точка скромно умолкал, не перебивал Федора, лишь изредка ронял неопределенное: „Ну да“, „А как же!“, „Хорошо помню!“, „Еще бы!“, — и подобные словесные туманности, с тем лишь, чтобы как-то поддерживать разошедшегося не на шутку фронтовика — так обычно люди поддерживают костер, изредка подбрасывая в него сухие ветки» (М. Алексеев. Ивушка неплакучая). Ясно, что в этом случае говорящий с помощью междометных восклицаний *Ну да!*, *А как же!*, *Еще бы!* экспрессивно подтверждает то, что слышит, поддерживает собеседника, подкрепляет контакт общения. В другом месте этого произведения роль междометий передается так: «Минутой позже, узнав Сергея, не соизмеряя своих сил, они трясали за плечи, толкали с обеих сторон в бока, словно испытывали на прочность его ребра... Свои действия Шпич и Апрель сопровождали обычными в таких случаях междометиями: — Ну и ну! — Эх, паря! — Скажи на милость! — Вот это да!» — здесь с помощью междометий выражается, по всей видимости, радостное удивление при встрече друга.

Таким образом, в конкретной ситуации непосредственного общения междометные восклицания передают разнообразную эмоциональную информацию. Необходимость поддержания контакта,

внимания и понимания, сопереживания и сочувствия и т. д. легко проверить в телефонном разговоре. Попробуйте перестать подавать междометные сигналы *Да, Так-так* своему собеседнику, и он тотчас начнет устанавливать с вами связь: «Алло! Ты меня слышишь? Ты что молчишь? Нас не прервали?»

В русском языке существует несколько групп междометий. Остановимся на наиболее интересной, с нашей точки зрения, группе, которая представляет собой целостные нерасчлененные высказывания. Они «живут», как правило, в диалоге, занимая место первой или, чаще, второй реплики. В начальных репликах используются, например, междометия-призывы, подобные обращениям: «Чайник стоял под столиком Риммы Павловны, Зоя достала его, тут как раз вышел из каморки Просвирыняк.— Эй!— сказала ему Зоя.— Принеси-ка водички, чайку поьем» (Рощин. Шура и Просвирыняк); «— Валентин! Кончай!.. Парень обернулся на приказ. Алексей, не зная, что сказать (парень ему понравился), пошел по пахучей щепе.— Слышь, друг!— Позвал его парень.— Я правду говорю ... Алё!» (Лиходеев. Сентиментальная история).

Ясно, что *Эй!, Алё!*— грубые, просторечные призывы, которые не могут быть рекомендованы к употреблению в правильной, нормированной речи, но играют в художественном тексте роль характеристики персонажа, нередко степени его образованности, его взаимоотношений с тем, кому предназначаются подобные реплики и т. д.

Чаще междометные высказывания употребляются в ответных репликах обиходного диалога: «— Плохо ты сказала Егорову ... Тогда-то ... Помнишь?— Ты это о броне, что ли?— То-то вот и оно. — И снова вздыхал. Снова мучительно думал» (Тропольский. Кандидат наук); «— Талант?— задумчиво спросил Вася.— Но он мне совсем не нужен.— Не скажи! Ты ведь на биологический?» (Каверин. Верлиока).

Междометные высказывания позволяют собеседникам участвовать в беседе, почти не прерывая речи партнера и выражая свою реакцию — согласие, несогласие, возражение, сомнение и т. п.: *Ага; Ну уж скажешь!; Не скажи!; А как же!* В этом смысле их роль в какой-то мере сходна с ролью мимики и жестов, то есть тех важных средств общения, которые не имеют словесного выражения. Ведь во время разговора с человеком мы стараемся «прочитать» жесты нашего собеседника, которые убеждают нас в том, что партнер слушает, соглашается или не соглашается. Утвердительно или отрицательно кивнуть головой, пожать плечами, развести руками, недоверчиво сощуриться, лукаво подмиг-

нута, нахмурить брови и мн. др. — демонстрируют отношение к сообщению говорящего, к нему самому или ко всей ситуации. Подобно этому междометные высказывания позволяют кратко и эмоционально выразить множество смысловых оттенков согласия и удивления, возмущения и восхищения, возражения и удовлетворения и т. д. И, конечно же, огромную роль здесь играет интонация, которая нередко может изменять смысл междометия вплоть до противоположного. Так, высказывание *Вот это да!*, снабженное одной интонацией, будет означать: «я восхищаюсь», а другой — «я возмущаюсь». Таким образом, ситуация общения, широкий контекст, интонация проясняют значение того или иного междометного высказывания.

И все-таки остается вопрос: как же в каждом конкретном случае выявить значение междометия? На наш взгляд, для этого необходимо прежде всего определить их самую общую грамматическую и семантическую (смысловую) природу. Ученые-языковеды обратили внимание на то, что существует класс глаголов, которые, будучи произнесенными в форме первого лица изъявительного наклонения настоящего времени, и есть само это названное действие: *клянусь, обещаю, благодарю, приветствую, требую* и др. В самом деле, если для исполнения действия, например, «рубить», нам нужен топор и физическая сила и совсем не нужна речь, то для исполнения действия «благодарить» нам нужно произнесение слова *благодарю*; для совершения действия приветствия — *приветствую вас!*; просьбы — *прошу вас (сделать это)*. Таким образом, классическими высказываниями, равными речевому действию, выступают прежде всего такие, которые образованы глаголами со значением речи, нередко при этом выражая намерение, цель говорящего: *попросить, поблагодарить, посоветовать, предупредить, пообещать, извиниться, похвалить, возразить* и мн. др.: «В последний раз предупреждаю вас!»; «Обещаю вам это!»; «Советую вам изменить формулировку!»

Однако обращает на себя внимание то, что смысл таких высказываний — «речь равна действию» — воплощается не только в глагольных, но и в других формах. Ведь можно сказать: *Благодарю вас!*, а можно: *Спасибо!*; можно сказать: *Приветствую вас!*, а можно: *Здравствуйте!* или *Привет!*; *Прошу прощения* или *Виноват*, или *Я хотел бы извиниться перед вами* (здесь глагол не в форме настоящего времени). И все это высказывания, равные речевому действию. Следовательно, формы выражения высказываний-действий могут быть разными.

Можно сделать предположение, что таким же образом ведут себя в текстах общения и междометные восклицания — своеобраз-

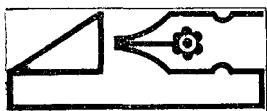
ные свернутые эмоционально-экспрессивные высказывания, способные передавать речевые действия восхищения, удивления, недоверия, возражения, огорчения, понимания, согласия и т. д. Следовательно, в истолковании междометных восклицаний нам поможет глагольное высказывание-действие. Сравним такие употребления: «Вдруг прошаркала, щурясь от света, Людмила в шлепанцах, в длинной ночной рубашке и спросила: — Откуда дым? — Жгу свои произведения, — сказал Антипов. — А! — сказала сестра и села к столу» (Трифонов. *Время и место*); «...Я вообще просто-напросто люблю свое дело! А успехи ... Мне нравится моя работа, вот именно такая и никакая другая! — Понимаю ... — закивал Сергей Павлович» (Мамакин. *Тяговое плечо*).

Как видим, в обоих примерах в ответной реплике диалога выражается одно и то же или сходное намерение говорящего — его понимание сказанного партнером, но в первом случае с помощью междометия А!, а во втором — глагола *понимаю*. Междометные высказывания А!, А-а-а применяются преимущественно в тех ситуациях, где понимание достигается в результате уточнения, нередко после вопросительной реплики, и может истолковываться как «теперь понимаю», «после разъяснения понимаю». Еще примеры других междометных восклицаний: «— Слушай, — сказал Тойвс, — чего ты от меня хочешь? — Гриша замолчал. — Действительно, — проговорил он. — Чего это я от тебя хочу? Не знаю. — А я знаю. Ты хочешь, чтобы все было хорошо и с каждым днем все лучше. — О! — Гриша поднял палец» (Стругацкий А., Стругацкий Б. *Волны гасят ветер*) — междометие О! выражает подтверждение правоты собеседника с оттенком одобрения и может быть объяснено так: «я подтверждаю свою правоту (с удовольствием)»; «— Мясорубку я возьму, — сказала Ольга Анисимовна. — Еще чего! — Нет, мясорубку возьму непременно» (Трифонов. *Время и место*) — *еще чего!* означает решительное несогласие со словами или действиями собеседника и выражается глагольным высказыванием «я возражаю (решительно)».

Как свидетельствует анализ приведенных примеров, междометное высказывание-действие отличается от синонимичного глагольного эмоционально-экспрессивным зарядом, с одной стороны, и разговорной тональностью — с другой: *подтверждаю* (с удовольствием), *возражаю* (решительно). Экспрессивность делает междометия выразительным средством языка, уместным в разговорных контекстах. Можно сделать такой общий вывод: характер смыслов, заложенных в междометных высказываниях и проявляющихся в общении, несет важные сведения об отношении говорящего к предметному миру, к собеседнику и сообщаемой информации.

Термин «община»: история и современность

М. А. Булавина

В советском языкознании в последние годы возрос интерес к проблемам терминологии. Несмотря на актуальность исследований терминологической системы в целом, из поля зрения лингвиста

не должен уходить и анализ отдельных слов, имеющих свою судьбу, свой путь в истории языка. Нередко термин вызывает ассоциации с определенными этапами развития отечественной культуры, служит символом эпохи. Показательно в этом отношении слово *община*, известное русскому языку с древних времен.

Исторические словари раскрывают начальный, нетерминологический, период в истории этого слова: заимствованное из церковнославянского вместо исконно русского *обчий*, *обчина*, слово *община* начиная с XI века употребляется в русском языке в самом общем значении «соединение, союз, общество» (см.: Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка). В последующие столетия наблюдается постепенное сужение значения, не приводящее, однако, еще к терминологизации слова — «общее владение, имущество» (Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 12. М., 1987; Материалы для терминологического словаря древней России/Сост. Г. Е. Кочин. М.—Л., 1937), «то, что принадлежит многим, складчина» (Словарь Академии Российской, 1822 г.). Некоторые попытки представить данное слово как экономический термин делаются в середине XIX века в «Словаре церковнославянского и русского языка» 1847 г., а затем в Толковом словаре В. И. Даля: «Соединение нескольких волостей или деревень под одним управлением», «общество, как нечто отдельное и цельное, приход, волость или население, состоящее под общим управлением».

Только с распространением идей утопического социализма начинается широкое употребление термина *община* в русском литературном языке. Такую внеязыковую подробность необходимо учитывать, поскольку она позволяет предположить, что рождение социально-экономического термина *община* в русском языке было связано не с семантическим развитием древнерусского, рус-

ско-церковнославянского слова, а с калькированием иноязычных терминов — французского *commune*, немецкого *Gemeinde* «община», получивших широкое распространение в произведениях западноевропейских представителей утопического социализма. Отнюдь не случайным представляется и высказывание Герцена: «Европа, не ведавшая этой общины или потерявшая ее в превратностях прошедших веков, поняла ее, а Россия, обладавшая ею в течение тысячи лет, не понимала ее, пока Европа не пришла сказать ей, какое сокровище скрывала та в своем лоне. Славянскую общину начали ценить, когда стал распространяться социализм [утопический.— М. Б.]» (Герцен А. И. О развитии революционных идей в России // Собр. соч.: В 30 т. М., 1956. Т. 7. С. 242–243).

Проводниками новой теории в России были А. И. Герцен, Н. П. Огарев, Н. Г. Чернышевский. В их публицистических произведениях данное слово, выражающее центральное понятие этой теории, получило не только «агрикультурное» и «бытовое» (см.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 17. С. 81), но и политико-экономическое, философско-революционное определение. А. И. Герцен, как проповедник идей крестьянского социализма и революционер, увидел в общине единственно возможную административно-экономическую единицу будущего строя, поскольку основной чертой общины являлась уравнительность землепользования, воспринимавшаяся как фундамент для развития социалистических отношений: «Сохранить общину и освободить личность, распространить сельское и волостное *self-government* [самоуправление] на города, на государство в целом, поддерживая при этом национальное единство, развить частные права и сохранить неделимость земли — вот основной вопрос русской революции — тот самый, что и вопрос о великом социальном освобождении, несовершенные решения которого так волнуют западные умы» (Герцен А. И. Старый мир и Россия // Указ. соч. М., 1957. Т. 12. С. 189–190).

В статьях Н. Г. Чернышевского на социально-политические темы значение термина *община* дополняется существенными для социалистов-утопистов элементами — община ошибочно трактуется как организация, способная предотвратить развитие капитализма в России: «...и нельзя не согласиться с ним, что благодетельный принцип общинного владения, который ограждает нас от страшной язвы пролетариата в сельском населении» (Чернышевский Н. Г. Исследования о внутренних отношениях народной жизни... // Полное собрание сочинений. М., 1947. Т. 4. С. 331).

Революционеры-народники 70–80-х годов, вдохновленные идеями революционеров-демократов, конкретизировали некоторые теоретические положения утопического социализма. Поэтому и слово

община в их публицистике приобрело новые смысловые оттенки — «составная часть экономической и политической системы будущего строя», «демократическая организация, построенная на народной солидарности», «средство развития творческих способностей народа»: «Развить нашу общину в смысле общинной обработки земли и общинного пользования ее продуктами, сделать из мирской сходки основной политический элемент русского общественного строя, поглотить в общинной собственности¹ частную, дать крестьянству то образование и то понимание его общественных потребностей, без которого оно никогда не сумеет воспользоваться своими легальными правами, как бы они широки ни были, и никак не выйдет из-под эксплуатации меньшинства, даже в случае самого удачного переворота — вот специально русские цели, которым должен содействовать всякий русский, желающий прогресса своему отечеству» (Лавров П. Л. Вперед! — наша программа // Революционное народничество 70-х годов XIX века. Сборник документов и материалов в двух томах. М., 1964. Т. 1. С. 27).

Такое понимание и толкование термина *община* не было, конечно, строго научным (незнание законов исторического материализма, эклектика философской концепции мешали целостному представлению об этой форме объединения крестьян), но некоторые существенные стороны данного явления были отмечены, что, безусловно, повлияло на формирование терминологического значения данного слова.

Однако закрепление указанных смысловых оттенков в русском литературном языке шло сложно. Дело в том, что полные революционного пафоса публицистические произведения А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского, народников издавались либо за рубежом, либо подпольно. Официозная пресса делала все, чтобы затемнить истинный смысл многих «революционных» слов. Это в полной мере относится и к слову *община*, которое за тридцать лет (с 70-х по 90-е годы) дважды «меняло» свое лексическое значение, социальную оценочность. Вот примеры из печати того времени: «Под общиной понимается вовсе не то, что имеют в виду народники (экспроприация орудий производства у частных владельцев и обобществление их, развитие самоуправления и ослабление функций центральной власти и т. д.) Главное, что можно закрепить в народе при общинном устройстве, — «дух братства, покорности власти и глубокой преданности церкви Христовой» (Русская мысль. 1880. № 2); «...жизнь, в силу неопровержимого закона борьбы за существование, избрала неприспособленную к этой борьбе общину поприщем своих страстей, зави-

сти, лени и бесправия, причем подчинение слабого сильному тем легче и страшнее, чем менее слабый был огражден от тяжкого насилия законом» (Из всеподданнейшего отчета петербургского губернатора о необходимости уничтожения общины в виду отрицательного ее влияния на крестьянство [1904 г.] // Сидельников С. М. Аграрная реформа Столыпина. М., 1973).

Истинное, строго научное определение термину *община* было дано только В. И. Лениным. В работах по аграрному вопросу он показал как несостоятельность теории общинного социализма, выявив ее мелкобуржуазную сущность, так и беспринципность и продажность официозных изданий, навязывающих тенденциозные толкования слов языку: «Пресловутая община, о значении которой нам еще придется говорить, не оберегая крестьянина от пролетаризации, на деле играет роль средневековой перегородки, разобщающей крестьян, точно прикованных к мелким союзам и к потерявшим всякий „смысл существования“ разрядам» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 17. С. 65).

В годы Советской власти в результате сплошной коллективизации община как союз крестьян-единоличников была уничтожена. Поэтому в современном русском языке слово в данном значении стало историзмом. Однако в более широком смысле — «общество, организация» (Ожегов С. И. Словарь русского языка), «добровольное объединение для совместной деятельности; братство, содружество» (17-томный Словарь) — оно остается широко употребительным, особенно в периодической печати. В современной речи слово имеет двойное ударение: *община* и *община*. Его можно часто встретить в газетных публикациях, посвященных социальным проблемам в разных странах: «Раньше английские колонизаторы, да и теперь многие на Западе пытаются представить кипрскую проблему как результат непреодолимой национальной вражды, якобы существующей между турецкой и греческой общинами» (Известия. 1986. 30 дек.); «...участие в организации дакарской встречи между делегацией Африканского национального конгресса Южной Африки и представителей белой общины» (Правда. 1987. 28 июля).

Таким образом, слово *община*, имея богатую и своеобразную историю, на всех этапах своего существования отличалось острым социальным звучанием. И сейчас, являясь частью общественно-политического словаря, оно служит характеристикой нашего времени — эпохи пробуждения общественной активности стран с различным уровнем экономического развития.

В. В. Иванов, Н. Г. Михайловская, В. М. Панькин.

ЯЗЫК ВЕЛИКОГО БРАТСТВА

Есть книги, появление которых удивительно своевременно, ибо отвечает насущной социальной потребности. В нашей стране идет активная перестройка всех сторон бытия, и в этом процессе огромна роль духовной культуры, орудие которой — язык. Знать о нем как можно больше, постичь закономерности его развития, посмотреть на роль языка в обществе широким социальным взглядом — естественное стремление советских людей. Об этом говорит и редакционная почта: «Хотелось бы узнать, какие процессы происходят в современном русском языке» (В. Д. Сальников, г. Воронеж). «А как взаимодействуют языки в нашей стране? Влияют ли национальные языки на русский и наоборот?» (А. П. Воробьев, г. Лыткарино).

Откликом на эту общественную потребность, ответом на многочисленные вопросы такого рода и стала книга «Язык великого братства» В. В. Иванова, Н. Г. Михайловской, В. М. Панькина («Знание», М., 1986).

Изучение русского языка, добровольно принятого народами нашей страны средством межнационального общения, — стало характерной чертой социалистического образа жизни. Разобраться в сложнейших во-

просах взаимодействия языков, их влияния на общественную жизнь республик, на развитие интернационального сознания — сама по себе задача научно и граждански актуальная. Но она вдвойне актуальна сейчас, когда на XXVII съезде партии и на последующих Пленумах ЦК КПСС с особой силой была подчеркнута необходимость соблюдать требования ленинской национальной политики, всесторонне учитывать углубляющуюся интернационализацию хозяйственной и общественной жизни страны. В этих условиях проанализировать процессы взаимовлияния языков, показать роль русского языка в совместной деятельности многонациональных трудовых коллективов — значит всемерно содействовать воплощению в жизнь политики партии в области национальных отношений. Такую гражданскую роль и выполняет книга «Язык великого братства». В этом плане она не только научный, но и глубоко публицистический труд, побуждающий нас задуматься о важнейших реалиях нашей жизни.

Например, над проблемами, которые рождает билингвизм. Авторы возвращают нас к любимым страницам Ч. Айтматова, В. Быкова, Ю. Рытхэу, других

писателей, пишущих на родном и на русском языке. И убедительно доказывают, что билингвизм — не арифметика языков. Он обогащает творчество, оказывает влияние на художественное мышление, а стало быть — на духовную культуру нации. На многих страницах книги нас ждут открытия на пути от слова к национальному характеру, к его современному развитию — интереснейшему и динамичному процессу. Азербайджанец Имраи Касумов демонстрирует в своей публицистике, какую роль играет национальное художественное наследие в нашей повседневной жизни. Ю. Шесталов в русские слова вкладывает национальную образность: «Страница, как снег. Буквы, как следы. Чьи это следы? Нет, не зверя! Мысли ходили по странице».

Авторы идут к доказательствам от художественного текста, не подчиняя его механически законам лингвистики, не препарирруя, не расчлняя его. Ведь когда писатель творит, он не думает, какие будет использовать прилагательные, сколько напишет глаголов — ему надо выразить свою мысль, достучаться до наших сердец. Этой цели — и только ей! — подчиняет он языковые средства. Этот подход авторов к анализу языка наиболее убедителен и конструктивен.

В книге, которая посвящена теме, практически необъятной (русский и национальные языки!), крайне важна система отбора материала. Сам этот отбор несет в себе некую художественную концепцию.

Мы с увлечением следуем за авторским развитием мысли и от главы к главе убеждаемся, что взаимодействие слова, дружба и взаимообогащение языков — одно из самых ярких завоеваний революции: это по-

требность нашего нерушимого братства. В основе любой национальной культуры лежит глубокое знание родного языка. Но вот еще одна удивительная особенность нашего времени: с ростом национального самосознания растет естественная тяга к русскому, завещанная еще великими просветителями прошлого. Мы становимся свидетелями интереснейшего явления, которое называется интерференцией языков, и здесь нам снова авторы предлагают немало открытий. С детских лет знакомы каждому русскому человеку слова **пурга**, **арбуз**, **борщ**. Такие привычные русские слова! А нет — заимствованны, но прижились, обрели русские грамматические формы склонения. На таких доступных убедительных примерах сделан принципиальный научный вывод: заимствование лексики — не слабость, а сила языка. «Чтобы слово „привилось“, требуется особая гибкость и грамматической системы языка-преемника, и его стилистического потенциала... И в этом отношении русский язык обнаруживает свои неограниченные возможности» (стр. 81).

Одна из важнейших тем книги — истоки лингвистической культуры. Чуткие к процессам социолингвистики, авторы не могли обойти тему: школа и двуязычие. Мы знакомимся с интересной статистикой, с развитием языковой ситуации в нашем многонациональном государстве. Авторы разрабатывают такую важнейшую педагогическую проблему, как совершенствование преподавания языка, дают квалифицированные лингводидактические советы, анализируют мотивы изучения русского языка. В совокупности этот раздел книги несет отчетливую педагогиче-

скую концепцию. Она поможет учителям выверить свои методические приемы, учесть трудности, с которыми встречаются школьники, всмотреться в глубинные пласты родного и русского языков, понять, что овладение русским языком — это «пе-

овладение какой-либо разновидностью национального русского языка — это овладение русским литературным языком во всей совокупности его норм и требований».

Н. И. Целищева

Е. А. Левашов. СЛОВАРЬ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ ОТ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Употребление географических названий тесно связано с активной хозяйственной деятельностью человека, освоением им новых земель, расширением самого различного рода межнациональных связей и отношений. В последние десятилетия нашего века, в связи со значительным ростом потока информации, заметно активизировалось вхождение в русский язык иноязычных топонимов. Необычный фонетический облик многих из них вызывает определение рода затруднения при написании. Однако в этом случае пишущий всегда может рассчитывать на целый ряд имеющихся справочников географических названий.

Другого рода трудности возникают при образовании прилагательных от географических названий, причем не только от иноязычных, но и отечественных. Например, какое прилагательное от названия *Нерехты* будет более соответствовать литературной норме: *нерехтский*, *нерехтинский* или *нерехотский*? Как образовать прилагательное от слова *Архангельск*? Нужно ли сохранять мягкий знак в прилагательных от названий с конечным мягким согласным типа *Обоянь*, *Нахичевань* и т. д.? Как писать в этом случае — *обоянский*, *нахичеван-*

ский или *обояньский*, *нахичеваньский*? Каким будет прилагательное от таких, например, составных топонимов, как *Ростов-на-Дону*, *Павловский Посад*, *Гусь-Хрустальный* и т. д.?

С этим и множеством других подобных вопросов довольно часто приходится сталкиваться самому широкому кругу людей.

Поэтому так необходим и своевременен «Словарь прилагательных от географических названий», выпущенный в свет издательством «Русский язык» в 1986 году. Автором этого первого в русской лексикографической практике словаря-справочника оттопонимических прилагательных Е. А. Левашовым собрано около 13 000 прилагательных, образованных от отечественных и зарубежных географических названий. В хронологическом плане справочник опирается, в основном, на языковой материал литературного языка XIX–XX веков. Поэтому в него введены именно те прилагательные, которые в этот период находились в широком общественном употреблении.

По своему типу словарь не является толковым, так как все оттопонимические прилагательные имеют одно основное значение — «относящийся к... (такому-то месту, местности и т. д.)». Поэтому, по мнению

автора, «словарь предстает как словообразовательный: в нем сопоставляются лексические пары, связанные отношениями структурно-семантического предшествования (топоним как производящая основа) и следствия (оттопонимическое прилагательное как производное слово). Вместе с тем в необходимых случаях он показывает связи, основанные скорее на семантической, чем структурной соотносительности, — понятийные связи (*Узбекистан — узбекский*, *Франция — французский* и под.), поскольку они существуют в языке».

Словарь построен так, что заглавными словами в нем являются географические названия, при этом в него включены не только официальные топонимические наименования, но и те, которые распространены в речевом обиходе населения нашей страны (*Приазовье*, *Заир-тышье* и ряд других).

При каждом топониме дается одно или несколько (в зависимости от количества существующих в практике использования) оттопонимических прилагательных. Однако не все из представленных в справочнике прилагательных одинаково нормативны. Например, некоторые образования относятся к определенному стилю: либо к терри-

ториальным словам, либо к исторически устаревшей лексике. В этих случаях слова, ограниченные в употреблении, т. е. не отвечающие общелитературной норме, даются с соответствующими пометами: *Вяндра — вяндринский*; местн. *вяндра-ский*; *Гаити — гаитянский*; *гаитийский*; устар. *гаитский*.

Значительная часть прилагательных произведена от географических названий без каких-либо значительных изменений исходной, базовой основы топонима. Поэтому восстановление его первоначального облика может быть произведено с достаточно высокой степенью достоверности. Это обстоятельство в значительной мере облегчает пользование словарем. Трудные случаи образования прилагательных, в которых производящая основа претерпела значительные изменения, даны в Приложении: *валезанский* — от *Вале*, *знобский* — от *Знобь-Новгородское*, *франсийский* — от *Иль-де-Франс* и т. д.

Таким образом, в словаре можно найти ответ на многие конкретные вопросы, а само создание его — это большой научный вклад в целостное описание большого и тематически единого разряда русских слов.

Н. В. Новикова

Лермонтовская строка в Японии

Г. В. Хруслов

дной из особенностей японской русистики, насчитывающей уже несколько поколений квалифицированных специалистов, является большое внимание к переводам и исследованиям литературы — как советской, так и русской классической (подробнее см.: А. И. Мамонов. Русская литература в Японии. Конец XIX — начало XX в. — Русская речь, 1983, № 3).

К некоторым произведениям русских писателей неоднократно обращаются разные переводчики, их работы обсуждаются японской литературной общественностью. Предметом такого обсуждения послужил и перевод одного из последних стихотворений М. Ю. Лермонтова, написанного в 1841 году:

Выхожу один я на дорогу:
Сквозь туман кремнистый путь блестит...

Стихотворение представляет собой своеобразный лирический итог творчества поэта: «Не будучи символическим или аллегорическим, с мгновенной непосредственностью запечатлевая настроение и чувство в их «лирическом настоящем», оно тем не менее сплошь состоит из высокозначимых в лермонтовском мире эмблематичных слов, каждое из которых имеет долгую и изменчивую поэтическую историю» (Лермонтовская энциклопедия. М., 1981).

К таким «эмблематичным словам», тесно связанным с особенностями восприятия творчества русского писателя за рубежом, относятся слова *дорога* и *путь*.

В марте 1980 года в специальном выпуске журнала «Мадо» («Окно»), посвященном словарям русского языка, была опубликована заметка переводчика-русиста из Токио Одзава Масао «А ларчик просто открывался!» (заглавие дано японским автором по-русски).

Одзава Масао обращает внимание на то, что в переводе его предшественника, поэта и переводчика Накаяма Сёдзабуро (1904–1947) лермонтовская фраза «Выхожу один я на дорогу» передана как «Один в дорогу отправляюсь...» («Хитори табидзи-ни дэтэ мирэба...»), и задает вопрос, насколько правильно с чисто лингвистической точки зрения толковать русское слово *дорога* в данном контексте («выходить на дорогу») как японское слово *таби* («путешествие, поездка»), а не *миги* («дорога, путь»).

В различных лексикографических источниках (большой и малый академические словари — «Словарь русского литературного языка» в 17-ти томах, «Словарь русского языка» в 4-х томах, а также «Словарь русского языка» С. И. Ожегова, «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова и др.) отмечены следующие основные значения слова *дорога*: полоса земли, служащая для езды и ходьбы (синоним: путь); место, по которому надо пройти или проехать (синоним: проход); направление, путь следования; средство достижения цели (синонимы: маршрут, курс; жизненный путь); путешествие, поездка.

В первых трех значениях существительное *дорога* обладает высокой синтаксической сочетаемостью с предлогом *на*: *выйти* (несовершенный вид — *выходить*) *на дорогу*, *встать на дороге*, *стоять на дороге* (переносно: мешать, препятствовать), *быть на хорошей дороге* и др.

В значении «путешествие, поездка» со словом *дорога* употребляется предлог *в*: *собираться, отправиться в дорогу*; *читать, спать, отдохнуть, простудиться, заболеть, потеряться в дороге*. Однако в ряде случаев также может употребляться предлог *на*: *закусить, взять еды* (провиант) *на дорогу*; *деньги, время на дорогу*.

Большой академический словарь указывает на равноценность вариантов *в дорогу* и *на дорогу* со значениями: «перед отправлением в путь» и «для использования во время путешествия».

Словарь под редакцией Д. Н. Ушакова, отмечая у сочетания *на дорогу* указанные два значения, оставляет за сочетанием *в дорогу* только второе — «чтобы воспользоваться во время путешествия: *Взять в дорогу провиант*».

Следовательно, японский перевод слова *дорога* как *таби* ошибочно основан не на его первом значении (полоса земли, по которой ездят, ходят), с которым связана сочетаемость с предлогом *на* в контексте, а на четвертом значении (поездка, путешествие). Между тем именно для иллюстрации первого значения слова *дорога* в большом академическом словаре и слова *путь* в малом академическом словаре приведены эти строки М. Ю. Лер-

монтова. В правильном переводе, как считает Одзава Масао, необходимо передать номинативную часть фразы как *мити* — дорога в своем основном значении, т. е. *путь*.

Ошибочное истолкование этого стихотворения содержится также в переводе другого японского русиста Кимура Хироси (г. Йокогама), помещенном в 1969 году в пятом томе 24-томной серии «Полное собрание поэтов мира» (Пушкин, Лермонтов, Маяковский). У него первая строка передана как «Я один в дорогу отправляюсь» («Боку ва хитори-дэ таби-ни дэру»).

На это обратил внимание его однофамилец Кимура Такаси (г. Нагоя), также русист. В марте 1983 года в подготовительном номере журнала «Муза» (Общества по изучению русской и советской литературы), издаваемого Осацким институтом иностранных языков, Кимура Такаси опубликовал заметку «Сравнительное лингвокультуроведение. — Что послужило причиной недоразумения в японском переводе стихотворения М. Ю. Лермонтова „Выхожу один я на дорогу“?»

Кимура Такаси ссылается на лингвистический анализ, проведенный Одзава Масао, но считает, что есть основания еще раз вернуться к этому вопросу с точки зрения расхождения двух языковых культур. Здесь можно отметить следующие обстоятельства. Не случайно, что два японских переводчика восприняли зачин лермонтовского стихотворения как «Отправляюсь в путешествие» («таби-ни дэру»), а не «Выхожу на дорогу» («мити-ни дэру»). В японской языковой культуре первое выражение совершенно естественно, а второе — непривычно и воспринимается так же трудно, как в русском, например, фраза «Выхожу в дорогу».

Кимура Такаси делает вывод, что японский глагол *дэру*, употребленный для передачи русского *выйти*, *выходить*, подчеркивает действие, совершаемое в пункте отправления. Из многочисленных значений русского глагола *выйти* («уйти откуда-либо, оставить пределы чего-либо», «прийти куда-либо, оказаться где-либо; появиться, показаться» и др.) японскому глаголу ближе по смыслу то, которое свойственно русским выражениям *выходить в поход, на бой, на прогулку, на охоту, на добычу*.

Поэтому использование японскими переводчиками «привычных языковых средств (*дэру* как эквивалент *выходить*) актуализирует первое значение русского глагола (уйти откуда-либо) и, естественно, влечет за собой сочетаемость со словом *путешествие* («таби»), что не «накладывается» идентично на русский оригинал.

Кроме того, образ «путешествия» («таби») в японской историко-культурной традиции уже издавна, со времен поэтов Сайгэ

(XII в.) и Басё (XVII в.), связывается с паломничеством, скитаниями, буддийскими исканиями: «...Басё бродил по дорогам Японии, созерцая природу и размышляя об «истинном пути» (Григорьева Т., Логунова В. Японская литература. М., 1964).

Мотив странничества также является устойчивым в творчестве М. Ю. Лермонтова, как и в русской литературе вообще, неотделимым от мотивов одиночества, пути и др. Однако само по себе перенесение тех оттенков значения, которые имеют слова *путь*, *путешествие* в японской традиции, на образную систему русского поэта вряд ли правомерно.

Японскими исследователями справедливо отмечено сходство лирического «Я» лермонтовского стихотворения с Печориным в «Фаталисте», когда тот на ночной дороге под звездным небом размышляет о человеческой судьбе. Философские искания героя неотделимы от образа пути, многозначность которого возрастает в позднем творчестве М. Ю. Лермонтова.

Однако ни лермонтовский лирический герой, ни Печорин — не паломники и не последователи буддизма, для которых началом «пути» скорее является смерть. В целом такое мироощущение чуждо М. Ю. Лермонтову: «путь», «странствия» в его произведениях большей частью связаны с поисками именно жизненного пути.

Таким образом, при «пересадке» стихотворения М. Ю. Лермонтова на японскую почву проявляют себя национально-языковые и национально-культурные факторы его восприятия, по-прежнему оставляющие важной для современных японских переводчиков «задачу освоения с помощью перевода нового творческого метода, задачу разработки языковых средств, характерных для этого метода» (Н. И. Конрад. Запад и Восток. М., 1966).

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Иногда встречаю слово „мизантроп“, а что оно означает, непонятно».

Г. Никольский, *Андропов*

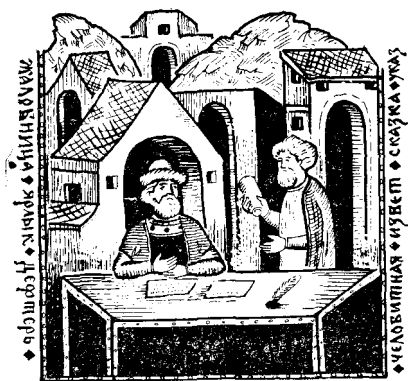
Мизантропия [гр. *misanthrōpia*] — ненависть к людям, отчуждение от них, человеконенавистничество. Таким образом, *мизантроп* — человеконенавистник.

Противоположное понятие — любовь к людям, к человечеству — обозначают слова *филантропия*, *филантроп*.

В статье «Сокровищница древних актов», опубликованной в «Русской речи» № 6 за 1987 год, речь шла о памятниках деловой письменности допетровской эпохи, которые хранятся в Центральном государственном архиве древних актов (ЦГАДА). В продолжение этой темы журнал рассказывает о других крупных древлехранилищах русских документов.

Памятники деловой прозы в русских архивах

А. Н. Качалкин,
кандидат филологических наук

Центральный государственный архив древних актов является наиболее крупным, но не единственным древлехранилищем памятников деловой письменности. Много старинных документов хранится также в архиве Ленинградского отделения Института истории АН СССР (ЛОИИ). Именно в его фондах сохранились материалы, накопившиеся в результате деятельности

Археографической комиссии, созданной в 1834 году для издания собранных Археографической экспедицией актов. Все документы, не вошедшие в издания Комиссии, хранятся в строгом хронологическом порядке в составе фондов коллекций частных лиц и государственных учреждений.

В архиве Ленинградского отделения Института истории АН СССР сконцентрировалось большое количество личных коллекций местных энтузиастов русской истории: краеведов, директоров и смотрителей училищ, врачей, священников и других представителей интеллигенции. До 1917 года в Археографическую комиссию поступило около 16 тысяч документов. В 1926 году бывшая Археографическая комиссия была преобразована в Постоянную историческую комиссию, а в 1936 году был создан Институт истории АН СССР.

Именно в 1936 году в архив ЛОИИ поступила обширная коллекция Н. П. Лихачева, русская часть которой имеет 11 036 единиц хранения. Несколько позже в него были переданы материалы Н. К. Никольского (979 единиц хранения) 1522—1820 гг. Из других богатых источников укажем собрание актов Черниговского губернского правления (930 единиц хранения) 1585—1794 гг., коллекцию М. И. Семевого (853 единицы хранения) 1559—1813 гг., Библиотеки Академии наук (849 единиц хранения) XVII—XIX вв., коллекцию В. О. Ключевского (835 единиц хранения) 1570—1847 гг. и собрание двинских актов (819 единиц хранения) 1400—1772 гг.

Фонды ЛОИИ дополняют сведения о документах *Приказных изб.*, в основном хранящихся в ЦГАДА. Среди наиболее богатых фондов *Приказных (воеводских) изб.* назовем документы Олонецкой (3036 единиц хранения) 1550—1702 г., Бежецкой (1446 единиц хранения) 1615—1712 гг., Якутской (1128 единиц хранения) 1638—1708 гг., Ядринской (820 единиц хранения) 1648 г., Нерчинской (760 единиц хранения) 1669—1713 гг., Кунгурской (542 единицы хранения) 1668—1713 гг.

Разные жанры документов представлены в фондах этих учреждений неравномерно. Так, в фонде Бежецкой воеводской избы много грамот из Поместного приказа, а в фонде Олонецкой избы грамот центральных учреждений, за единичными исключениями, почти нет. Зато в нем много крестьянских челобитных и связанных с челобитными делопроизводственных и судебных документов.

Во всех перечисленных фондах и в других, не названных потому, что они менее объемны (например, фондах Астраханской приказной палаты, Белозерской, Вятской, Иркутской воеводских изб и др.), обширно представлены Памяти, Досмотры, Сказки, Подорожные, Отписи, разнообразные Выписи, другие подобные документы. В фондах много отпусков (черновики) Отписок воевод, подлинники которых хранятся в центральных учреждениях.

Если в фондах ЦГАДА отразилась деятельность государственных учреждений — центральных *Приказов* и местных *Приказных изб.*, то в фондах ЛОИИ богаче представлены материалы уездных и волостных *Земских изб.* Особенно полно сохранились документы по деятельности выборных мирских властей и местным крестьянским делам в фондах Шуйской земской избы (769 единиц хранения) 1612—1722 гг., Двинской уездной волостной земской избы (255 единиц хранения) 1495—1684 гг., Устюжской земской избы (256 единиц хранения) 1578—1618 гг., Яренской земской из-

бы (238 единиц хранения) 1580—1723 гг., волостных земских изб Важского уезда (140 единиц хранения) 1567—1702 гг.

Именно коллекции ЛОИИ дают возможность представить жизнь русской средневековой сельской общины. В фондах волостных земских изб сохранилось немало *Выборов* — документов на избрание из своей среды должностных лиц (целовальника, старосты, сотского и других подобных): «выбрали мы меж собою к государеву делу в таможенную избу и на кружные дворы в целовальники одного доброго знающего человека на год не вора и не бражника душею пряма и животом прожиточного» (фонд 96, ед. хр. 141). В фонде Устьянской Дмитриевской волостной земской избы есть *Подкрестный список* 1590 г. (то есть крестоцеловальная запись) выборных земских должностных лиц в том, чтобы им вместе с земским судьей «суд судить и управу между крестьян чинить», а дьячку «дела судные писать».

«Мир» составлял на своих членов *Поручные записи* (в некоторых местах они назывались *Верчими*): «...и все мы порутчики за един человек поручились мы по крестьянине... по Анкидине Суманове в том что нанялся он Анкидин за нашу порукою заплатит на Москве государев стрелецкой и хлебной запас в государевы хлебныя онбары... К сеи верчей записе... вместо порутчиков кои в сеи записе имяны писаны по их велению Гришка Исаков руку приложил» (колл. 169, он. I, ед. хр. 240).

Свой общий взгляд, единую позицию миряне выражали и закрепляли в *Одиначных записях*; например, крестьяне Троицкой волости Важского уезда сложили в 1648 г. такой документ с твердым намерением стоять друг за друга против «горлана и ябедника и наушника миропродавца» Подберезного. Несколько позже (в 1653 г.) подобный документ был составлен против некоего Савина.

По особым случаям, затрагивающим интересы всей сельской общины, создавались *Мирские челобитные*; при сообщении о фактах, которые могли или должны были требовать участия администрации, составлялись *Явочные челобитные*. Так, староста и крестьяне Селецкой волости Важского уезда сообщили в 1619 году в *Явочной челобитной* о том, что в волости «были войной литовские люди», сожгли двор, «животы (жизненно необходимое имущество) у крестьянишек пограбили», обокрали церковь, причем уничтожили *Благословенную грамоту, Государевы грамоты, Судные списки* и другие ценные бумаги.

Многие из своих личных спорных дел крестьяне стремились разобрать у себя «в миру», не обращаясь с ними в административные учреждения. Именно в волостной избе земельные и иму-

пественные споры решались и завершались зачастую по общему согласию, что, однако, фиксировалось *Полюбовной договорной памятью* или *Излюбной памятью* или другим подобным документом.

Значительным древлехранилищем Ленинграда является Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки. Он был образован в 1805 году и первоначально назывался «Депю манускриптов». Фонды отдела активно пополняли известные деятели культуры В. Ф. Одоевский, В. В. Стасов, Н. Я. Марр, каждый из которых был в свое время руководителем библиотеки или ее рукописного отдела. Архивные материалы особенно существенно увеличились после Октябрьской революции за счет некоторых госучреждений и национализированных библиотек. Ныне в Отделе рукописей хранится в общей сложности около 40 тысяч документов допетровской эпохи, причем наиболее богаты фонды под названием Общее собрание актов и грамот и Коллекция Зинченко.

В Общем собрании актов сведены документы из небольших частных собраний, сохранивших деловые записи северных волостей, погостов; именно в этом фонде чаще встречаются редкие специфические жанры. Таков, например, *Отбой* 1661 года, зафиксировавший факт неподчинения местным властям. Когда «по мировому розводу» солдаты должны были внести деньги на общие волостные нужды, они «говорили мы тех денег без государева ведома не платим потому что мы государеву салдацкую службу головою служили и от старосты отбились учинились силны и старосту били» (ед. хр. № 1389). Подобное решительное противодействие властям, естественно, не могло произойти в крупном городе, имевшем значительные полицейские силы, и «...поп... да целовальник... да дьячек... Селецкого погоста» сумели отреагировать на факт неподчинения лишь тем, что составили *Отбой* и отправили его начальству.

В Собрании грамот есть и редкие разновидности документов о взаимных обязательствах. Такова *Зарядная запись* 1638 г., в которой братья официально оформили условие отдать свою сестру замуж за знатного человека Василия Степановича Трегубова в определенный срок. Обычно подобные записи назывались *Сговорными*, эта запись названа Зарядной потому, что указана сумма *заряда* — заклада, залога под неустойку: «а не дадим мы сестры своей Овдотьи... и на нас взять заряду полтораста рублей» (ед. хр. № 447).

Любопытным жанром является *Сиделая* [запись], свидетельствующая, что избранный целовальником Никита Скоков успеш-

но справился со своими обязанностями и за время сидения в «приказной избе в целовалниках... будучи он Микишка великих государей над делы и над казною и над колодники никакой порухи не учинил в том и седелая дана» (ед. хр. № 3412).

В Собрании Зинченко встретился нечастый жанр *Уплатной* [записи], представляющей собой разновидность расписки, свидетельствующей о получении в качестве платы части оговоренной суммы. Двое устюжан, подрядившиеся делать кирпичи архиерейскому приказному, «взяли... по кирпичной записе два рубли денег в уплату в том мы Михайло с товарищем и уплатную дали» (ед. хр. 910/2).

Следующее древлехранилище России — Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. Этот отдел стал формироваться еще в 1862 году одновременно с возникновением Московского Публичного и Румянцевского музея, преобразованного после Октябрьской революции в главную библиотеку страны. Первым был получен семейный фонд графов Румянцевых. После революции в Отдел рукописей было передано много родовых и вотчинных фондов, поступали материалы и документы ряда научных организаций, из которых наиболее значителен и разнообразен фонд Общества истории и древностей Российских.

Представленные в личных фондах и коллекциях жанры в целом известны и по другим древлехранилищам. Укажем, однако, довольно редкий бытовой жанр под названием *Кормежная*. Так назывался документ, которым местная власть официально отпускала неимущего крестьянина собирать милостыню и наниматься на случайную работу: «...по приказу государей своих властей архимандрита Сергия з братею... Костромского уезду села Покровского крестьянского сына Гаврилка Аникеева отпустили покормитца в мир Христовым именем и работою своею впредь на год» (фонд 57, карт. 12, № 56).

При отпуске крестьянки в замужество на нее оформлялся документ, который так и назывался: *Отпускная*. Реже встречается документ того же жанра с названием *Выводная*: «...отпустила я Анна з детми своими на вывот крепостную свою крестьянскую девку Дашку Василеву дочь замуш... за Ондриюшку Иванова а выводу взяла я Анна за ту свою девку Дашку денег восемь рублей и мне Анне и детям моим да той вышеписанной моеи девки Дашки дела нет...» (фонд 658, карт. 2, № 100).

Своеобразием формирования фондов в ГБЛ является выделение из коллекций в ряде случаев в качестве фондообразователя отдельной местности или даже населенного пункта. Таковы архив Шуйского посада с документами XVI—XVIII веков, составляющий

около 2 тысяч листов, архив села Марьино Курской губернии (170 тысяч листов) и ряда других. По селу Марьино документы сохранились в подлинниках и копиях начиная с первого его владельца — гетмана И. С. Мазепы. Они отразили последовательный переход земель во владение князю А. Д. Меншикову, затем восстановленной в имении царицы первой жены Петра I Евдокии Федоровны, далее — адмирала графа Н. Ф. Головина и так далее — вплоть до князей Барятинских, последних его владельцев перед Октябрьской революцией. По подобным архивам особенно заметна динамика земельных, имущественных, хозяйственных и других юридических документов в разные эпохи, в частности смена видов и разновидностей документов (в пределах определенных жанров).

Старинные документы хранятся также в Отделе рукописей и в Отделе письменных источников Государственного исторического музея. Архивный фонд музея складывался поначалу за счет пожертвований коллекционеров А. В. Орешникова, А. Д. Черткова, А. П. Бахрушина. В нем отложились коллекции крупного историка, хранителя славяно-русских рукописей Румянцевского музея Е. В. Барсова (в числе интересных документов есть *Сказки* — документы, содержащие известные их авторам сведения о восстаниях 1648 г. в Москве и Великом Устюге, *Статейные списки* — описания и записи сведений знаменитого русского посла Емельяна Украинцева в Турции); одного из организаторов и первого научного руководителя Исторического музея И. Е. Забелина (именно он собрал и сохранил архив Донского монастыря в Москве); коллекции владимирского краеведа Н. С. Стромиллова; богатый архив одного из президентов Академии наук, министра народного просвещения графа С. С. Уварова и другие коллекции.

Отдел письменных источников активно пополнялся и пополняется во время историко-бытовых экспедиций, собирающих материал для тематических экспозиций музея. Архивные материалы экспедиций специфичны: это документы, с давних времен остававшиеся не в учреждениях, а на руках у населения, сохранявшиеся в семьях как реликвии. Так, в фондах музея больше, чем в коллекциях иных хранилищ, *Отпускных* на волю, замуж, на промысел и других подобных.

Среди документов Исторического музея — нигде более не встретившаяся интересная по названию разновидность перечня: *Обрубной список* (фонд 68, ед. хр. 7, л. 35). Он поименно перечисляет людей, «кто что положит по силе Илье пророку на церковное строение», то есть кто сделает какой взнос на сооружение церкви.

Обрубным список называется, возможно, по такой причине: «что порек то и положил Илье пророку», или «в чем обрублен то и положил... денги все сполна» (видимо, что «обрубил», «отрубил» от себя, от своих средств). Возможно, *обрубить* означает и «обложить по кругу, определить взнос тем, кто не сказал, не „порек“ его добровольно».

Уже было отмечено, что при избрании из своей среды должностных лиц миряне составляли *Выбор*. Такие документы отправлялись начальству, в приказные учреждения. Среди архивных материалов Исторического музея встретился иной для подобных случаев документ под названием *Десятная* (фонд 68, ед. хр. 7, л. 5). В нем зафиксирован факт избрания десятского сугубо для своих земских нужд: «мирские люди... выбрали есми и излюбили в земские десятские Григорья Козлина». Целовальник и крестьяне решили закрепить на бумаге мирские обязанности избранника: «и будучи ему в десятцких на всякие дела ходить и на земляные и протравные и к татебным (уголовным.— А. К.) с нами ж крестьяны досматривать и записыв[ва]ть... да ему ж ведать в своем десятке чтобы не было ни татьбы ни розбою ни костров... а на очурных (нарушивших запрет.— А. К.) крестьян стоять миром. В том и десятную дали».

Названы только два документа музея, не отмеченные в других, в том числе объемных и разнообразных жанрами фондах. Почти в каждом значительном хранилище можно обнаружить пусть единичные, но своеобразные жанры, проливающие свет на ту или иную особенность деятельности канцелярии. Имея в виду фонды областных хранилищ, сошлемся на пример Архангельского государственного архива.

В фондах этого архива немало известных и по другим хранилищам *Излюбов* — документов, содержащих рекомендацию духовному лицу в поставлении его руководителем рекомендующих: «все того Усолия посацкие люди выбрали и излюбили... во священники Луцкого Усолья человека добра взроста и взрачна в грамоте умеющего и не хмелного Афонасья Егорьева Железникова. В том мы старцы и посацкие люди сей излюб написали и руки приложили и ему Афонасью вручили излюб» (фонд 1025, опись 1, ед. хр. 330). Однако в виде *Излюба* и под таким названием (возможно в связи с духовной тематикой) оказался составленным документ с просьбой о построении храма, то есть фактически *Мирская челобитная*: «...все крестьяне усоветовали со всего мирского совету соорудить в тое нашей волости вновь церковь Живоначальные Тронцы... каменную о пяти верхах... и тому написали сей излюб» (фонд 1025, опись 1, ед. хр. 5).

Мы не склонны преувеличивать значение местных особенностей в деятельности старорусской канцелярии. Памятники московской, псковской, новгородской, архангельской канцелярий хотя и расходятся по языку, но расхождения эти, как показал еще академик А. А. Шахматов, представляют собой лишь диалектные рефлексы, а не речь на диалектах. Однако каковы эти диалектные рефлексы были в реальности, позволяют выяснить именно фонды местных канцелярий. И хотя значительная часть старинных местных документов уже была передана прежде в центральные древлехранилища, редкие документные жанры продолжают обнаруживаться в областных архивах в тех фондах, которые разобраны и описаны на местах сравнительно недавно. С большим сожалением приходится констатировать, что в ряде архивов старые документы не только не описаны, но еще и не разобраны.

С другой стороны, многие археографы, историки, филологи не только описывают, хранят, исследуют памятники прошлых эпох, но и приумножают фонды путем экспедиций. Особенно преуспели в этом создатели рукописного фонда Пушкинского дома — В. И. Малышев, его сотрудники и ученики. Созданный за три десятилетия богатейший фонд рукописной книги и иных памятников, среди которых немало и документов, — блестящий пример истинной любви к сокровищам родной культуры и языка.

В составе документов этого сравнительно молодого собрания также открываются жанры, не встреченные в других древлехранилищах страны: таковы *Оправдательная грамота*, *Складная роспись*, *Судовой лист*. Есть здесь и подлинные, натуральные документы, названия которых до этого лишь упоминались в других текстах: *Прощальная грамота*, *Разрешительная грамота*. Интересен жанр *Сдаточной росписи*. Обычно при смене воевод происходила передача города одним воеводой другому по *Росписному списку*, где перечислялись городовые укрепления и их состояние, давался подробный список всему городскому общественному имуществу. Однако в петровское время стали возможны случаи, когда новый воевода назначался не сразу. При этом прежним воеводой составлялась лишь *Сдаточная роспись*, пример которой видим по городу Венеу за 1701 год (Собрание Муравьева, № 108).

Обстоятельства находок старых документов могут быть самыми неожиданными. Так, сотрудниками Пушкинского дома во время обработки древних рукописных книг были обнаружены при вскрытии переплетов старинные деловые бумаги: из них, как и из личных крестьянских писем, были сняты крышки переплетов.

Фонды и коллекции русских древлехранилищ складываются различными путями; различны объемы и содержание этих фондов и коллекций, однако каждый из них по-своему значим. И если мы в первую очередь интересуемся обильными материалами центральных древлехранилищ, они обязательно должны быть дополнены документами из местных архивов, библиотек, музеев — документами, своеобразными по содержанию, месту и условиям их появления. Только максимальный учет сохранившихся документных богатств даст возможность целиком представить быт и культуру русского народа, позволит во всей полноте сформировать картину жанров русского документа, каждый из которых по-своему засвидетельствовал во времени и пространстве самые разнообразные явления жизни наших предков.

Рисунок Н. Беланова

«От Пушкина до наших дней»

Е. М. Верещагин,
доктор филологических наук

Писатель Викентий Викентьевич Вересаев потратил немало труда, чтобы составить «систематический свод подлинных свидетельств современников» о нашем великом поэте. Так возникла знаменитая книга «Пушкин в жизни». Интересны, в частности, собранные в ней рассказы очевидцев о том, с каким пристрастием относился поэт к народным ярмаркам (ссылки на А. С. Пушкина делаются по академическому Полному собранию сочинений в 10 томах. М. 1957—1958). Он объяснял, например, свой интерес к ним так: «Разговорный язык простого народа (не читающего иностранных книг и, слава богу, не выражающего, как мы, своих мыслей на французском языке) достоин также глубочайших исследований. Альфиери изучал итальянский язык на флорентийском базаре: не худо нам иногда прислушиваться к московским просвирям. Они говорят удивительно чистым и правильным языком» (Т. VII. С. 175). (Витторิโอ Альфиери — итальянский поэт конца XVIII в., известен, в частности, тем, что вводил разговорные слова в свои классические трагедии. *Просвирия* — женщина, обычно из простого народа, которая печет просвиры, маленькие хлебцы, употребляемые в христианских обрядах; под «московскими просвирами» Пушкин явно понимает простой народ).

Не праздность заставляла поэта изо дня в день записывать «из уст народных» песни, пословицы, поговорки и особо любимые сказки. «Что за прелесть эти сказки! — восклицал он. — Каждая, есть поэма!» (Т. X. С. 108).

Вот начало одной из сказок, записанной Пушкиным, вероятно, со слов Арины Родионовны. «Поп поехал искать работника. Навстречу ему Балда. Соглашается Балда идти ему в работники, платы требует только три щелка в лоб попу. Поп радехонек, попадья говорит: „Каков будет щёлк“. Балда дюж и работащ, но срок уже близок, а поп начинает беспокоиться...» (Т. III. С. 452).

Сказку эту ни с какой не спутаешь, на фоне прозы проступают бессмертные стихи:

Жил-был поп,
Толоконный лоб.
Пошел поп по базару
Посмотреть кой-какого товару,
Навстречу ему Балда
Идет, сам не зная куда.
«Что, батька, так рано поднялся?
Чего ты взыскался?»

Сейчас мы к «Сказке о попе и о работнике его Балде» привыкли, но представьте себе ощущения русской «читающей публики», воспитанной на славянщине «шишковистов» или на салонном языке «карамзинистов», когда ей предлагают высокую, вполне литературную поэзию на чисто русском, простонародном, разговорном языке! Такого еще не бывало.

В другом месте Пушкин поясняет, для чего ему нужны записи народной речи: «Изучение старинных песен, сказок и т. п. необходимо для совершенного знания свойств русского языка» (Т. VII. С. 171).

Если вспомнить еще раз развернутое и вполне определенное высказывание Пушкина о важности знания «удивительно чистого и правильного языка московских просвирен» и учесть, что он прямо вводил этот язык в свое литературное творчество, то легко понять: поэт настаивал на народной основе русского литературного языка. Такова его устойчивая точка зрения.

Одновременно Пушкин предостерегал и от крайности — от забвения наследства «славяно-росского», книжно-письменного языка. С одной стороны, по его мнению, «письменный язык оживляется поминутно выражениями, рождающимися в разговоре», но все же, с другой стороны, язык литературы «не должен отрекаться от приобретенного им в течение веков». Поэт высказывается резко: «Писать единственно языком разговорным — значит не знать языка». И далее развивает эту мысль: «Может ли письменный язык быть совершенно подобным разговорному? Нет, так же, как разговорный язык никогда не может быть совершенно подобным письменному» (Т. VII. С. 479). Зато между «просторечием» и «простомыслием» поэт ставит знак равенства и, чтобы не было никаких сомнений относительно «простомыслия», приводит французский эквивалент *niaiserie* — «глупость» (Т. VII. С. 181).

Прежде чем показать, какое место в творчестве самого Пушкина занимала «славянская» стихия, следует заметить, что, призывая опираться на книжно-славянское наследие, Пушкин отнюдь не имел в виду «славянщины» адмирала А. С. Шишкова, главы

литературного общества «Беседа любителей русского слова», отъявленного архаиста и гонителя любого иностранного слова. Поэт как раз полагал, что церковнославянский язык не может быть литературным языком современной ему России. «Давно ли мы стали писать языком общепонятным? Убедились ли мы, что славенский язык не есть язык русский и что мы не можем смешивать их своенравно, что если многие слова, многие обороты счастливо могут быть заимствованы из церковных книг, то из сего еще не следует, чтобы мы могли писать *да лобжет мя лобзанием* вместо *целуй меня* etc!».

Пушкин возражал, когда «шишковисты» привлекали к себе в сторонники Ломоносова: «Конечно, и Ломоносов того не думал и предлагал изучение славенского языка как необходимое средство к основательному знанию языка русского» (Т. VII. С. 631).

К какой степени отрыва литературного языка от естественной, разговорной речи мог привести «путь Шишкова», показывает поэт (в письме брату Льву), разбирая строки из стихотворения Кюхельбекера, который по литературным вкусам принадлежал к архаистам:

Страх при звоне меди заставляет народ уstraшенный
Толпами стремиться в храм священный.
Зри, боже! число, великий, унылых, тебя просящих,
Сохранить им — цел труд, многим людям принадлежащий.

Попробуйте разобраться в синтаксисе этого произведения и станет ясно, что подобные искусственные построения значительно затрудняют непосредственное восприятие текста. Пушкин полностью прав, отрицая такое чрезмерно вычурное использование драгоценного церковнославянского наследия для русского литературного языка.

Итак, первая опасность заключалась в архаизации языка, которая неизбежно привела бы к консерватизму мышления.

Вторая — состояла в том, что к началу XIX века в России сложилась парадоксальная ситуация: образованные русские люди... не умели говорить по-русски. Ведь и Татьяна Ларина написала свое знаменитое письмо Онегину по-французски:

...Она по-русски плохо знала,
Журналов наших не читала,
И выражалась с трудом
На языке своем родном.
Итак, писала по-французски...
Что делять! повторяю вновь:
Доныне дамская любовь
Не изъяснялась по-русски,
Доныне гордый наш язык
К почтовой прозе не привык.

Горечь и гнев звучат в словах поэта, обращенных к русскому дворянству:

Сокровищем родного слова
(Заметят важные умы)
Для лепетания чужого
Безумно пренебрегли мы.
Мы любим муз чужих игрушки,
Чужих наречий погремушки.

Он упрекает даже любимого брата: «Сперва хочу с тобою побраниться; как тебе не стыдно, мой милый, писать полурусское, полуфранцузское письмо, ты не московская кухня» (Т. X. С. 33), и просит его: «...пиши мне по-русски, потому что, слава богу, с моими конституционными друзьями я скоро позабуду русскую азбуку». «Конституционные друзья» Пушкина — в Кишиневе (проектированное письмо из Кишинева). Это, конечно, передовые русские офицеры, будущие участники тайных обществ, стало быть, будущие декабристы, и даже они, рассуждая о благе России, прибегали к французскому языку!

Отвергая галломанию как моду, как поветрие, одновременно Пушкин видел, что современный ему русский литературный язык развит явно недостаточно, отсюда — объективная необходимость обращаться к другим языкам. «Просвещение века требует важных предметов размышления для пищи умов, ...но ученость, политика и философия еще по-русски не изъяснялись — метафизического языка у нас вовсе не существует; проза наша так еще мало обработана, что даже в простой переписке мы принуждены создавать обороты слов для изъяснения понятий самых обыкновенных; и лень наша охотнее выражается на языке чужом...» (Т. VII. С. 18). Поэт приводит пример своих собственных затруднений: «Душа моя, как перевести по-русски *bévues*? — должно бы издавать у нас журнал „*Revue des Bévues*”» (Т. X. С. 52). *Bévues* — это промахи, оплошности; отмечая многочисленные огрехи современных ему журналов, Пушкин шутливо предлагал затеять еще один — «Обозрение промахов».

Наряду с архаизацией и засилием чужого языка и «иноплеменных слов» (Т. V. С. 21), молодой русский литературный язык Пушкинской эпохи подстерегала еще одна, третья, опасность — салонность языка, жеманство, ложная патетика.

Пушкин приводит выписку из сочинения французского энциклопедиста-просветителя Ж. Л. Д'Аламбера: «Не выхваляйте мне Бюффона. Этот человек пишет: Благороднейшее из всех приобретений человека было сие животное гордое, пылкое и проч. Зачем просто не сказать лошадь» (речь идет о Ж. Л. Л. Бюффоне,

французском естествоиспытателе, который свои научные труды писал образным, художественным языком). Пушкин выступает в поддержку Д'Аламбера: «...я почти согласен с его мнением. Замечу мимоходом, что дело шло о Бюфоне — великом живописце природы, коего слог цветущий, полный всегда будет образцом описательной прозы, некоторые картины отделаны кистью мастерской. Но что сказать о наших писателях, которые, почитая за нивость изъяснить просто вещи самые обыкновенные, думают оживить детскую прозу вялыми метафорами? Эти люди никогда не скажут *дружба*, не прибавя: сие священное чувство, коего благородный пламень и пр. Должно бы сказать: рано поутру — а они пишут: Едва первые лучи восходящего солнца озарили восточные края лазурного неба». Какая ирония звучит в той же статье далее, причем поэт особо предостерегает против излишнего обращения к античным образам: «Читаю отчет какого-нибудь любителя театра: сия юная питомица Талии и Мельпомены, щедро одаренная Апол... боже мой, да поставь: эта молодая хорошая актриса — и продолжай» (Т. VII. С. 14–15). А вот другой пример: «Пришли мне бумаги почтовой..., не забудь... витую сталь, пронзающую засмоленную главу бутылки — т. е. штопор», — иронизирует поэт в письме Л. С. Пушкину (Т. X. С. 117).

Таково было положение с русским литературным языком в начале прошлого века. Отвергая крайности, уклоны, неумеренность, великий поэт и теоретически обосновал, и в своем творчестве развил магистральный путь формирования и жизни нашего языка.

Щедро черпая из народного источника, но не пренебрегая традиционными, духовными и выразительными богатствами языка, Пушкин не просто призывал, он добился синтеза двух драгоценных достояний нашего языка — народно-разговорного и книжно-письменного. Неуместное под другим пером, становилось уместным и правильным в его поэзии, а потом приобретало права гражданства и в общем языке:

В крови горит огонь желанья,
Душа тобой уязвлена,
Лобзай меня: твой лобзанья
Мне слаще мирра и вина.

М. Ф. Мурьянов (Об одном восточном мотиве у Пушкина. В кн. «Пушкин в странах зарубежного Востока». М.: Наука. 1979. С. 152) справедливо доказывает, что вместо «слаще мирра» должно быть «слаще мира» или, еще лучше, «мюра», т. к. после *м* должна была стоять ныне упраздненная ижица. «Миро» — это восточное благовоение, а «мирра» — горький сок травы наподобие полыни.

Если прочитать стихотворение до конца, то нельзя не заметить, что оно все построено на эстетике церковнославянской стихии в русском языке:

Склонись ко мне главою нежной,
И да почию безмятежный,
Пока дохнет веселый день
И двинется ночная тень.

А сколько у поэта других стихотворений, в которых книжно-славянские слова выходят на первый план, несут основную поэтическую нагрузку. И в наши дни они звучат для нас внятно, ничуть не затрудняют чтения, легко запоминаются.

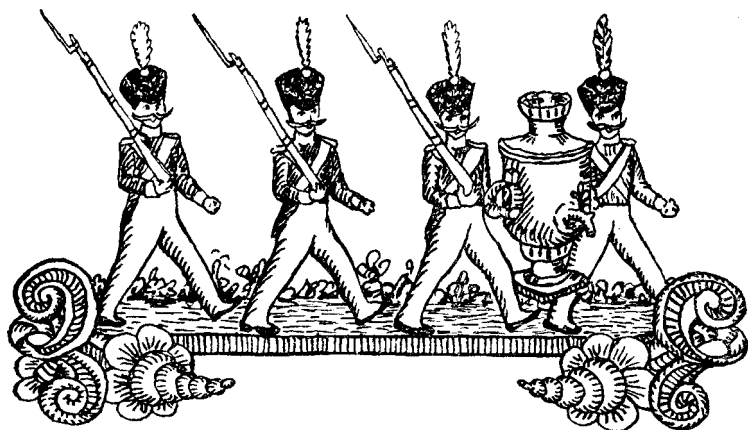
Персты, зеницы, отверзлись, горний полет, гад морских подводный ход, дольней лозы прозябанье, уголь, отверстый, глас, глагол — все эти славянизмы из знаменитого стихотворения «Пророк» создают то патетическое звучание, ту форму, которая необходима для высокого содержания.

Бессмертный «Памятник» — высшее выражение этой традиции синтеза разговорной и книжно-славянской стихий, причем через последнюю мы уже тысячу лет назад подключились к греческому языку, к античности.

Я памятник себе воздвиг перукотворный,
К нему не зарастет народная тропа,—
Вознесся выше он главою непокорной
Александрийского столпа...

Нерукотворным и вечным памятником поэту остается наш современный русский литературный язык. Об этом ясно и точно сказал И. С. Тургенев: «Не следует забывать, что ему одному пришлось исполнить две работы, в других странах разделенные целым столетием и более, а именно: установить язык и создать литературу... Нет сомнения, что он создал наш поэтический, наш литературный язык и что нам и нашим потомкам остается только идти по пути, проложенному его гением».

В. И. Ленин справедливо обозначил хронологические рамки русского литературного языка: «от Пушкина до наших дней».

СЧИТАЛКИ И СЧИТАЛОЧНЫЕ СЛОВА

С. Г. Николаев,
кандидат филологических наук

Аты-баты — шли солдаты,
Аты-баты — на базар.
Аты-баты — что купили?
Аты-баты — самовар!

Аты-баты — сколько стоит?
Аты-баты — три рубля.
Аты-баты — кто выходит?
Аты-баты — это я!

Кому не доводилось слышать этого бойкого, задорного детского стишка? Слышать и наблюдать сценку: несколько ребят стоят, образовав круг, и один из них быстро декламирует эти нехитрые строки, одновременно касаясь рукой то одного, то другого игрока. Движения рукой строго подчинены ритму стихотворения: каждому ударному слогу соответствует одно касание, и тот участник игры, па которого приходится последний ударный слог, «салит» в игре в салочки, «жмурится» в игре в жмурки и т. п. Может быть, когда-то в детстве вы пользовались несколько укороченным вариантом стишка — ваш пересчет завершался словом *самовар* или сочетанием *три рубля*, но неизменные *аты-баты* всегда сопровождали печатный шаг солдат из считалки.

Детская считалочная поэзия давно выделена в качестве особого фольклорного жанра. Считалку (или жеребьевку) определяют обычно как короткий рифмованный стишок с подчеркнuto строгим ритмом исполнения, служащий детям для выбора водящего, де-

ления игроков на партии и т. д. Можно добавить: считалка обязывает игроков к выполнению различных игровых функций независимо от желания тех, на кого падает жребий. И, как любая жеребьевка, она должна быть справедливой и беспристрастной.

На первый взгляд может показаться, что современная считалочка живет и развивается только среди детей, что она не имеет ни малейшего отношения к миру взрослых: с возрастом люди перестают пользоваться считалками, забывают их. Считалочные тексты передаются от старших детей к младшим «по наследству». И все-таки начало свое считалка ведет от определенных видов деятельности взрослых, корнями своими соприкасаясь с древнейшим народным бытом и ритуалами.

Возможно, именно от древних гаданий в считалках осталось нечто таинственное, в них непременно должна присутствовать какая-то магия, колдовство. Текст стишка, реальное значение входящих в него слов при таком условии, естественно, отступает на второй план. Отсюда и происходит одна из наиболее интересных особенностей языка считалок — наличие в них большого количества самых разнообразных по фонетическому составу бессмысленных звуко сочетаний.

Чаще всего они начинают собой считалку, как бы задавая ритм всей дальнейшей процедуре:

Ани-ба́ни, труката́ни, Едет баба на баране. Тпру — ну, не скачи, Продаются калачи, Калачи горячие, Три копейки сдачи.

Ту́ка-тука́, Пузырь молока. Кто его выпьет, Тот и выйдет.

Та́ра-ба́ра́, Домой пора — Ребят кормить, Телят доить, Тебе водить.

Во многих случаях считалочные слова, появившись в начале первой строки, регулярно повторяются на протяжении всего текста, ср. считалку «Аты-баты...», а также:

Ти́ли-ти́ли, Макарьевна, *Тили-тили*, Захарьевна, *Тили-тили*, куда пошли? *Тили-тили*, на рыночек. *Тили-тили*, чего купить? *Тили-тили*, подарочек. *Тили-тили*, кого дарить? *Тили-тили*, кухарочек!

Цы́нцы-бры́нцы, балалайка, *Цынцы-брынцы*, заиграй-ка. *Цынцы-брынцы*, не хочу, *Цынцы-брынцы*, спать хочу! *Цынцы-брынцы*, куда едешь? *Цынцы-брынцы*, в городок. *Цынцы-брынцы*, чего купишь? *Цынцы-брынцы*, молоток.

Существуют и такие считалочные тексты, которые почти полностью состоят из подобных звуко сочетаний, и тогда уже странным выглядит вдруг промелькнувшее среди нагромождений бес-

смысленных «слов» обычное русское слово:

Шёлды, бутылды, Начёки, чекáлды, Шýшел, вышел.

*Сýнцы, мизинцы, Пятый, наýтый. Чóкон, óкон, Чýкинъ, вы-
кинь.*

Вопрос об источниках считалочных слов неоднократно был предметом исследования ученых, хотя и остается до сих пор в числе сложных и малоизученных. Главная причина такого положения видится в том, что, являясь частью специфического языка детей и во многом продуктом детского творчества, передаваясь в основном изустно, считалочная лексика претерпевает подчас весьма странные, «незакономерные» изменения. И все же относительно происхождения некоторой части таких слов могут быть сделаны вполне определенные выводы.

Не раз отмечалось, что значительная часть русских (и не только русских) считалок представляет собой зашифрованный счет, последовательное название числительных по типу «раз, два, три, четыре...» И это естественно: ведь даже само наименование *считалка* родственно словам *счет, считать*. Приведем типичный пример считалки-числовки:

Ази, двáзи, Трýзи, ýзи, Пýтам, лáтам, Шýма, рýма, Дýба,
крест, Пошел Ванька в лес, Срубил палку, Убил галку, — На, со-
бака, ешь!

Можно утверждать, что слова первой «бессмысленной» части считалки — это аналоги числительных от одного до десяти. Наибольшее сходство с русскими числительными обнаруживают: *ази* (раз), *двази* (два), *тризи* (три), *пятам* (пять). Возможно, последнее непонятное слово в считалке имеет связь с графическим крестиком — символом, проставлявшимся в старину на товарных бирках и обозначающим цифру десять (ср. также начертание римской цифры X).

Конечно, не всякая считалка содержит пересчет от одного до десяти. Гораздо чаще встречаются в считалках слова или пары слов, которые логично было бы объяснить как счетные *раз, два*. Вероятно, широко известное сочетание *аты-баты* можно связывать с *раз, два* или, учитывая текст соответствующей считалки, с маршировочной командой *аь-два, аь-два!*

До сих пор речь шла о таких считалках, в которых используются, подвергаясь искажению «до неузнаваемости», слова русского языка. Но существуют считалочные слова и словосочетания иноязычного происхождения. В них тоже довольно последовательно и регулярно проявляется идея элементарного счета по типу *раз, два*. Так, В. Э. Орел в заметке «Эники-беники ели ва-

реники» (Русская речь, 1978, № 1) убедительно показывает связь начальных компонентов этой широко известной русской считалки с германским источником («счетные слова») и даже приводит предполагаемый текст соответствующей средневерхненемецкой *при сказки*.

Очевидно, источником известного считалочного зачина *эне-бэне* (варианты *эны-бены*, *ани-бани* и др.) вполне могла послужить латынь, подслушанная в старой бурсе.

Сочетание *ánki-dránki* наводит на мысль о немецких словах *ein, drein* (вспомним «двух изящно одетых мальчиков» немецкого происхождения из повести Н. Лескова «Колыванский муж», распевающих «Anku-dranku drili-dru...»)

В начале двадцатого столетия среди детей Вятской губернии была популярна такая считалка:

Пéря-мéря, Шúда-лúда, Пýта-сóта, Ива-дуп, Клеп – крес.

В книге А. И. Попова «Из истории лексики языков Восточной Европы» приводится удачное объяснение начального компонента *пéря-* (варианты *пера-*, *пэрэ-*) как произошедшего от чувашских *пер* «один», *пери* «один из многих», «некто», «некий», «каждый». Такая этимология вполне укладывается в обычную считалочную модель, основанную на простом счете.

Исследователи обнаруживают также в считалках слова из татарского (*тáтар-бáтор*), французского (*энгéль-пенгéль*), польского (*энклйчики-пенклйчики*), идиш (*бкен-бóкен*) и других языков. В некоторых случаях описанная связь с именами числительными не обязательна.

Иногда в состав считалок входят элементы тайных и профессиональных языков – аргó офеней, портных, птицеловов, охотников (см. об этом: Баранцев А. Д. Детские считалки как фольклорный жанр. – В кн.: Вопросы развития жанров в русской литературе и устном народном творчестве. Уч. зап. Калининского пединститута, Калинин, 1970).

Наконец, нередко в детских считалках фонетические комплексы звукоподражательного происхождения – такие, например, как *тýка-тýкá*, *цýнцы-бры́нцы*, *чы́ки-бры́ки*, *чух-рюх*. Звукоизобразительная природа подобных слов находит дополнительное подтверждение в текстах считалок – ср. «Цынцы-брынцы, балалайка...»

При изучении происхождения считалочных слов, внимательном рассмотрении и сопоставлении источников их возникновения и заимствования становится очевидным следующий факт. Возникая в разных местах, бытуя у разных народов, переходя из одного языка в другой различными путями, считалочные слова, тем не менее, строятся по одной и той же фонетической мо-

дели. Чаще всего они представляют собой особые двухкомпонентные сочетания, основанные на принципе повторения с некоторыми фонетическими различиями в начальных частях компонентов (*аты-баты, эники-беники, шишел-вышел, цынцы-брынцы* и мн. др.). Иногда компоненты обнаруживают различие лишь в месте ударения (*ту́ка-тука́*). И крайне редки, а потому нетипичны случаи полного (точного) повторения компонентов (*ти́ли-ти́ли*). По-видимому, наличие единой модели и обеспечивает считалочным словам почти беспрепятственное «блуждание» из одного языка в другой, обуславливает их интернациональный характер. Для ребенка, пользующегося считалкой, совершенно неважно, откуда происходит тот или иной элемент считалки. Важен их привлекательный, «магический» облик и повышенная способность к передаче ритма. Не обладая семантикой обычных слов, считалочные слова основаны на особом звукосемантическом принципе, связанном чередующимся ритмом.

К сожалению, пока не выработаны единые нормы графического оформления считалочных слов. Повторы в считалках пишутся через дефис, через запятую, без знаков препинания (*Эники-беники; эники, беники; эники беники*). Компоненты тех звукосочетаний, которые ложно ассоциируются с именами личными, иногда пишутся с прописной буквы и через запятую (*«Энике, Бенике ели вареники...», «Ани, Вани, что под вами...»*)

По-видимому, правильное всего было бы признать отдельным считалочным словом не компонент повтора, а — с учетом ритмического единства и фонетического сходства этих компонентов — весь повтор в целом (*аты-баты, тольчик-мольчик*). Сказанное касается и тех считалок, в которых содержится «зашифрованный» счет (*ази-двази, тризи-изи*). Наиболее естественным орфографическим вариантом при этом будет слитно-раздельное написание, то есть через дефис.

Ростов-на-Дону

Рисунок Ю. Панипартовой

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Что означает значок, пометка **NB**?»

М. С. Стадник, пос. Волноваха, Донецкой обл.

Значком **NB** или **NB** читающий отмечает в тексте место, на которое требуется обратить особое внимание. Значок читается «нотабене» или «нотабена» [от лат. *nota bene* — заметь хорошо]. Сама же пометка — начальные буквы латинских слов.

«Зальюсь слезьми горючими»

В. П. Владимирцев,
кандидат филологических наук

Если составлять словарь-тезаурус (словарь языка с полной смысловой информацией) к роману Достоевского «Преступление и наказание», неизбежно натолкнешься на своего рода

лексикографические заваyki. Что делать, скажем, с обильными курсивными подчеркиваниями? Достоевскому, как писателю, обычного семантического поля в словах всегда было, кажется, мало. Романист угадывал в глубине слов некое сокровенное «сверхзначение», когда пускал в ход свое излюбленное поэтическое средство — курсив, или шрифтовое выразительно-смысловое выделение лексики, ключевой в художественном контексте. Уже на первых страницах «Преступления и наказания» незатейливое местоименъице это обращалось в роковое, полное зловещей тайны — будто совсем иное, неузнаваемое — это (страшный замысел Раскольникова). О драме этого написан роман. Исчерпывающе объяснить в тезаурусе полифоническое, с тонкими смысловыми переливами, звучание романного слова Достоевского — вряд ли исполнимая до конца задача.

А как растолковать фразу, вынесенную в заголовок статьи? Она элементарна только на первый, поверхностный взгляд. Писатель вложил ее в уста Дмитрия Прокофьича Разумихина: «... я ведь... бренчу маленько (на клавикордах.— В. В.); у меня там одна песенка есть, русская, настоящая: „Зальюсь слезьми горючими...”». Комментаторы «Преступления и наказания» не единожды разыскивали в русских песенных сводах «песенку» Разумихина. Поиски обескуражили: песня — ни под таким названием, ни с такой начальной строкой — нигде не значилась. По крайней мере, среди фольклорных материалов. Может быть, Разумихин что-то напутал и пустил нас по ложному следу? Напротив, напутали бы мы, если б отказали выражению *Зальюсь слезьми горючими* в точных фольклорно-речевых координатах.

Разумихин — литературный современник исповедуемых им «русских, настоящих» песен. В его пору устное народное поэтическое творчество еще было «средой обитания» человека, даже в крупных городах (Петербург). И весьма сомнительно, чтобы ге-

рой Достоевского имел в виду песенную переделку или контаминацию, начинавшуюся со строки *Зальюсь и т. д.* Это исключается жестким однозначным определением: «русская, настоящая» (песня). Остается одно — вновь обратиться к фольклору минувшего столетия, чтобы найти или хотя бы нащупать источник, откуда Дмитрий Прокофьев мог почерпнуть свою безвестную «песенку». Тем самым попутно вскрыть главное — стилевую связь между народно-песенным *Зальюсь слезьми горючими* и романом «Преступление и наказание» в целом.

Любопытна фразеологизированная конструкция *Зальюсь слезьми горючими* сама по себе. Тут представлена и диалектная форма творительного падежа *слезьми*, и архаичный постоянный эпитет *горючие* (слезы) — опорное художественное средство в идиоматическом обороте народной эмоционально-образной речи, и наконец, устойчивая синтаксическая сращенность трехчленного словосочетания, которое с произвольной экспрессией выражает чувство безутешного горя — предел отчаяния. Естественно, что эта яркая психологическая миниатюра завладела художественным вниманием писателя-сердцевода Достоевского.

На какую же «песенку» сослался музицирующий Разумихин? Для чего Достоевский избрал данное, а не другое фольклорное произведение? Чтобы ответить, надо разобраться в сопутствующих обстоятельствах.

Нет числа исследователям романа «Преступление и наказание». Но почему-то никто, кажется, не заметил: поэтическая формула разумихинской «песенки» *Зальюсь слезьми горючими*, хотя и с видоизменениями, встречается в творчестве Достоевского много раз. Выберем примеры из его сочинений, предшествующих «Преступлению и наказанию»: «знать про то... моим горючим слезам» («Хозяйка»); «да как зальюсь своими горючими» («Ползунков»); «она залилась слезами» («Униженные и оскорбленные»); «горючими слезами по нем обливалась» («Зимние заметки о летних впечатлениях»). У позднего Достоевского, в записях к роману «Подросток», находим: «слезьми плачет». Представляется очевидным, что Достоевский питал нескрываемый творческий интерес к этому, народному в истоках, художественно-психологическому образу. «Песенка» в «Преступлении и наказании» может и, вероятно, должна рассматриваться как звено из единой цепи фольклорно-речевых материалов, впитанных и усвоенных поэтикой писателя.

Сопоставление «песенки» с близкими и тождественными ей народно-поэтическими текстами показывает, что Разумихин обозначил «русскую, настоящую» песню в известном смысле услов-

но, то есть метонимически, приемом синекдохи, через символическое замещение целого («песенка») частью (песенная строка *Зальюсь...*). Выражение-образ *Зальюсь слезьми горючими* имело в фольклорном быту прошлого широкое распространение, приобрело клишированный (шаблонный, ходячий) характер. Это лексикографически, с указанием народных ударений, зафиксировано в Толковом словаре В. И. Даля: *Горючий слези обливается*. В «Народных русских легендах», собранных А. Н. Афанасьевым (середина XIX века), в частности, сказано: «Посмотрел сын... *залился горючими слезами*». Былина «Илья Муромец и Калин царь» так повествует о князе Владимире: «*С ясных очушек он ронит слезы весть горючий*» (Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года). Область устной поэзии, где «песенка» Разумихина случается чуть ли не на каждом шагу, являет собой нормативный художественный мотив, — народные плачи и традиционные песенные описания плачущих и скорбящих. Похоронные, рекрутские, арестантские (темничные) и другие причитания неизменно воплощают этот мотив: *Как оны слезьми горючьми заливаются; И умывалися солдаты горючмы слезми; Напишу письмо горючьми слезми; А я, бедный мальчишка, заливаюсь горькими слезами* и т. п. С ними перекликаются народные лирические и балладные песни — там, где они созвучны рыдающим голосам плача: *Залилася Марья горючмы слезми; Что ты, Ванюша, горючей слезой залился? Я горючими слезами обливалась; Молодец... горючмы слезами заливается* и т. д.

«Песенка» Разумихина есть своеобразная представительная цитата из народных плачей и описаний плачущего человека, можно сказать, их обобщенно-символическое олицетворение. За «песенкой» открывается многое, если брать ее в связях с народной культурой, прежде всего — самый образ народного голошения, вопля, плача о тяжком и неизбывном горе, и одновременно — эхо всероссийских плачей, их оригинальная литературная интерпретация.

Народные плачи получили в России литературно-общественное признание в 1870-е годы, по выходе первого тома «Причитаний Северного края» Е. В. Барсова (1872 г.). Но Достоевский еще в 40-е годы по достоинству оценил социальное и художественное значение народного плача: творчески прикоснулся к его стилистике в «Бедных людях» (Макаровы и Варенькины письма с *причитыванием*). Роман «Преступление и наказание», создававшийся в 1865–1866 годах, углублял и развивал демократические установки «Бедных людей». Не в последнюю очередь это относится к тому

стилевому началу романа об *убийце* Раскольникове, которое обозначает «песенка» *Зальюсь слезьми горячими*.

Сибирская каторга демократизировала основы убеждений Достоевского. «Мои братья по несчастью» — без околичностей называл он своих соузников по Омской военной каторжной тюрьме, черный горемычный люд самодержавно-крепостнической России. За годы каторги Достоевский глубоко и сочувственно изучил народный взгляд на преступника как на духовно бедствующего, «несчастливого» человека. Впоследствии разъяснял в «Дневнике писателя»: «К числу таких сокрытых в народе идей — идей русского народа — и принадлежит название преступления несчастием, преступников несчастными... Нет, народ не отрицает преступления и знает, что преступник виновен. Народ знает только, что и сам он виновен вместе с каждым преступником». (Ср. с лингвоэтнографической справкой в Словаре В. И. Даля: «*Несчастливыми* народ вообще зовет всех ссылаемых в Сибирь»). С этой точки зрения — а она разделялась Достоевским — история Раскольникова в романе «Преступление и наказание» осмыслена как величайшее «несчастье». Перед нами не только решительное осуждение своеволия и аморализма, что является основной, главной мыслью романа, но и признание Раскольникова «несчастливым», достойным «братской» жалости, участия, молитвы, «горючих слез». Собственно, отсюда и проистекает любовь Сонечки Мармеладовой к *убийцу* — это было в коренных правилах народной этики (милосердие к «несчастливым»).

Слезь горячих, которыми *заливаются* герои, — психологическая стихия «Преступления и наказания». Подсчеты обнаруживают, что плачи и слезы запечатлены в романе — причем лишь в случае прямого словесного указания на них — более четырехсот раз. Но сюда же надо отнести многочисленные рассказы-*причитывания* и надрывные плачеобразные выкрики Мармеладова, Катерины Ивановны, Сони, Раскольникова, его матери и сестры и других персонажей. На рисунках писателя к роману Сонечка тоже изображена рыдающей. Как ни формальны эти выкладки-наблюдения, они проясняют очень важное, хотя и не учтенное наукой, поэтическое качество романа. По насыщенности *слезьми горячими* «Преступление и наказание» не знает себе равных в творчестве Достоевского. Было бы ошибкой полагать здесь стилевые издержки «нервного» по тону произведения. Дело куда сложнее.

Роману правомерно давались различные определения: драма, трагедия, «психологический отчет», дознание, исповедь и т. д. Но он реально претендует и на другое понимание — как своеобразный плач о «несчастном» (*убийце*).

В причитаниях Сонечки над Раскольниковым-убийцей различимы формульные конструкции народных плачей, например: «— Что вы, что вы это над собой сделали!». В духе прощального затюремного причета складываются Сонечкины речи-рыдания: «— Нет, нет тебя несчастнее никого теперь в целом свете! ... за тобой пойду, всюду пойду! ... в каторгу с тобой вместе пойду!»

Море людских горьких слез в «Преступлении и наказании» — отнюдь не метафора. В романе поэтически отразилось (выплакалось) русское горе — глубокий общественный кризис, охвативший пореформенную Россию. Отразились, в первую очередь, печали и страдания демократических слоев населения страны, «бедных людей». Гениально чуткий ко всему, что происходило в массах, Достоевский воспринял (это началось в сибирские годы) и философски и художественно разработал исконные народные представления о «несчастье» и «несчастных». Под его пером криминальная история (преступление Раскольникова) стала горестным эпосом на общерусскую тему *Зальюсь слезами горючими* (роман об оплаканном «несчастном»).

Изучавшие «Преступление и наказание» открыли в романе пласт реалистической изобразительной символики: желтый цвет, закат солнца, числовые обозначения, антропонимика, целование земли и проч. В этот художественный ряд следует по праву поместить плачи и причитания — знаки беды, трагические символы социальной горемычности, подхваченное эхо народного голошения. Роман-плач о «несчастных» России исторически был не чем иным, как литературным аналогом устному поэтическому творчеству тысяч народных воплений, в том числе знаменитой И. А. Федосовой. В богатом идейно-художественном многоголосии «Преступления и наказания» возвышается могучий «глас народа». Трепетно свидетельствует о том «песенка» про *слезы горючие* — про печали русской земли. Печали, которые пронзают Раскольникова и в конечном итоге делают его возмутителем общественного спокойствия на «святой Руси».

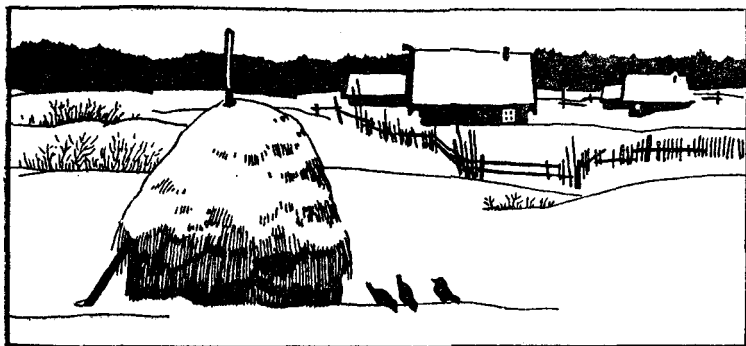
Иркутск

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Что обозначает слово *жалюзи* и где в нем нужно ставить ударение?»

Н. В. Казакова, Калининград

Жалюзй (фр. *alousie*) — многостворчатые ставни, шторы из неподвижных или поворачивающихся пластинок, устанавливаемые на окнах домов. Ударение на последнем слове.

Певец Северного края

Н. И. Неженец,
кандидат филологических наук

«Клюев — большое событие в моей осенней жизни» (1911 г.), — так говорил о поэте Николае Алексеевиче Клюеве Александр Блок. Высокую оценку ему давал и Сергей Есенин: «Из поэтов-современников нравились мне больше всего Блок, Белый и Клюев» (1925 г.).

Попробуем прикоснуться к творчеству этого выдающегося, но, к сожалению, пока малоизвестного для широкого читателя поэта.

Стихи Николая Клюева связаны с фольклором и бытом севернорусской деревни начала XX века. В них самобытно выражены думы и чаяния той части крестьянства, которая возвышенно и чутко воспринимала собственные обычаи, права, народную поэзию и природу.

Этому немало способствовало крестьянское происхождение поэта. Он родился в 1887 году в небольшом селении Коштуги, расположенном в Вытегорском уезде Олонецкой губернии (ныне территория Вологодской области). Там же, на берегу реки Андомы, среди дремучих лесов и непроходимых болот прошло его детство.

Олонецкий край был богат не только своей природой. Он широко славился народными былинами, сказаниями, легендами. Здесь жили знаменитые певцы-сказители Рябиныны, Ирина Федосова и др. Талантливой сказительницей и плакальщицей была мать Клюева, Прасковья Дмитриевна. Именно она обучила сына «грамоте, песенному складу и всякой словесной мудрости».

По окончании двухклассного училища в городе Вытегре Николай Клюев поступил в Петрозаводскую фельдшерскую школу.

Но через год был отчислен из нее по состоянию здоровья. Тогда Прасковья Дмитриевна, сама вышедшая из старообрядческой семьи, послала сына к соловецким старцам «на выучку». В их библиотеке он впервые познакомился с древними рукописями и печатными книгами. Однако аскетический образ жизни пришелся юноше не по душе, и вскоре он покинул монастырь.

Несколько лет подряд начиная с 1900 года молодой Ключев отправлялся с наступлением весны в Петербург на заработки. То он становился дворником, то прислуживал в бакалейной лавке, то переписывал казенные бумаги в какой-нибудь канцелярии.

В дни революционных событий 1905 года Ключев побывал в Москве. Там он сблизился с членами литературных кружков и опубликовал в сборниках «Волна» и «Прибой» свои вольнолюбивые стихотворения, написанные в духе кольцовско-некрасовской школы. Ключев глубоко изучил произведения былинного и песенного фольклора, знал наизусть множество стихов Пушкина, Лермонтова, Тютчева. В 1907 году началась его переписка с Блоком, которая продолжалась около восьми лет. Блок был первым, кто посоветовал Ключеву выпустить отдельным изданием его стихи. В 1911—1912 годах вышли первые книги Ключева «Сосен перезвон» (с предисловием В. Я. Брюсова) и «Братские песни», принесшие ему известность.

Примерно в 1915 году вокруг Ключева стали собираться видные крестьянские литераторы: Сергей Клычков, Петр Орешин, Александр Ширяевец, Сергей Есенин и др.

Октябрьскую революцию поэт встретил с восторгом. Он переселился из деревни в город Вытегру и активно включился в культурно-массовую работу с населением. В 1919 году в Петрограде вышли двухтомник его произведений под названием «Песнослов» и сборник стихов «Медный кит». Умер поэт в 1937 году.

Н. А. Ключева часто называли приверженцем дедовской старины, охранителем «избяного рая». Действительно, в своих ранних стихах автор выступал сторонником незыблемого крестьянского быта, его патриархально-религиозных порядков, веками складывавшихся в русской деревне. Художественная система таких стихотворений создавалась на основе мифологического романтизма, не допускающего четкого разграничения между живым и неживым, реальным и воображаемым. В этом случае поэтическое изложение строилось с помощью условно-фантастического образа:

Горние звезды как росы.
Кто там в небесном лугу
Точит лазурные косы,
Гнет за дугою дугу?

«Горние звезды как росы...»

Однако под влиянием устной поэзии, а также поэзии кольцовско-некрасовской школы жанрово-стилевая линия, восходящая к церковно-книжной риторике, постепенно ослабевала в творчестве Клюева, и вместо нее обозначалась другая — народно-песенная. Это нашло выражение прежде всего в форме произведений, которые по своей теме и способу изложения сближались с любовными, обрядовыми, семейно-бытовыми, календарными, трудовыми песнями.

Из языка поэта стали постепенно исчезать библизмы, лексикосинтаксический строй стиха наполнился реалистической образностью, фольклорными и обиходно-разговорными словосочетаниями. В творчестве Клюева сложился особый тип лирической зарисовки, основанный на соединении природно-бытовых и психологических деталей, которые нередко принимали форму сравнительно-метафорического олицетворения:

Говорят, что не стало тебя,
Но любви иссякаемы ль струи:
Разве зори — не ласка твоя,
И лучи — не твои поцелуи?
«Мне сказали, что ты умерла...»

Предметом поэтических раздумий художника стала деревенская Русь с ее тихими избами, равнинными полями, сосновыми чащами. В раскрытии этой темы наметились различные жанрово-стилистические пути.

Один из них, опосредствованный, связан с формой психологической характеристики авторского «я». Он представлен в стихотворении «Я люблю цыганские кочевья...» (1914), где говорится о любви поэта к родине, о тех явлениях жизни, которые составляли круг его душевной привязанности.

Синтаксическую основу этого произведения образуют однородные прямые дополнения, скрепленные перечислением. Они и включают в себе зрительные, слуховые и отвлеченные детали, отобранные поэтом из действительности и народных представлений о ней для воспроизведения обобщенного образа России. Среди них немало фольклорных элементов: поэтические штрихи из области крестьянских поверий и сказаний (в резьбе с крестиками ложек заклатья живут), и олицетворенные и опредмеченные абстрактные понятия (улыбчивые очи ловят сказки теми и лучей), и лирические тонкости из жизни природы (край сорочий, в росах конопля). Так вырисовывается многообразный мир, в котором жизнь и поэзия находятся рядом, естественно переплетаясь в своем повседневном бытии. Но показан он как бы на втором плане, через восприятие автора:

Я люблю цыганские кочевья,
Свист костра и ржанье жеребят,
Под луной как призраки деревья
И ночной железный листопад.

Я люблю кладбищенской сторожки
Нежилой, пугающий уют,
Дальний звон и с крестиками ложки,
В чьей резьбе заклатья живут.

Лирический герой поэта часто наделялся теми же душевными свойствами, что и герой песни. Все изложение в этом случае, как правило, выдерживалось в народных устно-поэтических традициях.

Наглядной иллюстрацией к этому является стихотворение «Я пришел к тебе, сыр-дремучий бор...», посвященное теме русского леса. Его словесная ткань точно вобрала в себя постоянные эпитеты (*сыр-дремучий бор, быстрые реки, крещеный люд*), и традиционные метафоры (*песню-золото расточившего; променял парчу на сермяжину, кудри-вихори на плешь-мысину*), и устоявшиеся олицетворения (*седовласый бор, на седых щеках слезовая смоль*). Известный народно-поэтический колорит привносят в текст также сравнительные обороты (*самоцветней зорь боевой наряд; крещеный люд на завалинах, словно вешний цвет на проталинах*), символическое осмысление животного и растительного мира (*расскажу я им..., что в родных стенах поредел туман, что сокрылись гады, филины, супротивники пересилены*), различные виды сложных слов (*чудо-терем, брови-трущобы*) и т. д. В народной песенной манере сложены и лирическое обращение героя к миру природы, сыр-дремучему бору, и его исповедь-монолог о своей жизни, выполненная в былинной интонации. Благодаря этому прямое повествование несколько смещается в план иносказательно-метафорический:

Я пришел к тебе, сыр-дремучий бор,
Из-за быстрых рек, из-за дальних гор,
Чтоб у ног твоих, витязь-схимнице,
Подышать лесной древней силищей!

В стихах, построенных на условно-событийном изображении действительности, предметы и явления внешней среды как бы наделялись человеческим характером, перенимали известные привычки и жесты людей, мечтали, думали, переживали, словно мыслящие существа; и на такой основе складывалась своеобразная сюжетная ситуация, близкая к аллегорической.

Так, к примеру, в основу «Избанных песен» (1914—1915) положен принцип последовательного изображения лирической героини

(хозяйки-матери) с позиций других персонажей. Для этого избрано несколько необычное движение темы. Человека уже нет, и мир его былых душевных помыслов и тайных привязанностей показан косвенно, посредством обрисовки тех лиц, вещей и явлений, с которыми он встречался при жизни. В этой связи в одном поэтическом потоке соединены персонажи действительные и фантастические, живые и олицетворенно-предметные, наделенные чувствами, эмоциями, мыслями, человеческой памятью. Все в крестьянской избе живет традиционной человеческой жизнью: печь, горшки, ухваты, демонические существа, птицы, животные; они помнят, грустят, переживают. Клюев применил здесь характерный прием сказочной поэтики, на основе которого все персонажи условного повествования обрели равнозначную художественную функцию:

Осиротела печь, заплаканный горшок
С таганом шепчутся, что умерла хозяйка,
А за окном чета доверчивых сорок
Стрекочет...

.....
Изжаждалась бадья, вихрастая мочалка
Тоскует, что давно не моется крыльцо.

«Осиротела печь, заплаканный горшок...»

Величие русского деревенского быта и культуры показывалось Клюевым и через их образное сравнение с культурой и бытом других народов. В частности, ключевую роль здесь играет символический мотив сказочной Индии.

Эта древняя страна с ее высочайшими горами и полноводными реками еще в детстве возбуждала интерес у поэта. В годы его писательской зрелости, совпавшей по времени с ростом идей социалистической революции, она сделалась для него олицетворением вольготного «мужицкого рая», в котором люди живут по законам земной красоты и справедливости. И черты этого легендарного рая Клюев упорно искал в обыденной жизни русской деревни, окруженной со всех сторон сосновым бором и овечьей народными преданиями, поверьями и песнями.

Впервые мотив «избяной Индии» прозвучал в стихотворении-раздумье «О ели, родимые ели...», написанном в 1916 году. Здесь ели символизируют собой сложную судьбу человека-художника. Вместе с тем они и реально, вещно входят в лирический мир поэта. Ели — предмет его самобытной поэзии, источник творческого вдохновения. Они вызвали к жизни мотив «русской Индии», который в тексте возникает дважды: сначала — косвенно, в скрытом метафорическом

сравнении (дают томов Гималаи), затем — явно, как психологический штрих поэтического настроения автора:

Об Индии в русской светелке,
Где все разноверьья и толки,
Поет, как струна, карандаш.

В другом стихотворении «Белая Индия» (1916) этот мотив вынесен в заголовок, и все повествование посвящено его раскрытию. Сюжетная ситуация сказа — это авторское сообщение о том, как некогда был утерян на небе таинственный талисман. Его долго искали, но найти не могли. Лишь планете Земля повезло: она подобрала редкостную вещь и в знак особой привязанности передала ее в дар русской деревне. С той поры та стала необычайно загадочной и поэтичной, как далекая Индия. Собственно, дорога в эту восточную страну и пролегла через деревню с ее дивной поэзией и бытом:

На дне всех миров, океанов и гор
Цветет, как душа, адамантовый бор,—
Дорога к нему с Соловков на Тибет,
Чрез сердце избы, где кончается свет,
Где бабкина пряжа — пришьелцу вежа:
Нырни в веретенце, и нитка-леха
Тебя поведет...

Шла мировая война, надвигалась революция, и Клюев, как истинный гражданин, все более и более задумывался над судьбами Родины, ее народной поэзии и бесконечно близкого ему крестьянского уклада. В центр его сказового повествования выдвинулась социальная и поэтическая история страны, насквозь пронизанная мифологической символикой. Отсюда — обилие в тексте различных жанровых компонентов: условные экскурсии в прошлое (в Рублев-

скую Русь), обзорно-декларативные описания настоящего, воображаемые сцены будущего.

Яркий образец такого смешения разнородных элементов — «Песнь солнценосца» (1917), посвященная теме революции в России. В ее зачине сообщается о трех огненных дубах, якобы давших Руси три желудя-солнца, с помощью которых совершится перестройка всей общественной системы планеты. Тут обычные бытовые и природные предметы (дуб, колокол, чертог) гиперболически раздвинуты до космических масштабов, в то время как огромные регионы (Китай, Европа, Север, Юг) художественно преуменьшены:

Мы — рать солнценосцев..
Воздвигнем стобашенный, пламенный дом:
Китай и Европа, и Север, и Юг
Сойдутся в чертог хороводом подруг,
Чтоб Бездну с Зенитом в одно сочетать.

Далее показаны истоки революционности масс. По мысли автора, они — в исполинской силе народа, его ратном труде и поэзии. В этой связи в лирический поток введены герои исторические и былинные; они метафорически оживлены, поставлены в один смысловой ряд с одухотворенными образами, возникшими из отвлеченных понятий:

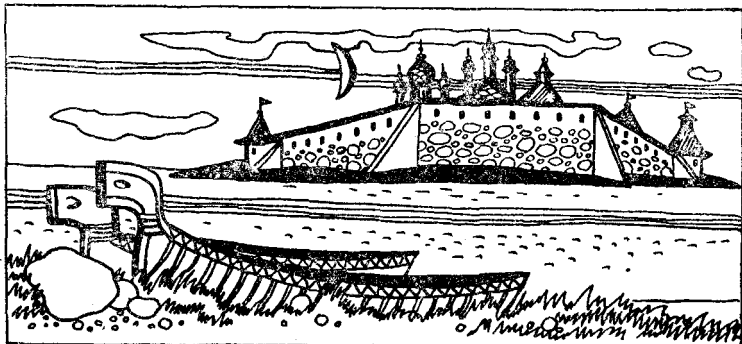
Три желудя-солнца достались нам —
Засевный подарок взалкавшим полям:
Свобода и Равенство. Братства венец —
Живительный выгоп для ярых сердец.

.....
По струнным лугам потечет молоко,
И певчей калиткою стукнет Садко:
«Пустите Бояна — Рублевскую Русь,
Я тайной умоюсь, а песней утрюсь,
Почестному пиру отвешу поклон...»

Октябрьскую революцию поэт встретил восторженными стихами «Из подвалов, из темных углов...» (1917). Информационные по своей сути, они были выполнены в виде декламационно-повествовательного изложения. В них содержалась лирическая характеристика коллективного героя-победителя, обозначенного в тексте личным местоимением «мы»:

Мостовые расскажут о нас,
Камни знают кровавые были..
В золотой, победительный час
Мы сраженных орлов схоронили.

В жанре стихотворной декламации обычно раскрываются эпохальные события. Отсюда несколько обнаженная, призывно-ритори-

ческая манера письма, стремление повествователя четко расставить идеологические акценты, показать поведение различных социальных групп и классов, дать истинную картину жизненных явлений.

Мир поэтических образов автора теперь уходил своими корнями в реальную действительность. Его произведения, написанные в жанровой форме лиро-эпической зарисовки и сходной с нею описательной баллады, убедительно раскрывали характерные черты нового в жизни:

Всё звончей, напевней
Трудовые сны.
Радости деревни
Лениным красны.

«Я кузнец Вавила...»

Художественное мышление поэта принимало светлые идейно-тематические и образные очертания.

Рисунки О. Дмитриевой

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Как правильно говорить: *изюм* или *кишмиш*?»

С. Т. Тищенко, *Киев*

Оба эти слова тюркского происхождения. *Изюм* — сушеный виноград любых семенных сортов, *кишмиш* же — название сорта винограда с мелкими ягодами без косточек, а также высушенные на солнце ягоды этого сорта. Именно кишмиш иногда неправильно и называют изюмом, но путать эти слова не следует. Кроме того, существует еще слово *сабза* (перс.). Так называется сушеный виноград бессемянных сортов с белыми ягодами (род кишмиша).

Огонь, вода и медные трубы

В. Н. Вакуров,
доктор филологических наук,
В. М. Мокиенко,
доктор филологических наук

Огонь и вода... С глубокой древности они овеяны мифами и поверьями. Следы многих пословиц и поговорок об огне и воде уходят в глубину веков. В нашем языке нередко употребляются обороты *идти в огонь и в воду* (с вариантом *готов в огонь и в воду*) и *пройти [сквозь] огонь и воду* или *пройти [сквозь] огонь, воду и медные трубы*, характеризующие готовность кого-либо идти на любые самоотверженные поступки и жертвы ради кого-либо или чего-либо, а также человека опытного, бывалого, искушенного жизнью и побывавшего в различных трудных ситуациях: «Самый лучший гопорар получают люди, прошедшие огонь, воду и медные трубы, самый же пизший — натуре петронутые и пенсперченные» (Чехов. Правила для начинающих авторов); «Позади... ординарец, добрый вояка... Таких и подбирал Григорий, чтобы шли за ним в огонь и в воду» (Шолохов. Тихий Дон).

Большинство историков русского языка считают оборот *пройти сквозь огонь и воду* (выражение *идти в огонь и воду* обычно не привлекает их внимания) заимствованием. Авторы «Краткого этимологического словаря русской фразеологии» Н. М. Шанский, В. И. Зимин и А. В. Филиппов ищут калькирования в древних языках: «Вероятно, калька. Предполагают, что восходит к судебным испытаниям огнем и водой (с целью выяснения виновности или невиновности), распространенным в Европе в средние века и, возможно, раньше. Существовали древнегреческие и латинские

выражения *Пройти сквозь огонь*. Вероятно, не без влияния библейских текстов. Ср. *Мы вошли в огонь и в воду, и ты вывел нас на свободу* (Псалтырь). Добавление *и медные трубы* — позднейшее (Русский язык в школе, 1979, № 6).

Белорусский же исследователь И. Я. Ленешев, в отличие от них, трактует оборот об огне и воде как кальку из английского языка, где известен аналогичный *to go through fire and water* (И. Я. Ленешаў. Этымалагічны слоўнік фразеалагізмаў. Мінск, 1981).

С таким утверждением трудно согласиться. Уже в середине XVIII века, когда влияние английского языка на русский было незначительным, наш оборот был уже широко известен, о чем свидетельствует его употребление М. В. Ломоносовым в Оде 1746 года: «Мы пройдем с ним сквозь огонь и воды. Преодолим бури и погоды, Поставим грады на реках». Более того, Е. И. Диброва, обратившая внимание на употребление этого фразеологизма М. В. Ломоносовым, возводит его к старославянским текстам: «Проидохом сквозь огнь и воду и извел еси ны в покой» (см.: Вариантность фразеологических единиц в современном русском языке. Ростов-на-Дону, 1979), что полностью снимает вопрос о калькировании с английского языка.

Приведенная старославянская фраза — та же цитата из Псалтыри, которую приводят авторы «Краткого этимологического словаря русской фразеологии», и даже, как видим, в более близкой к современному русскому выражению структуре и семантике: *проидохом*, то есть «прошли», а не «вошли». Мотив испытаний огнем и водой отражен и в другом месте Библии: «Будешь ли переходить через воды, Я с тобою, — через реки ли, они не потопят тебя; пойдешь ли через огонь, не обожжешься, и пламя не опалит тебя» (Книга Исая). Следовательно, можно предполагать древнюю традицию употребления оборота *пройти сквозь огонь и воду*.

Современные фольклористы убедительно доказывают, что многие так называемые «библейские» пословицы и поговорки на поверку оказываются народными, самостоятельными, независимыми от книжной традиции и лишь позднее «освященными» ею. Критерием «национального» и «интернационального» в таких случаях является целый комплекс признаков, из которых важнейший — активность той или иной пословицы в фольклоре (см.: Кокаре Э. Я. Интернациональное и национальное в латышских пословицах и поговорках. Рига, 1978).

В этом отношении поговорка об огне и воде также обнаруживает достаточную самостоятельность. Известны популярные русские сказки о солдатах и других бывалых людях, которые «в воде

не топят и в огне не горят» (см. статью А. И. Кузьмина о таких сказках «Русский солдат в воде не тонет, в огне не горит» в «Русской речи», 1984, № 4). Немало и народных загадок, где это выражение используется для «кодирования» различных предметов: *Режут меня, вяжут меня, бьют нещадно, колесуют — пройду огонь и воду, и конец мой — нож и зубы* (хлеб); *Ни в огне не горит, ни в воде не тонет* (лед) и др.

Характерно и то, что поговорка об огне и воде активно распространена в русских диалектах, весьма удаленных друг от друга. При этом, что исключительно важно, она допускает весьма свободное варьирование, что редко бывает с калькированными фразеологизмами: пск. и ирк. *в огонь и воду полезет* «об отчаянном человеке»; смол. *не трыгайся ни на агне, ни на ваде! и наши на агни ни гарять и на ваде ня тонуть* «об устойчивости»; пск. *пройти землю и воду* «везде побывать, много испытать»; ивановск. *полезть в огонь и воду* «быть готовым на все» и др. Подобные примеры можно найти и в других восточнославянских языках, например украинском: *З водою та вогнем не жартуй, він готов за ним в огонь скочити, з огня та в воду*; *Огонь та вода, то добро й біда* и др.

Можно привести также множество русских поговорок, пословиц, заговоров и т. д., в которых огонь и вода выступают непрерывной парой: *Огнем вода ключом кипит, а водой и огонь заливают...*; *Огонь силен, вода сильнее огня, земля сильнее воды, человек сильнее земли*; *С огнем, с водой не поспоришь*; *Праведное (правда) на огне не горит, на воде не тонет*; *Правда из воды и огня спасает*.

Обилие фольклорного материала рождает даже гипотезы о происхождении интересующего нас оборота из какого-либо конкретного фольклорного текста. Так, приводя загадку *Пройти огонь и воду и конец мой — нож и зубы* (хлеб), Л. И. Ройзензон высказывает предположение, что фразеологизм *пройти огонь и воду* [и медные трубы] возник именно из нее (Ройзензон Л. И. К лингвистической интерпретации загадок в связи с некоторыми проблемами фразеологии. — Вопросы фразеологии, вып. VII. Самарканд, 1975). Учитывая иноязычные чисто фразеологические соответствия, а также другой материал, приведенный выше, принять это предположение нельзя. Тем не менее, тесная связь между различными фольклорными жанрами на тему «огня и воды» и нашим выражением несомненна.

На фоне приведенного материала можно приступить к рассмотрению историко-этимологических толкований оборота *пройти сквозь огонь и воду*. Как мы видели, обычно его возводят к испы-

таниям огнем и водой — так пазываемым ордалиям или божьему суду (см.: Уразов И. А. Почему мы так говорим; Альперин А. И. Почему мы так говорим; Булатов М. А. Крылатые слова; Вартаньян Э. Из жизни слов; Сергеев В. Н. Пройти огонь, воду и медные трубы. — Русская речь, 1973, № 1).

Испытание огнем заключалось в том, что подозреваемый в преступлении, произнося определенную клятвенную формулу, держал руку на огне, брал руками раскаленное железо. При испытании водой обвиняемого бросали в воду: если он шел ко дну, то признавался невиновным, если же оставался на поверхности, то считался виновным. Такого рода суд был распространен на Руси в основном до XIV века (см.: Ключевский В. О. Сочинения, т. VI, М., 1959).

И все-таки следует признать, что образ интересующего нас интернационального выражения сформировался еще до времени распространения жестокого средневекового обычая. Об этом говорят и античные источники, и старославянские цитаты из Псалтыри, в которых этот оборот встречается. Образ прохождения через огонь и воду — древняя символика, уходящая корнями в мифологическое сознание.

Обрядов, не имеющих непосредственной связи со средневековыми ордалиями и являющихся гораздо древнее их, у индоевропейских народов — огромное множество. Никак не связаны с ордалиями и языческие игрища наших предков-славян на день Ивана-Купалы, где очищение огнем и водой выражалось в перепрыгивании «купальничких огней» — костров и купании в реках и озерах. Такие обычаи — также отражение дохристианского поклонения природным стихиям.

Следовательно, древнее мифологическое осмысление огня и воды как очищающих, «испытующих» стихий, отраженное в античной и библейской традиции и известное многим народам, в первую очередь и лежит в основе поговорок *идти за кого в огонь и воду*, *пройти сквозь огонь и воду*. В русском фольклоре этот образ столь же активен и жив, как и в книжном языке. Обычай «божьего суда», распространенный в средневековье, сделал его устойчивым языковым шаблоном, придал ему историческую конкретность, а потому и особую выразительность.

Нужно сказать, что современное употребление начисто стирает мифологическое и «ордалическое» прошлое этого выражения. Большинство из нас воспринимает здесь огонь и воду как конкретный образ. Не случайно некоторые писатели нарочито осовременивают внутреннюю форму оборота:

«Вот говорят: „Пройти огонь и воду“. А как на самом деле: можно огонь и воду пройти? Почему же нет! Есть, например, водолазный костюм. Наденет его человек и может путешествовать по морскому дну. Недавно у водолазного костюма появился брат — костюм, который огня не боится. Наденет его человек и может входить в пламя... Хорошо тому, у кого в шкафу оба костюма висят — водолазный и огнезащитный! Можно хоть каждый день ходить сквозь огонь и воду» (Порудоминский В. Рассказы о красных машинах); «Никитин видел... угрюмый и ненавидящий взгляд Меженина, направленный на пехотинца, этого раздавленного сейчас жалкой просьбой стрелкового офицера, вероятно, прошедшего огонь и воду» (Бондарев. Берег); «За последнее время Воронов встречал множество военных, на которых были старые гимнастерки и кители, в самом прямом смысле слова прошедшие сквозь огонь и воду» (Чаковский. Победа).

Если оборот *пройти сквозь огонь и воду* — древен и интернационален, то его вариант *пройти огонь, воду и медные трубы* пов, оригинален и специфичен. Аналогичный фразеологизм находим лишь в белорусском и украинском языках: *прайсці агнь і ваду, і медныя трубы; пройти крізь огнь, воду і мідні труби*.

Не все бесспорно в этимологической трактовке и этого фразеологического варианта. Исследователи по-разному объясняют как структурную, так и семантическую его эволюцию.

Ф. Г. Гусейнов предполагает, что оборот *пройти огонь и воду* образовался путем сокращения трехчленного выражения, которое автору представляется исходным: «В силу избыточности на один компонент усиления фразеологическая единица *пройти огонь, воду и медные трубы* сокращается на последний компонент и закрепляется в структурной формуле *пройти огонь и воду*» (Гусейнов Ф. Г. Русская фразеология. Баку, 1977).

Такую версию следует отвергнуть уже на том основании, что «редуцированный вариант», как мы видели, известен и в русском, и в других языках издревле, в то время как его гипотетический «источник» в русском, украинском и белорусском — лишь с XX века.

О том, что вариант с трубами — всего лишь развертывание, «парашение» более компактного исконного *пройти огонь и воду*, прямо свидетельствуют примеры из классики. Всем знакома характеристика Одинцовой из романа Тургенева «Отцы и дети»: «„Прошла через огонь и воду“, — говорили о ней; а известный губернский остряк обыкновенно прибавлял: „И через медные трубы“».

Это — важное свидетельство того, что еще в середине XIX века оборот ощущался как некое — в данном случае шутливое — обогащение старого выражения об огне и воде. О вторичности этой «прибавки» свидетельствует и то, что у классиков середины XIX века она встречается и как отдельный фразеологизм, не сливаясь тем самым окончательно с вышеприведенным выражением: «А маменька его такая прощелыга, просто через все медные трубы прошла» (Достоевский. Село Степанчиково); «В группе директоров Шкурин сидит (Синяя чуйка и красные губы). Старец, прошедший сквозь медные трубы...» (Некрасов. Современники).

Какие же *медные трубы* здесь имеются в виду?

На этот вопрос отвечает современник рождения этого фразеологического варианта В. И. Даль, предельно кратко комментирующий образ выражения *прошел огонь и воду и медные трубы*: «как вино» (В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка).

Позднейшие комментаторы пытаются детализировать этот образ, считая, что здесь речь идет о ловком мошеннике, который сопоставляется с парами от кипящей на огне смеси муки, солода и проч., проходящими через трубку-змейник, охлаждаемую водой (см.: Сергеев В. Н. Пройти огонь, и воду, и медные трубы. — Русская речь, 1973, № 1). Это объяснение, однако, — скорее всего народно-этимологическое, вторичное, на что указывает и его подчеркнуто шутливый характер.

Позднейшая прибавка *медные трубы*, видимо, появилась первоначально в военной среде, где переосмысление огня и воды в «батальном» духе сделало ее возможной и вполне логичной. В «Признаниях Сергея Чалыгина» Я. П. Полонского (1819–1898), например, это выражение употреблено именно в «военном» контексте: «Если верить рассказам Кремпева (адъютант в войну 1812 г. — В. М.), надо полагать, что человек этот, действительно, прошел сквозь огонь, воду и медные трубы. Чего с ним не было: он и топул, и горел, и, раненный французскими штыками, был найден между убитыми, а потом взят в плен русскими...». В этом же произведении данное выражение еще более разворачивается, объясняется как бы «испытательный» смысл процедуры прохождения через огонь, воду и медные трубы: «Великие слова „генеральша” и „ее превосходительство”... необходимо придать вес словам своим, а где было необходимо — он это знал как нельзя лучше, потому что прошел сквозь огонь и медные трубы. Недаром он говаривал: кто не пройдет сквозь эти огонь и медные трубы да не закалится, тому на святой Руси и жить нельзя».

Такое соединение огня и воды с медными трубами могло появиться именно в период Отечественной войны 1812 года. Во-первых, ранее этого периода само выражение в русской литературе не фиксируется. Во-вторых, именно в произведениях на военную тему мы встречаем соединение этих трех «батальных» символов. Вот несколько примеров:

Пред нами смерть, и огонь, и гром,
За нами горы тел кровавых,
И враг с растерзанным челом
В плену ждет низкого спасенья!..
Труба, сопутник наш, гремит!..
Друзья! В пылу огней сраженья
Обет наш: «Пасть иль победить!»

В. Ф. Раевский. Песнь воинов перед сражением, 1813 г.

Бурцов, ты — гусар гусаров!
Ты на ухарском коне
Жесточайший из угаров
И наездник на войне!
Стукнем чашу с чашей дружно!
Нынче пить еще досужно;
Завтра трубы затрубят,
Завтра громы загремят.

Денис Давыдов. Бурцову, 1804 г.

«...адъютанты роятся около него и дивизия (4-я пехотная) его слушает, и более чем слушает: она готова за ним в огонь и воду!... Это принц Евгений Виртембергский... Входящим в темноту сражения казалось, что их вводили в какой-то черный вертень! ... Двигались по порывам, кидались, куда призывал звук барабанов и труб» (Глинка Ф. Н. Очерки Бородинского сражения).

Постепенно военный колорит выражения приглушался, и стало возможным то шутовское переосмысление в речи, которое отразил в своем Словаре В. И. Даль. Тем не менее ассоциативная связь с медными трубами как символом испытания славой продолжает еще оставаться актуальной характеристикой этого выражения и сейчас. Наши современные писатели и журналисты нередко обыгрывают именно эту ассоциацию: «Анкета у меня чистая как слеза... И начальство я обожаю искренне и готов по первому его зову броситься в огонь, в воду и заиграть в медные трубы...» (Бродов В. Я на все согласен.— Литературная газета, 1975, № 32); «Знаете выражение: „Пройти огонь, воду и медные трубы“? Последний этап, трубы... самый опасный. Загремели литавры, и под их гром человек легко и быстро может ошибиться в оценке собственной значимости» (Неделя, 1986, № 24).

Пример наиболее яркого, точного употребления выражения *пройти огонь, воду и медные трубы* находим в очерке С. Лескова «Три подвига чемпиона» о героическом поступке Ш. Карапетяна. Журналист повествует о том, как прославленный спортсмен с риском для жизни участвовал в тушении большого пожара, и одновременно вспоминает о другом подвиге героя — спасении людей из водной стихии, после падения троллейбуса в воду. Сплавливая эти два поступка воедино фразеологизмом об огне и воде, автор очерка подчеркивает и скромность героя, выдержавшего и третье испытание — испытание медными трубами, то есть славой. Наш фразеологизм становится заключительным аккордом всего очерка: «В больнице я сидел рядом с его кроватью, в разговоре вспомнили нашу последнюю встречу на московском чемпионате мира по тяжелой атлетике, куда Карапетяна пригласили почетным гостем. Про себя я вспомнил и другое. Тогда, в Москве, я в глубине души беспокоился: выдержит ли этот простой и чистый человек испытание славой? Бывает, похвалы и известность меняют людей быстрее трудностей и невзгод. Через полтора года Карапетян дал ответ на тот вопрос. И теперь остается сказать, что прошел Шаварш Карапетян огонь, воду и медные трубы» (Комсомольская правда, 1985, 19 марта).

Так в современном употреблении продолжает жить и древнейшая «стихийная» связь огня и воды, и давно изжившие себя обычаи испытания этими стихиями во времена жестокого средневековья, и уже достаточно близкие нам воспоминания об испытании русских воинов огнем орудий и медными трубами славы Отечественной войны 1812 года.

Рисунок Б. Захарова

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Как правильно писать — раствор *отстоянный* или *отстоенный*?»

П. Р. Гусева, Москва

Существует правило: в страдательных причастиях прошедшего времени, образованных от глаголов, оканчивающихся на *-ать (-ять)*, нужно писать суффикс *-анн-, -янн-*, а в причастиях, образованных от глаголов, оканчивающихся на *-еть, -ить, -ти (-ть)* после согласной, *-чь*, пишется суффикс *-енн-*. Например: *отстоять — отстоянный, навешать — навешанный, увидеть — увиденный, вымесить — вымешенный, заплести — заплетенный, стричь — стриженный*. (См. Правила русской орфографии и пунктуации. М., 1956).

А. Н. Шустов

Корни слова *терапия* уходят в древнюю Грецию. С незапамятных времен в древнегреческом языке существовала группа слов, относящаяся к медицине: *иатэр* «врач», *иатрейя* «врачебное искусство» и др. Эти слова были известны и на Руси. С конца XVI века и до середины XVIII «первенствующие медики» назывались в России *архиатрами*: «Иностранные историки отдают справедливость учености бывшего при царе (Борисе Годунове, — А. III.) архиатра Ритинга» (Всеобщий журнал врачебной науки, 1811, № 1).

Существительное *иатрейя* (лат. *iatria*) вошло во многие европейские языки, оно является составной частью таких слов, как *педиатрия*, *психиатрия*, *гериатрия*... Наряду с этим у древних греков в ходу было слово *терапейя* (и многочисленные однокоренные) с основным значением «служение, почитание, угождение, уважение, попечение и т. п.». Отсюда, кстати, имя *Ферапонт*, означающее «раб, угодник, слуга, служитель». Разные начальные согласные не должны вызывать удивление. Греческий звук, который на письме изображался буквой «тета», в разные времена по-русски передавался двояко: как *Ф* и как *Т*. Сравните старинное и современное написание и произношение следующих слов: *афеизм* — *атеизм*, *феатр* — *театр*, *анфология* — *антология*...

В трудах Платона, Аристотеля и других древних авторов слово *терапейя* приобрело новое значение: «врачебный уход, ухаживание за больным, способ лечения и т. п.». В отличие от собирательного термина *иатрия*, который означал различные активные

методы лечения, слово *терапия* использовалось для обозначения консервативных методов лечения путем ухаживания за больным, «прислуживания» ему.

Одно из самых первых упоминаний слова *терапия* в России отмечено в рукописном греко-латино-славенском лексиконе Епифания Славинецкого. В отделе рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде хранятся два солидных тома его «Лексикона», относящиеся ко второй половине XVII века, где наряду с *терапией* отмечено еще около двадцати однокоренных слов. К слову *терапия* дан точный русский («славенский») эквивалент: «служба, работа, врачба, лечба».

В 1704 году в Москве вышел в свет «Лексикон трехязычный», составленный Ф. П. Поликарповым. По отношению к словарю Епифания «Лексикон» Поликарпова является «обратным», в нем даны переводы со «славенского» на «еллиногреческий» и латинский. К словам *врач* и *врачу* Поликарпов наряду с греческими *ιατρος*, *ιατρείо* привел и *терапевтэс*, *терапевейо*.

Слово *терапия*, в качестве названия одной из областей медицины, вошло в русскую профессиональную лексику в XVIII веке из средневековой ученой латыни (*therapeia*). Тогда на русскую службу часто приглашались врачи-иностранцы: немцы, голландцы, англичане. В течение длительного времени этот термин совершенно обоснованно рассматривался как иностранное слово (у Епифания Славинецкого и Поликарпова оно и писалось по-гречески) и поэтому в словари русского языка (в том числе и в первые академические) не включался. Впервые это существительное вошло в «Новый словотолкователь» Н. Яновского (ч. 3, 1806), причем в двух вариантах написания: «Терапия или Терапевтика... Часть врачебной науки, которая рассуждает о правильном лечении или по крайней мере облегчении болезней...»

Позже толкование Яновского было целиком перенесено в «Общий церковно-славяно-российский словарь» П. Соколова (1834 г.) и в «Словарь церковнославянского и русского языка» 1847 года. К этому времени *терапия* уже прочно вошла в языковой оборот: с января 1837 года в Петербурге даже издавался специальный «Терапевтический журнал».

Легко заметить, что прилагательное *терапевтический* происходит не от *терапии*, а от *терапевтики*. Название врача *терапевт* (приведено в Словаре 1847 года) также является производным от *терапевтики* с использованием суффикса *-ист* (ср. *артист*, *кавалерист*...). Но этот термин не прижился, уступив место интернациональному *терапевт*.

Однако, дав производные, само слово *терапевтика* в языке не закрепилось; некоторое время оно рассматривалось как синоним *терапии*, а затем и вовсе исчезло из оборота. Характерно, что в «Лексиконе» Епифания Славинецкого *терапевтики* нет.

В начале XX века уже возникают первые попытки придать слову *терапия* переносное, немедицинское, значение: «Сохранился в дневнике его (К. Д. Ушинского) интересный рецепт, составленный им для собственной *духовной терапии*» (Волкович В. А. Национальный воспитатель К. Д. Ушинский. СПб., М., 1913; курсив наш, — А. Ш.).

Словосочетания со словом *терапия* в переносном значении встречаются и в наши дни: «На какое-то время такая „книжная терапия“ (увлечение пустым, легким чтением, — А. Ш.) помогает, снимает напряжение, но сколь незначительна, сколь ненадежна эта помощь! Обедняют себя люди, относящиеся к чтению, как к неприятному времяпрепровождению» (Правда, 1986, 13 янв.).

Со временем у терапевтического метода лечения стали появляться отраслевые направления. И слово *терапия* стало получать соответствующие уточняющие «приставки». Так возникла группа сложных слов со второй основой *-терапия*. В одном из путеводителей начала XX века по курортам Кавказа читаем о санатории: «Все залы и кабинеты снабжены новейшими приспособлениями для использования гидро-, бальнео-, электро- и механотерапией».

В 20-х годах в качестве лечебных препаратов врачи стали использовать различные сложные белки — протеины, и возник родовой термин — *протеинотерапия*. Со временем были выявлены «персональные» воздействия отдельных белков. В результате появились видовые названия: *гемотерапия* (лечение кровью), *серотерапия* (лечение сывороткой крови), *лактотерапия* (лечение молоком), которые в свою очередь дали подвидовые производные: *аутогемотерапия* (лечение собственной кровью больного), *гетерогемотерапия* (лечение чужеродной кровью), *изогемотерапия* (лечение кровью донора), *аутосеротерапия* (лечение больного сывороткой собственной крови).

Новым является использование в лечебных целях для восстановления душевного равновесия группы эстетических факторов. Наряду с родовым *эстетотерапия* появились видовые термины: *музыкотерапия*, *хореотерапия*, *библиотерапия*, то есть лечение с помощью музыки, танца, чтения книг. Рождение таких слов происходит на наших глазах: «Не так давно в специальной литературе, посвященной вопросам технической эстетики, родился термин „эстетотерапия“. Вскоре выявились дочерние термины „музыкотерапия“, „цветотерапия“ (использование целебных

свойств световых лучей разного цвета; в конце XIX века называлось *хромотерапией*, — А. Ш.) и др. Сейчас, пожалуй, с полной серьезностью можно говорить о юморотерапии — лечении юмором» (Молодежный календарь — 1986, М., 1985). Автором одного из оригинальных неологизмов является известный советский писатель Н. Я. Эйдельман: «Обожаю архивы! Даже термин изобрел: *архивотерапия*» (Даугава, 1987, № 2).

Как это часто бывает в языковой практике, распространение новых слов порождает различные языковые пародии и окказионализмы. Пожалуй, одним из первых возникло в разговорном языке слово *лунотерапия* — прогулки влюбленных при луне. К той же группе относятся: *педалетерапия* — катание на велосипедах; *рифмотерапия* — рубрика сатирических стихов в журнале. «Крокодил», лечение пороков сатирой.

Список новых «терапий» продолжает пополняться, поскольку открываются все новые способы лечения, а они в свою очередь стимулируют рождение своих «собратьев» за пределами медицины. Некоторые термины дали производные для обозначения профессий врачей. В языке уже прочно утвердились: *физиотерапевт* и *психотерапевт*, а в последние годы появились их «коллеги»: *иглотерапевт* и *гипнотерапевт*.

Ленинград

Рисунок С. Гавриловой

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Сейчас повсеместно в городском транспорте вводят абонентные талоны. Появились компостеры. Во-первых, как нужно говорить: *компостер* или *компостёр*? И, во-вторых, как грамотно попросить других пассажиров об этой услуге?»

М. Трощенко, Москва

Правильно говорить: *компо́стер* (произносится мягко: *компо-сьтер*). Процесс пробивания дырочек в билете при помощи компостера называется *компостированием* (не компосированием). Соответственно нужно сказать: «Закомпостируйте, пожалуйста» (не закомпосируйте).

В долгу, как в шелку

Т. В. Горячева

Многим из нас хорошо известна поговорка *В долгу, как в шелку*. Она широко употреблялась в русской прозе XIX века. Если мы заглянем в словарь М. И. Михельсона «Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии» (Т. I, СПб. 1901), то найдем там свидетельствующие об этом цитаты: «Углицкий был в долгу, как в шелку. У него были не мелкие, а довольно крупные и притом стереотипные долги...» (Гончаров. Воспоминания); «Пятнадцать лет не прошло, как большие работы в губернии были; не один миллион в землю засадили: город в долгу как в шелку... А на все, что было в те поры построено — глядеть горько» (Мельников П. И. Медвежий угол).

Приводится эта поговорка и в Толковом словаре живого великорусского языка В. И. Даля.

Почему же мы так говорим: *В долгу, как в шелку*? Почему именно *в шелку*?

Наряду с поговоркой *В долгу, как в шелку* в русском языке отмечены поговорки *В долгу, что в репьях*; *В долгу, что в паути-*

не. Их мы находим и в Словаре В. И. Даля, и в работе М. И. Михельсона: «Принужден занять... А тут еще опять-таки за прописку, да то, да се, так я опять в долгу, как в репью...» (Даль. Грех); «Небольцев естественная дрянь... гаденький мот, в долгах, как в паутине» (Данилевский. Беглые в Новороссии).

В данном случае ясно, что долг воспринимается, как что-то цепляющееся, липнущее, опутывающее тело человека. В Словаре В. И. Даля приводится такой пример употребления слова *долг*: «Нет долга на мне ни блёсточки» (то есть не должен ни крошки.— *Т. Г.*). Даль также приводит выражение *очистить долги* в значении «уплатить» (то есть уплатить долги — очиститься, как от репьев, паутины очистить тело.— *Т. Г.*): Сравнивая нашу поговорку с приведенными выше, можно было бы предположить, что *В долгу, как в шелку* следует трактовать так: *в долгу, как в чем-то льнущем, липнущем* (если иметь в виду эти свойства шелка).

Однако есть и другая возможность истолкования второй части этого фразеологизма: *как в шелку* может употребляться и в пролическом смысле, то есть хоть ты и в шелку (богато одет), а весь в долгу (долгах). Даль приводит в Толковом словаре такое выражение: *Не убогий должен, а богатый*.

В этой связи интересна также могущая служить подтверждением второй версии поговорка, приводимая в работе М. И. Михельсона — *На брюхе шелк, а в брюхе щелк*: «в Москве найду я скорее зятя с полными карманами.., а в Питере, конечно, легче подхватить такого, что на брюхе шелк, а в брюхе щелк; да зато, по крайней мере, можно приискать полезное покровительство» (Даль. Небывалое в былом); «В прошлом месяце последнее именишко заложил и сделал себе гардероб. Такой уж у нас с пим характер: хоть в желудке и щелк, а на себе всегда будет шелк» (Писемский. Фанфарон).

Авторы недавно вышедшего «Опыта этимологического словаря русской фразеологии» (М., 1987) — Шанский Н. М., Зимин В. И. и Филиппов А. В. склоняются также ко второй версии: «*В долгу как в шелку*. *Шутл.* О том, кто многим должен. Собств. русск. Видимо, восходит к дворянам-вертопрахам, которые закладывали имения, занимали деньги и тратили их на наряды из шелка, приёмы и пр. (ср. у В. И. Даля: *На брюхе шелк, а в брюхе-то щёлк*).

В русском языке отмечены Михельсоном такие аналогичные с приведенными выше поговорки: *Дома щи без круп, а в людях шапка в рубль*; *Печь не топлена, а веревочки точеные*; *Пуст карман, да синь кафтан*; *Саночки расписные, а дома есть нечего*. Сравни-

те из Словаря Даля: *Ковры семи шелков, а рубаха и не прядена*. У Н. А. Некрасова есть такие строчки: «Хоть с толочна животы подвело, Да в позументах под каждым седло» (Псовая охота). Сравните также близкое к упомянутым поговоркам выражение, отмеченное в немецком языке: *glänzendes Elend*, что переводится буквально как «блестящая бедность». В болгарском языке есть фразеологизм: *На гол корем сребърни пищови*, то есть «на голом животе серебряные пистолеты».

Рисунок В. Леонова

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«В последнее время в газетах встречается слово „брифинг“. Что это такое?»

И. Долинский, *Одесса*

Брифинг (от англ. briefing – инструктаж, инструктивное совещание) – информационная беседа для журналистов.

■ «Если Вас не затруднит, прошу ответить на вопрос, что означает слово „фат“ у И. С. Тургенева в романе „Отцы и дети“: „Женщины от него с ума сходили, мужчины называли его фатом и втайне завидовали ему“».

И. И. Антонов, *п. Черноголовка, Московской обл.*

Фат [от франц. fat] – самодовольный франт, щеголь, любящий рисоваться; пустой, пошлый человек.

■ «Смысл поговорки „и на старуху бывает проруха“ вопросов не вызывает. Но что все-таки значит слово „проруха“?»

И. Долинский, *Одесса*

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля приводит богатый синонимический ряд: «прорух, проруха – ошибка, промах, мах, недосмотр, недогляд, прогляд, зевок, оплошность, недогадливость».

По просьбе читателей журнал возобновляет рубрику «Поступающему в вуз».

Те, кто собираются поступать на филологические и некоторые другие гуманитарные факультеты, должны будут сдавать устный вступительный экзамен по русскому языку. Требования, предъявляемые на этом экзамене, сформулированы в Программе по русскому языку для поступающих в высшие учебные заведения СССР. Основной источник сведений для подготовки к нему — школьные учебники по русскому языку.

На экзамене вас не будут спрашивать о том, что находится за пределами программы. Однако каждый рассчитывающий на успех должен понимать общую систему тех правил и закономерностей, которая существует в русском языке.

В наших публикациях мы постараемся не столько расширить ваши знания, сколько помочь в том, чтобы школьные сведения о русском языке стали более глубокими и системными. Мы остановимся подробнее на наиболее трудных проблемах, а также ответим на ваши вопросы.

СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ — конкретные, абстрактные, собираательные

Н. А. Каламова,
доцент Московского университета

На устном экзамене по русскому языку при анализе существительных часто возникают затруднения в определении лексико-грамматического разряда, к которому они относятся, — конкретные, абстрактные, собираательные. Покажем это на примере слов, грамматическая характеристика которых меняется в зависимости от их значения, конкретного употребления.

Слова *день, ночь, утро, вечер* имеют значения, которые почему-то не отмечают толковые словари, — «состояние природы»: «светло в полную меру» — *день*; «очень темно» — *ночь*; «только начало светать, посветлело, но еще не наступил день» — *утро*; и «потемнело, начало смеркаться, но еще не наступила ночь» — *вечер*. Например: «День угасал» (Лермонтов. Вадим); «Ночь последовала за днем без промежутка, как это обычно бывает на юге»

(Лермонтов. Бэла); «В окно вливалась из сада свежесть раннего утра» (Короленко. Слепой музыкант); «Тиха украинская ночь» (Пушкин. Полтава).

В этих случаях названные существительные следует характеризовать как абстрактные (обозначают состояние природы), то есть они не имеют форм множественного числа и не могут сочетаться с количественными числительными, как все абстрактные существительные в основном значении.

Когда же эти существительные означают временной отрезок: *день* — «часть суток от утра до вечера», *ночь* — «часть суток от вечера до утра», *утро* — «время суток после ночи перед началом дня», *вечер* — «часть суток перед наступлением ночи, следующая после окончания дня» (см., например, 17-томный Словарь), то они являются конкретными, то есть имеют формы обоих чисел и сочетаются с количественными числительными. Вот примеры: «Светает!.. Ах, как скоро ночь минула» (Грибоедов. Горе от ума); «Утро слепой... проводил в своей комнате» (Герцен. Долг прежде всего); «Прощай, Онегин, мне пора. — Я не держу тебя; но где ты Свои проводишь вечера?» (Пушкин. Евгений Онегин); «Царевич рос не по дням — по часам, и сделался чудо-красавец» (Жуковский. Сказка о царе Берендее).

Другие значения этих слов (в том числе переносные) также представляют большой интерес; рассмотрим некоторые из них: в зависимости от изменения смысла слова меняют лексико-грамматический разряд и грамматические особенности. Например, *дни* в значении «время, период» (*дни войны, дни юности, дни всепародной радости*) можно охарактеризовать как абстрактное слово, но не имеющее единственного числа, а в значении «жизнь» — «Наврасно мне кудесники сулят Дни долгие, дни власти безмятежной» (Пушкин. Борис Годунов) — только форму множественного.

Слова *зима, лето, весна, осень* в разных значениях имеют разную грамматическую характеристику. Так, *весна* в прямом значении — «время года, сменяющее зиму и предшествующее лету, характеризующееся удлинением дня, наступлением тепла, появлением пернатых птиц» — абстрактное и имеет только форму единственного числа. А вот в значении «период в три месяца» (кстати, 17-томный Словарь и Словарь Ожегова его не отмечают) данное существительное следует считать конкретным: «Только две зимы, только две весны»; «Последние две весны были очень холодными» (из разговорной речи).

Слово *весна* имеет и переносные значения — «год», «молодость» и «начало расцвета, развития». В первом оно — конкретное:

«Дверь распахнулась со скрипом, и девушка, на пороге семнадцатой весны, обвитая сумерками, переступила через порог» (Гоголь. Майская ночь), во втором — абстрактное: «Прошла моя весна, и лето миновало. И на лугу моем засохли все цветы» (Суриков. Я открыл окно); «Куда, куда вы удалились, Весны моей златые дни?» (Пушкин. Евгений Онегин); в третьем — также абстрактное: «И я, как весну человечества, рожденную в трудах и в бою, пою мое отечество, республику мою!» (Маяковский. Хорошо!).

Существительное *сила* имеет ряд значений, в том числе переносных и терминологических, лексико-грамматическая характеристика которых вызывает трудности.

В прямом значении «физическая энергия человека, животного» слово *сила*, оставаясь абстрактным, может употребляться как в единственном числе, так и во множественном: *большая сила в руках; у меня едва хватило сил встать*, а в переносном значении «способность человека к духовной деятельности, к проявлению умственных или душевных свойств» (воли, ума, характера) — или в единственном, или во множественном: *сила воли, ума, жизни, характера; душевные силы*; в значениях «степень проявления какого-либо действия»; «напряженность, интенсивность» (*сила ветра, удара; сила страсти, тоски*), «влияние, воздействие»; «власть, могущество» (*сила убеждения, красоты, музыки*) — только в единственном числе.

Слово *сила* может входить в состав терминологических образований: *центробежная сила, сила тяжести, сила тока, сила света, сила притяжения*. Здесь оно — абстрактное и выступает только в форме единственного числа, а в термине *производительные силы* — во множественном. В термине механики *лошадиная сила* слово *сила* — конкретное: *пять лошадиных сил*.

У названного существительного во множественном числе появляется еще ряд своеобразных значений — «общественная группа, общественный слой»: *демократические силы мира; соотношение классовых сил; «то же, что войска»; вооруженные силы страны; военно-морские силы; сухопутные силы; «люди одной профессии, одного рода деятельности»: местными силами поставлен спектакль; артистические силы в этом городе слабые; основные силы бросили на уборку урожая*. В этих значениях существительные приобретают свойства собирательных.

Слово *слой* в прямом значении «пласт чего-либо, лежащий в ряду других пластов или поверх чего-то» (*слой чернозема, слой пыли; краска была нанесена слоями; крем в торте был в три слоя*) имеет все особенности конкретного.

В значении «группа людей, однородная по социальным, культурным и другим признакам и составляющая часть населения, общества, класса» (*широкие слои населения*) существительное *слои* можно характеризовать как собирательное, поэтому имеющее только форму одного — множественного — числа и не сочетающееся с количественными числительными.

Таким образом, чтобы определить, к какому лексико-грамматическому разряду относится то или другое существительное, необходимо знать значение, в котором оно употребляется в данном контексте, а также возможные его сочетания с другими словами.

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Родственны ли слова *пень* и *пнуть*?»

А. К. Ибрагимов, Горький

Мнение о возможности связи слова *пень* с глаголом *пнуть* высказывалось в русской этимологической литературе начала нашего века (1914, О. Грюненталь). Однако большинство ученых-этимологов поддерживают другую версию — о родстве слова *пень* (известного и ряду других славянских языков) с древнеиндийским *ṛipā-* кам «посох, палка, дубина», греческим *ṛipax* «доска», древневерхненемецким *witu-fina* и средненижненемецким *vīne* «куча дров». Эта точка зрения отражена в «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера (М., 1971).

Интересно, что известный русский ученый А. Преображенский в своем «Этимологическом словаре русского языка» (1909–1914) отождествлял слово *пень* «truncus» и *пень* «след сидевшего зайца», предположительно объясняя это тем, что «сидящий на задних лапах заяц напоминает пеня, пенек, отсюда и след, оставленный зайцем в таком положении».

Глагол же *пнуть* восходит к праславянскому **rpъnъ-*, родственному литовскому *pīnù, rūniau, pīnti* «плести», готскому *spinnan* и нововверхненемецкому *spinnen* «пряхть».

Так он вам и поверил...

Обороты типа *так он (я) вам и поверил, так они и согласились* с формой прошедшего совершенного выражают в диалоге сомнение, скептическое отношение к возможному развитию событий. Они интересны взаимодействием значений элементов, которое в конечном счете и позволяет без участия отрицательной частицы обозначать отрицательный смысл: *так он вам и поверил* — он вам не поверит, *так они и согласились* — они не согласятся и т. п.

Слово *так*, характеризующееся разнообразными синтаксическими функциями (частицы, союза и др.), в одном из главных употреблений — знак следования, наступления чего-либо. Глагольный аналог этого значения — будущее совершенное, обозначающее следование действия (после момента речи, другого действия). Вот почему, если в предложении будущее совершенное стоит после слова *так*, оно нередко может быть заменено настоящим несовершенным, которое самостоятельно не выражает значения следования. Например: Руку пораню, *так* сосновую живицу приложу (ср. прикладываю) (С. Родionoв. Вторая сущность. Л., 1985, с. 321).

Предшествование противоположно следованию, «не мирится» с ним, логически отрицает его. Поэтому в обороте *так он вам и поверил* с общим значением следования смысл предшествования преобразуется в смысл отрицания. Функционально форма прошедшего совершенного становится синонимичной форме будущего с отрицанием: «— На охоту? — Ты же сам говорил, что хотел охотиться. — Ну, говорил. А ружья-то у меня нет. — У папани попросим. — *Так он и дал* [т. е. не даст]. Да и молотить ногами по кочкам да пенькам у меня желанья нет» (Черников. Друзья-товарищи); «— Говорят, очень уж шалят по ночам. — Нас пятеро. — *Так вас и побоялись*, пятерых-то, — вставил крестьянина» (Лесков. Разбойник).

Значение предшествования в пределах оборота *так он вам и поверил* имеет и частица *и*, указывающая на связь действия с предшествующим развитием ситуации (родственный частице союз *и*, соответственно, указывает на связь слова с предшествующим ему в предложении другим словом). Экспрессия отрицания, скепсиса, присущая обороту, тем самым, конечно, усиливается. Более того, когда вместо прошедшего в рассматриваемом обороте используется будущее совершенное, частица *и* остается единственным формальным средством выражения отрицательной семантики; при ее устранении оборот разрушается: «— Экспонаты! Это какие же экспонаты — золото? Колтуновы *так тебе* золото в музей и от-

дадут! Так они тебе и признаются, что нашли!» (Кривоносов. По поздней дороге).

Временные оттенки, выражаемые оборотами типа *так он (я) вам и поверил* варьируются в зависимости от того, какие местоимения стоят при глаголе. Чаще всего отрицаемое действие в обороте связывается с планом будущего; при этом речь идет о «третьем», не участвующем в диалоге лице. Например: «[Дымочкин:] *Так они их и отдали*, свои прибыли! Залезут опять в свои раковины — рубля из них не выпутать» (Саблина. Доигрались!). Однако, когда оборот отражает диалог-беседу, а местоимения при глаголе (1-го и 2-го лица) называют его участников, содержательно отрицаемое действие совпадает с планом настоящего, сомнение и скепсис оборота соотносятся с моментом речи: «— А я водку вообще не пью, к вашему сведению.— Ну да, *так я вам и поверила*. Все вы не пьете, пока не поднесли или жена не отвернулась» (Кутузов. Цветы любимым).

Иногда отрицательный смысл оборота говорящий соотносит с планом недавнего прошлого; в предложении при этом нередко выражаются оттенки недовольства, сожаления, разочарования: «Остановились около сваленного поперек просеки дерева, и тут Михаил Иванович начал бранить себя: — Кому поверил? *Так он тебе и показал* ток, да еще глухариний. И палатку не взял, старый пень! Тоже на него попадеался» (Черников. Друзья-товарищи).

Отрицание формой прошедшего или будущего совершенного выражается также с помощью частицы-междометия *как же*. Экспрессивно-эмоциональный результат семантического взаимодействия элементов фразы в данном случае тот же, что и в обороте *так он (я) вам и поверил*, — оттенки иронии, недовольства, пренебрежительного отношения к какому-либо мнению или чему-либо другому. Например: «— Ну чего ты сердился? Вот поднимут, может, и ты убьешь.— *Как же, убьешь...*— себе под нос проговорил он» (Черников. Друзья-товарищи); ср. также выражение: *Как же! Пошла я за него замуж!*

В оборотах типа *так он (я) вам и поверил* говорящий сталкивает противоположности — выражает отрицание, скепсис, иронию через утверждение. Это позволяет ему сделать свою речь образной, насыщенной эмоциональными оттенками, экспрессивно окрашенной.

Н. А. Луценко,
кандидат филологических наук,
Донецк

Глобальный, глобалистика, неоглобалистский...

В современной печати часто употребляются слова *глобальный*, *глобалистика*, *неоглобализм*, *неоглобалистский*. Читателю эти слова кажутся привычными и примелькавшимися, а появились они в русском языке совсем недавно.

Корень *глобал* заимствован русским языком из французского («Глобальный [фр. *global* всеобщий (лат. *globus* шар) — 1) относящийся к территории всего земного шара, охватывающий весь земной шар; всемирный; глобальная ракета — ракета, способная доставить боевой заряд в любую точку земного шара; 2) всесторонний, полный; всеобщий, универсальный (Словарь иностранных слов. М., 1983). На русской почве этот корень, приобретя адекватный суффикс *-н-* и систему флексий русского прилагательного, превратился в слово *глобальный*. Впервые слово *глобальный* зафиксировано в словаре «Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х годов» (М., Наука, 1973).

Словообразовательное гнездо с корнем *глобал* формировалось постепенно. Первоначально в него вошли три слова: *глобальный*, *глобально*, *глобальность*. Центром гнезда было прилагательное *глобальный*. Ближайшим производным от прилагательного *глобальный* является наречие *глобально*: «Прошло время. Пишет теперь Булыжников немного, но зато тяжеломерно и *глобально*» (Лит. газ. 1986, 9 апр.); «...проблема заявлена *глобально*: „живые истины“, „человеческий фактор“» (Лит. газета, 1986, 16 апр.).

Прилагательное *глобальный* явилось производящей базой для существительного, обозначающего свойство: *глобальность*. «Глобальность порой шовинизма спесивей» (Евтушенко. Фуку). Наличие наречия и существительного качества позволяет утверждать, что слово *глобальный* относится к классу качественных прилагательных.

С появлением слов *глобалистика*, *глобализм* и производных от них *глобалистский*, *неоглобализм* центром словообразовательного гнезда становится корень *глобал*. От нового центра протянулись две словообразовательные цепочки: *глобал — глобализм — неоглобализм — неоглобалистский*; *глобал — глобалистика — глобалистский*.

Рассмотрим состав первой цепочки: *глобал — глобализм — неоглобализм — неоглобалистский*.

Слово *глобализм* употребляется в настоящее время в составном термине *новый глобализм*: «„Новый глобализм“ — старая песня насилия в новой упаковке» (Сов. Россия, 1986, 18 февр.). Термин *новый глобализм* имеет синоним-дублет *неоглобализм*, образованный присоединением терминоэлемента *нео-*: *глобализм* — *неоглобализм*. *Неоглобализм* — термин, активно употребляемый для характеристики внешней политики Соединенных Штатов Америки: «М. Каддафи осудил американскую администрацию за проведение курса „неоглобализма“». (Известия, 1986, 18 марта).

Неоглобализм и *новый глобализм* — термины молодые, употребляются то в кавычках, то без них: «глобальная» роль США (Лит. газета, 1986, 16 апр.) — *глобальная роль США* (Правда, 1986, 31 марта); доктрина «неоглобализма» (Сов. Россия, 1986, 18 февр., Лит. газета, 1986, 16 апр.) — «*доктрина неоглобализма*» (Сельская жизнь, 1986, 25 апр.) — *политика неоглобализма* (Сельская жизнь, 1986, 25 апр.) — проповедь «неоглобализма» (Сельская жизнь, 1986, 25 апр.).

Прилагательное *неоглобалистский* образовано от *неоглобализм* и имеет значение «относящийся к неоглобализму»: «Акт является несомненным проявлением *неоглобалистских* тенденций во внешней политике администрации США, стремящейся таким образом распространить действие американского законодательства, юрисдикцию американских судов на граждан других стран» (Лит. газета, 1986, 12 марта).

Вторая словообразовательная цепочка от корня *глобал* имеет в составе два слова: *глобалистика* и *глобалистский*, употребляющиеся преимущественно в советской философской науке, семантически связанные с составным термином *глобальные проблемы*. Например: «Советская *глобалистика* за последние годы получила значительное развитие» (Глобальные проблемы и социальный прогресс человечества. — Вопросы философии, 1983, № 4).

Итак, в словообразовательном гнезде с корнем *глобал* имеются три словообразовательные цепочки. Интересно отметить то, что каждая из них имеет свою сферу употребления. Если *глобальный*, *глобально* могут употребляться в любом контексте, они нейтральны, то *глобализм*, *неоглобализм*, *неоглобалистский* употребляются в текстах политического характера, а *глобалистика*, *глобалистский* используются как специальные философские термины.

В настоящее время словообразовательное гнездо с корнем *глобал* находится в стадии дальнейшего развития.

Э. А. Сорокина,
кандидат филологических наук

Что привлекло нас во Владимире Высоцком?

В последние годы в печати появлялись во множестве воспоминания о Владимире Высоцком, статьи о его творчестве, написанные, как правило, либо специалистами-профессионалами, либо людьми, близко знавшими поэта. Вот почему, опережая вопрос читателей, хотелось бы представиться: мы не филологи, не профессиональные исследователи, и нам, к сожалению, не довелось быть знакомыми с Высоцким. Один из нас прораб строительного управления, другой — электромонтажник на заводе. Однако, видимо, не это главное. Воздействие песенного и стихотворного дарования Высоцкого столь огромно, что тут, как говорится, никто не устоит, независимо от чинов и званий...

В недавнем телевизионном фильме о В. Высоцком артист Михаил Ульянов сказал, что вот уже четверть века песни Высоцкого «слушают на всех этажах нашего общества... Песни Высоцкого глубоко народны. Ему удавалось выразить то, что существовало в душе народа». Очень верное и справедливое суждение. От себя добавим: обо всем, что «существовало в душе народа», поэт говорил его же народным живым и метким языком. В самом деле, если повнимательнее вслушаться в песни Высоцкого, пристальнее вчитаться в его стихи, непременно убеждаешься, как умело и бережно поэт обходился с неисчерпаемыми ресурсами русского литературного языка.

К разговору о языке мы вернемся — именно в этом цель нашего письма. Ответим на вопрос: что привлекло нас в Высоцком? Активность жизненной позиции, непримиримость ко лжи и злу. Стихи и песни выражают его суть — суть человека богатой души, доброго и отзывчивого сердца, натуры широкой, порывистой, очень эмоциональной, человека «без кожи» — тонкого, все чувствующего, ранимого. Диву даешься, как при этом в нем уживалась спокойная мудрость философа!..

Песни и стихи Высоцкого напрочь лишены созерцательности, успокоенности, сытости. Каждая строка написана «на нерве», эмоциональном и смысловом. Будто заряженные электричеством строки помогают жить, учат размышлять, зорче вглядываться в окружающее и в себя, учат тоньше чувствовать, яростнее бороться, творить добро, горячо любить Родину.

Расшифровывая фонограммы, разбирая тексты песен, сравнивая их различные варианты, замечаешь, как поэт до предела сжимал свои произведения, облекая мысль в точно найденную,

выверенную форму. Высоцкий знал цену слову, не допускал излишеств, пустых фраз и зряшных мыслей.

Поначалу мы меньше всего думали о каких-либо результатах. Собрательская работа, поиск, прослушивание все новых записей доставляли нам удовольствие, приносили радость. Но постепенно у нас начал скапливаться интересный материал и возникло желание поделиться своими наблюдениями и с читателями журнала, и со специалистами, профессиональными исследователями.

Итак: после внимательного изучения поэтического наследия Высоцкого (а нами были рассмотрены тексты 655 песен и стихов, почерпнутых из фонограмм, периодической печати, книги «Нерв», а затем тщательно выверенных) было обнаружено более 2500 случаев употребления фразеологических оборотов, в том числе: пословиц и поговорок — 361, крылатых слов (или выражений) — 163, а также 47 образцов цитирования чужого текста и реминисценций, которые, безусловно, следует отнести к фразеологическому фонду.

Начнем с пословиц и поговорок. Вот, например, как пословица *Утро вечера мудренее* использована Высоцким в песне «Моя Цыганочка»: «В сон мне — желтые огни,/и хриплю во сне я:/«Повремени, повремени — /утро мудренее!». А известной пословицей *С волками жить — по-волчьи выть* в песне про «Козла отпущения» поэт воспользовался дважды: «Хоть с волками жил — не по-волчьи выл,/блеял песенки все козлиные». И: «Он с волками жил — и по-волчьи взвыл,/и рычит теперь по-медвежьему».

Строки «Как по Волге-матушке, по реке-кормилице — /все суда с товарами, струги да ладьи,/и не надорвалась, и не притомила — /поша не тяжелая, корабли свои» из «Песни о Волге» сразу вызывают в памяти пословицу *Своя ноша не тянет*. С детства всем знакомое наизудание *Из двух зол выбирай меньшее* в стихотворении «Нараспашку при любой погоде» выглядит так:

Из двух зол — из темноты и света —
люди часто выбирают темноту.
Мне с любимой наплевать на это —
мы гуляем только на свету.

Слезами горю не пособить — в таком виде донес до нас эту истину рукописный сборник «Пословицы и поговорки Нижегородской губернии (записи Н. А. Добролюбова)». В песне Высоцкого «Что случилось в Африке» мы узнаем ее без труда: «Льют Жираф с Жирафихой/слезы крокодила./Только горю не помочь(...)»

Для краткости изложения далее опускаем названия песен и стихотворений Высоцкого (все они хорошо известны) и приводим вначале фрагменты его текстов, а в скобках помещаем устойчивые фразеологические обороты, ставшие для поэта отправными. Например: «Ой, Вань, гляди, какие клоуны, — /рот, хоть завязочки пришей» (*Рот до ушей, хоть завязочки пришей*); «Здесь на зуб зуб не попадал, /не грела телогреечка» (*Зуб на зуб не попадает*); «Не мычу, не телюсь, весь — как вата, /Надо что-то бить — уже пора!» (*Ни мычит, ни телится*); «Не сумел я, как было угодно, — /— шито-крыто, / Я, напротив, — ушел всенародно / из гранита!» (*Все шито-крыто*).

Наряду с пословицами и поговорками поэт с немалым тактом и бережным отношением к наследию знаменитых предшественников широко применял в своих произведениях так называемые «крылатые слова». Как известно, в отличие от других фразеологических единиц «крылатые слова» донесли до наших дней память об их авторе. И вот как Высоцкий использовал принадлежащее Юлию Цезарю высказывание: «Где вы, уподобленные Цезарю, /что пришел, увидел, победил?» Или вот слегка, очень корректно измененная поэтом цитата из Шекспира: «(…) И крикну, как Ричард, я в драме Шекспира: /„Коня мне! Полцарства даю за коня!“»

Удалось также обнаружить у Высоцкого «крылатые слова», принадлежащие Гомеру, Вольтеру, Гете, русской поэзии и прозе. Например, пушкинское «Я помню чудное мгновенье» в следующих строках нашего современника: «(…) Тот, кто раньше понимал /смерть как награду или избавленье, /тот бить стремился наповал, /а сам при этом напевал, /что, дескать, помнит чудное мгновенье». Наше внимание привлек фрагмент, явно навеянный знаменитой комедией А. С. Грибоедова: «(…) Но плохо за часами наблюдал /счастливые /и нарочно время замедляли /трусливые». Блоковская формула «Покой нам только снится» была отмечена у Высоцкого в таких его строках: «Покой только снится, я знаю, /Готовься, держись и дерись, /Есть мирная передовая, /беда, и опасность, и риск».

Поэт удивительно точно употреблял фразеологизмы, являющиеся образными эквивалентами слов, так называемые номинативные фразеологические обороты. Например: «Лукоморья больше нет, /от дубов простыл и след»; «Нет острых ощущений, все — старье, гнилье и хлам, /того гляди с тоски сыграю в ящик»; «Мы вместе горе мыкали, /все проткнуты иголками, /Забудем же, кем были мы, /товарищи мои».

В произведениях Высоцкого встречается немало случаев пи-

тирования известных (узнаваемых) строк других авторов. Например, шекспировская (из «Гамлета») фраза «Бедный Йорик!» у поэта представлена следующим образом: «Аминь! Бедняга Йорик...» Нескрываемое уважение к гению русской поэзии проявилось, в частности, в цитировании строк из «Медного всадника» и «Графа Нулина». У Пушкина, напомним, они звучат так: «И ясны спящие громады/Пустынных улиц, и светла/Адмиралтейская игла(...)»; «Пора! Пора! Рога трубят». А это Высоцкий: «Затихла брань, но временны поблажки./Светла Адмиралтейская игла (...)»; «Трубят рога: „Скорей, скорей!“ / — и копошится свита».

Поэт цитирует и по-новому заставляет звучать запавшие ему в память отрывки из прозаических и стихотворных произведений советской поры. Приведем фрагмент из «Смерти Долгушова» И. Бабеля: «(...)Пропадаю, — воскликнул я, охваченный гибельным восторгом. — Пропадаем, отец!» Теперь слово Высоцкому: «Чую с гибельным восторгом: „Пропадаю, пропадаю!“» Легко узнаваем Есенин и его стихотворение «Не жалею, не зову, не плачу...» в следующем отрывке: «(...)Все прошло, исчезло, словно с яблонь белый дым».

Разнообразие приемов употребления фразеологизмов превращает поэтическую речь Высоцкого в красочный карнавал. Иногда поэт использует их без изменения, и тогда они сохраняют свое значение и структуру. Например: «Таких, как он, там *пруд пруди*»; «По-польски *ни бельмеса* мы — ни жена, ни я»; «Все, теперь ты — *темная лошадка*»; «Они — *рукой подать*, наискосок».

Гораздо чаще фразеологические обороты предстают у поэта в переоформленном или обновленном виде, как индивидуально-авторские: «И ушли корабли — мои братья, мой флот./Кто чувствительней — *брызги слотнули*./Без меня продолжался Великий поход./на меня ж *парусами матнули*» (образованы от общеупотребительных фразеологизмов «глотать слезы» и «махнуть рукой»); «Та, что поменьше, вбок кривила трубы/и *пожимала баком и кормой*» (от «пожимать плечами»); «Я его фигуру *смерил оком*» (от «смерить взглядом»).

Ощутимого стилистического эффекта Высоцкий добивается и за счет употребления фразеологического оборота как собственно фразеологизма и как свободного сочетания слов, в результате чего создается определенная смысловая дублированность. Примеры: «Я хорошо усвоил *чувство локтя*,/который мне совали под ребро»; «Я здесь *баклуш* могу *набить*/несчетное число»; «И из окон на пленных *глазела* Москва *свысока*»; «...заламывают руки,/ломают *копья*, ломают *луки*».

Характерным, на наш взгляд, для языка поэзии Высоцкого

является прием, когда в одном контексте происходит столкновение фразеологических синонимов, объединенных общей темой. Это не бездумный повтор, а стилистическое средство привлечения внимания читателя и слушателя. Судите сами: «*Ни кола, ни двора и ни кожи с рожей*»; «*В два счета был уволен./верней, в три шес выгнан/непонятый титан*»; «*Только всех их и видали, словно сгинули*»; «*Все равно, что в лоб ему/что по лбу — все едино*».

Из специальной литературы известно, что контаминация, то есть объединение двух фразеологических оборотов или их частей, в современной поэзии и прозе встречается довольно редко. Внимательное же прочтение текстов Высоцкого убеждает, что это как раз один из его любимых стилистических приемов. Обратимся к примерам: «*В колесо фортуны палки/ставим с горем пополам*» («колесо фортуны» и «ставить палки в колеса»); «*Мне жена подложила сюрприз*» («подложить свинью» и «преподнести сюрприз»); «*Мой дом — твой Дом моделей*» («мой дом — твой дом» и «Дом моделей»); «*Если продан ты кому-то/с потрохами ни за грош*» («продать с потрохами» и «пропасть ни за грош») и др.

Попадая под мастерский прицел Высоцкого, известные фразеологические обороты приобретают подвижность — они у него живут, изменяются, дополняются авторскими наблюдениями. Так, извечный шекспировский вопрос «Быть или не быть?» поэт решает однозначно и, вместе с тем, с присущим ему юмором: «Конечно, быть, но только начеку». Есенин писал, что «Большое видится на расстоянии», а Высоцкий его поправляет, добавляя: «Но лучше, если все-таки вблизи». Пословица *Первый блин комом*, перефразированная Высоцким, стала выглядеть так: «Комом все блины мои, а не только первый». Поговорку *Поменять шило на мыло* поэт развивает дальше: «Поменять на шило мыло, мыло на стамеску,/а „ворье“ переименовать в „чуждый элемент“, — подчеркивая как бы тем самым бессмысленность занятия.

В заключение письма хотелось бы сказать, что даже непрофессиональное изучение творчества Владимира Высоцкого убеждает нас в том, что он достойно продолжает традиции своих великих предшественников. Множество строк его песен и стихов, ставших крылатыми, живут в народе, их часто слышишь в разговорной речи — на работе, на улице, в общественном транспорте: «Жираф большой, ему видней», «Не друг, и не враг, а так», «Что мы видим... кроме телевидения», «Кто без страха и упрека,/тот всегда не при деньгах», «Лучше гор могут быть только горы»...

В. П. Лебедев, Е. Б. Куликов
Ленинград

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Откуда произошло название „Камчатка“?»

Н. Д. Шамова, *Курск*

Полуостров Камчатка получил свое название по фамилии землепроходца XVII века Ивана Камчатного. Фамилия *Камчатный* представляет собой скорее всего тюркизм. (см. Э. М. Мурзаев. Словарь народных географических терминов. М., 1984 г.).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Н. С. ВАЛГИНА, И. Ф. ВОЛКОВ, В. П. ВОМПЕРСКИЙ, А. И. ГОРШКОВ, П. Н. ДЕНИСОВ, И. Г. ДОБРОДОМОВ, Л. П. ЖУКОВСКАЯ, В. В. ИВАНОВ (главный редактор), Л. М. ЛЕОНОВ, И. Ф. ПРОТЧЕНКО (зам. главного редактора), Н. А. РЕВЕНСКАЯ (ответственный секретарь), Л. И. СКВОРЦОВ (зам. главного редактора), Ф. П. СОРОКОЛЕТОВ, Н. И. ТОЛСТОЙ

Заведующая редакцией
Т. С. Колмакова
Художественный редактор
Е. Н. Сапожникова
Корректоры
В. В. Беляев, М. Б. Рыбина

Сдано в набор 18.10.87.
Подписано к печати 14.12.87.
Формат бумаги 84×108/32.
Печать высокая. Усл. печ. л. 8,4.
Усл. кр.-отт. 425,9 тыс. Уч.-изд. л. 10,0.
Бум. л. 2,5. Тираж 49 500.
Заказ 919

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука».
Адрес редакции: 121019, Москва, Г-19, Волхонка, 18/2. Телефон: 202-65-25
2-я типография изд-ва «Наука», 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6